

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 13

2014

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Выпуск 4

Декабрь

АФРИКАНИСТИКА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В АВГУСТЕ 1946 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ И ВОСТОК

- Малашевская М. Н.* Российско-японские переговоры на высшем уровне (1997–1998): новые тенденции в развитии двусторонних отношений 5
- Петухова Н. В.* Развитие китаеведения как науки в России в середине — второй половине XIX века..... 15

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Симатова С. А.* Частицы как способ выражения модальности в китайском языке.. 23
- Энхбат Мунхицэг.* Части речи в толковом словаре «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» (1717)..... 37

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Гаджиева Д. Х.* «Аш-Шафийа фи-т-тасриф» Ибн ал-Хаджиба с иерархией комментариев в Дагестане..... 44
- Редькин О. И., Берникова О. А.* Проблемы оцифровки и каталогизации арабографических рукописей 56
- Харатишвили Г. С.* Кавказоведение в Санкт-Петербургском университете и его преподаватели (часть 2) 65

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ
1824 – ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

© Авторы статей, 2014

© Издательство

Санкт-Петербургского университета, 2014

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Войтишек Е. Э., Бочкарева Д. С.</i> Фольклорные мотивы в творчестве Чи Цзыцзянь (на материале романа «Правый берег реки Аргунь»)	75
<i>Завьялова Е. Е.</i> Эффект мерцания в новелле Хусрава Бабахани «Русалка»	84
<i>Кузнецова Ю. А.</i> Традиция антиутопии в драме Гао Синцзяня «Другой берег»	89
<i>Куприянова Ю. А.</i> Образ новой женщины Китая середины XX века в произведениях Чжан Айлин.....	100
<i>Тептюк П. С.</i> Мотив обманной свадьбы в средневековых арабских макамах.....	108

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

<i>Лемешко Ю. Г.</i> Философско-эстетическое осмысление народной картины «И ту-ань хэ ци» регионального центра Таохуау	113
--	-----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

<i>Николаев П. П.</i> Индийский фактор как ключевой аспект китайско-бутанских и китайско-сиккимских отношений (1949–1962).....	121
--	-----

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

<i>Дьяков Н. Н.</i> Арабистика и исламоведение в современной Европе. О XXVII Конгрессе Европейского союза арабистов и исламоведов в Хельсинки.....	128
--	-----

IN MEMORIAM

<i>Рыбин В. В.</i> Памяти Евгении Михайловны Пинус (1914–1984)	131
Перечень статей.....	134

CONTENTS

RUSSIA AND THE EAST

<i>Malashevskaya M. N.</i> High-level Russia-Japan negotiations in 1997–1998: new tendencies in development of bilateral relations	5
<i>Petukhova N. V.</i> Evolution of Chinese studies in Russia in the middle — second half of the 19 th century	15

LINGUISTICS

<i>Simatova S. A.</i> Particles as a Means of Expressing Modality in Chinese	23
<i>Enkhbat Munkhtsetseg.</i> Parts of speech in the explanatory Manchu-Mongolian dictionary of 1717	37

HISTORY AND SOURCE STUDIES

<i>Hadjieva D. Kh.</i> “Ash-Shafiya fi-t-tasrif” by Ibn al-Hadjib with hierarchic system of the commentaries in Daghestan	44
<i>Redkin O. I., Bernikova O. A.</i> Problems of digitizing and cataloging arabic manuscripts ..	56
<i>Kharatishvili G. S.</i> Caucasian studies in Saint-Petersburg University: history and teachers (part 2)	65

LITERARY STUDIES

<i>Voytishek E. E., Bochkareva D. S.</i> Folklore motives in the Chi Zijian novel <i>The Right Bank of the Argun river</i>	75
<i>Zavyalova E. E.</i> The flicker effect in the novel of Khusraw Babakhani “Mermaid”	84
<i>Kuznetsova J. A.</i> Tradition of anti-utopia in Gao Xingjian’s play “The Other Shore”	89
<i>Kupriyanova Yu. A.</i> Eileen Chang’s novels: the image of the Chinese new woman in the middle of the 20 th century	100
<i>Teptyuk P. S.</i> Fraudulent Marriage in the Medieval Arabic Maqāma	108

GEOCULTURAL SPACES AND CODES OF THE CULTURES OF ASIA AND AFRICA

<i>Lemeshko Ju. V.</i> Philosophical and aesthetic comprehension of new-year picture “Yi tuan he qi” of Taohuawu regional center	113
--	-----

FOREIGN POLICY AND INTERNATIONAL RELATIONS OF ASIA AND AFRICA

<i>Nikolaev P. P.</i> India as the key factor in China-Butan and China-Sikkim relations (1949–1962)	121
---	-----

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

<i>Dyakov N. N.</i> Arabic and Islamic studies in contemporary Europe. On the XXVII th Congress of the Union Europeenne des Arabisants et Islamisants (UEAI 27)	128
--	-----

IN MEMORIAM

<i>Rybin V. V.</i> Commemorating the 100 th Anniversary of E. M. Pinus (1914–1984) Birth	131
List of the articles.....	134

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 327+94(520)

М. Н. Малашевская

РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ (1997–1998): НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В представленной статье рассмотрена история переговоров между президентом России Б. Н. Ельцином и премьер-министрами Японии Хасимото Рютаро (в ходе «встреч без галстуков» 1997–1998 гг.) и Обути Кэйдзо (во время его официального визита в Москву в ноябре 1998 г.). В ходе этих переговоров стороны обменивались предложениями, нацеленными на решение территориального диспута между двумя странами и расширение двухстороннего взаимодействия в экономической, социальной и политической областях. Японская сторона руководствовалась новой концептуальной моделью вариантов решения территориального спора, заключавшейся в поэтапном решении данной проблемы, российские представители, со своей стороны, предлагали отойти от ведения территориальных переговоров и укреплять связи в самых разнообразных областях. Библиогр. 28 назв.

Ключевые слова: история российско-японских отношений, внешняя политика Японии, «встречи без галстуков», проблема принадлежности южной части Курильских островов.

HIGH-LEVEL RUSSIA-JAPAN NEGOTIATIONS IN 1997–1998: NEW TENDENCIES IN DEVELOPMENT OF BILATERAL RELATIONS

M. N. Malashevskaya

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article reviews the history of negotiations between the president of Russian Federation B. N. Eltsin and prime-ministers of Japan Hashimoto Ryutaro (during “no necktie meetings” 1997–1998) and Obuchi Keizo (during the official visit to Moscow in 1998 November). During these summits the officials of Russia and Japan exchanged proposals aimed at territorial dispute decision and at development of bilateral economic, social and political cooperation. In the course of meetings Japan acted according to new conceptual models of step-by-step decision of territorial issue, on the other hand, Russia considered stepping aside from the territorial negotiations and strengthening ties in various fields. Refs 28.

Keywords: the history of Russia-Japan relations, foreign policy of Japan, “no-necktie meetings”, territorial dispute on Kurile isles.

В настоящей статье рассмотрена история российско-японских переговоров на высшем уровне между президентом Российской Федерации и премьер-министрами Японии в конце 1990-х годов. В ноябре 1997 — апреле 1998 гг. прошли неформальные переговоры между Б. Н. Ельциным и Хасимото Рютаро, а в ноябре 1998 г. состоялся первый за 25 лет официальный визит главы японского правительства в Москву. На переговорах между президентом Российской Федерации Б. Н. Ельциным и премьер-министром Японии Обути Кэйдзо был подписан ряд документов, определивших направление развития российско-японских отношений в последующие годы. Кроме того, в Министерстве иностранных дел Японии, во многом благодаря работе ведущего на тот момент специалиста по России Сато Масару¹ и высокопоставленного дипломата, посвятившего свою жизнь развитию советско-японских и затем российско-японских отношений, Того Кадзухико², в течение десятилетия был разработан ряд новых внешнеполитических концепций в отношении Российской Федерации. Эти новые концепции активно применялись японской стороной в ходе двусторонних переговоров 1997–1998 гг., однако Японии не удалось добиться существенных результатов по интересующему ее территориальному вопросу (претензии относительно принадлежности четырех южных островов Курильского архипелага).

Проблема заключения мирного договора и территориального размежевания ставится японской дипломатией начиная с периода нормализации советско-японских отношений в 1955–1956 гг., когда под давлением государственного секретаря США Д. Ф. Даллеса³ зависимая от американской внешней политики Япония поставила вопрос о необходимости возвращения ей части занятых советской армией в конце Второй мировой войны островов. В центре внимания оказались четыре южных острова Курильского архипелага — Шикотан, Хабомаи, Кунашир и Итуруп. В «Совместной советско-японской декларации» 1956 г., нормализовавшей дипломатические отношения двух государств, советская сторона выступила инициатором передачи двух из перечисленных выше островов в качестве акта доброй воли, однако при условии подписания двухстороннего мирного договора. Именно в ходе советско-японских переговоров 1955–1956 гг. Министерством иностранных дел Японии были выработаны основные концептуальные подходы к развитию диалога с СССР. С одной стороны, на двухсторонние связи влиял принцип «отделения политики от экономики», что ярко продемонстрировано развитием советско-японских отноше-

¹ Сато Масару с конца 1980-х до середины 1990-х годов служил аналитиком в посольстве Японии в Москве, участник переговоров на высшем и высоком уровне между представителями обеих стран. Благодаря блестящему знанию русского языка и особенностей российской политической культуры смог к концу 1990-х годов стать одним из ведущих специалистов-аналитиков в МИД Японии. В годы работы в Москве завел обширные связи в среде политиков, общественных деятелей СССР и затем РФ. Благодаря знанию тонкостей политических разногласий в республиках СССР получил прозвище «Распутин МИДа» [1, с. 165–166].

² В конце 1980 — начале 2000-х годов занимал должности начальника отдела СССР Евразийского департамента МИД Японии (1988–1992), советника-посланника посольства Японии в Москве (1994–1996), заместителя министра иностранных дел Японии (1997–1998), директора Европейского департамента МИД Японии (1999–2001).

³ В ходе ведения переговоров в Лондоне в июне 1955 — марте 1956 г. министр иностранных дел Японии Сигэмицу Мамору постоянно вел консультации с представителями Государственного Департамента США, так как внешняя политика Японии находилась в прямой зависимости от позиции США, на тот момент оккупировавших острова Рюкю. Так называемая угроза Даллеса, связанная с оккупацией этих территорий американскими войсками, вынуждала японских дипломатов стоять на позициях территориальных притязаний к СССР [2, с. 143–144].

ний последующих двух десятилетий, с другой стороны, возникла концепция «единовременной передачи четырех островов» Японии (四島一括返還論, ёто: иккацу хэнканрон), т. е. японское правительство начало предъявлять территориальные претензии к Советскому Союзу после окончания Второй мировой войны. Данный подход оставался фактически единственным вплоть до середины 1980-х годов, когда со сменой политической и экономической парадигмы в СССР в период «Перестройки» интенсифицировались политические связи с Японией. Инициатором «размораживания» политического диалога выступала советская сторона. Японский МИД ответил на эти тенденции формированием нового курса в отношении СССР: подход, получивший название «расширяющийся баланс» (拡大均衡, какудай кинко:) [3, с. 363], был предложен министром иностранных дел Японии Уно Сосукэ весной 1989 г. в ходе официального визита в Москву. Во время встречи с М. С. Горбачевым министр иностранных дел Японии представил пять основных принципов концепции «расширяющегося баланса»: 1) заключение мирного договора; 2) укрепление отношений, основанных на взаимном доверии; 3) развитие деловых контактов; 4) укрепление межличностных связей; 5) подготовка визита М. С. Горбачева в Японию [4, с. 127]. Первые четыре пункта легли в основу внешней политики в отношении Российской Федерации, проводившейся вплоть до 1996 г., когда Министерством иностранных дел Японии была выработана новая концепция в отношении России — «многоуровневый подход» (重層的アプローチ, дзю:дзо:тэки-на апуро:ти), направленный на развитие многосторонних и разносторонних связей между Россией и Японией.

Более того, в МИД Японии возникла концепция возможности ведения переговоров о поэтапной «передаче» Японии четырех южных островов Курильского архипелага, в противовес доказавшей свою неэффективность устоявшейся послевоенной концепции требования единовременной передачи территорий. В конце 1980-х годов новое поколение японских дипломатов и специалистов Министерства иностранных дел Японии стало продвигать более эффективную, с их точки зрения, концепцию ведения переговоров между СССР и Японией о поэтапном решении этих вопросов — в общем, эта концепция получила название «концепция поэтапного возвращения [островов]» (段階的返還論, дандэнтэки хэнканрон). Сразу после распада СССР в конце 1991 г. в японском парламенте активно обсуждался вопрос о возможных вариантах развития внутривнутриполитической ситуации в России и эффективности применения новой концепции поэтапного разрешения территориального вопроса. На основе таких взглядов в начале 1990-х годов произошло сближение парламентария Судзуки Мунэо⁴, специалиста МИД Сато Масару, а несколько позднее высокопоставленного дипломата Того Кадзухико и некоторых других политиков и дипломатов, которые впоследствии вошли в «группу Судзуки», работа которой была направлена на развитие территориальных переговоров с Россией.

В «концепции поэтапного возвращения [островов]» можно выделить несколько основных идей, или вариантов решения пограничного диспута. Варианты этой концепции базировались на положениях «Совместной советско-японской декларации», признания юридической силы которой добивались японские политики и диплома-

⁴ Депутат Нижней палаты Парламента Японии, член ЛДПЯ, избранный по пятому округу острова Хоккайдо; директор агентства по развитию Хоккайдо и министр департамента по вопросам развития Окинавы (при втором кабинете Хасимото Рютаро); генеральный секретарь кабинета министров Японии (при премьер-министре Обути Кэйдзо).

ты в ходе российско-японских переговоров последнего десятилетия XX в. В целом идея поэтапного решения территориальной проблемы заключалась в «передаче сначала двух островов» (二島先行返還論, нито: сэнко: хэнканрон) [5, с. 296]. Японский МИД видел несколько возможных вариантов развития событий, например, требование «передачи островов Хабомаи и Шикотан» и «продолжение переговоров по Итурупу и Кунаширу» (「齒舞・色丹の引き渡し」「国後・択捉についての議論」, «Хабомаи, Сикотан но хикиватаси — Кунасири, Эторофу-ни цуйтэ гирон») [4, с. 325]; считалась также возможной схема, получившая название «возвращение двух островов плюс альфа» (二島+アルファ, нито: +аруфа или 二島プラスα, нито: пурасу α), где под двумя островами понимаются острова Хабомаи и Шикотан, а под альфой — Кунашир и Итуруп [6, с. 101], или «нетерриториальные выгоды, которые Россия может предложить Японии “в обмен” на принятие компромиссного варианта» [7, с. 21]. Японская сторона на протяжении 1990-х годов неуклонно требовала признания юридической силы Совместной декларации 1956 г. с целью продвижения и навязывания концепции постепенного решения территориального спора. Необходимо отметить, что новая концепция не получила единогласного одобрения японских политиков, многие продолжали придерживаться традиционного подхода, заключавшегося в притязаниях на единовременное возвращение четырех островов. Однако группа дипломатов, специалистов МИД и политиков, сплотившаяся вокруг влиятельного парламентария Судзуки Мунэо, которого называли «теневым министром иностранных дел» [8, с. 197], до конца 2001 г. успешно продвигала эту идею. Более того, влияние «группы Судзуки» на формирование внешней политики Японии в отношении России было настолько велико, что подготовкой премьер-министра Японии Хасимото Рютаро перед началом первой «встречи без галстуков» занимались Судзуки Мунэо, Сато Масару и Того Кадзухико. В октябре 1997 г. для премьер-министра Хасимото Рютаро была организована «лекция» о том, как наладить тесный личный контакт с президентом России [1, с. 180]. Судзуки Мунэо и его сторонники под тесным контактом понимали установление неформальных доверительных отношений, посредством которых возможно добиться от российского лидера удовлетворения японских территориальных претензий. Любопытно, что времяпрепровождение в сауне вместе с Б. Н. Ельциным и правильное поведение японского премьера они рассматривали как возможность поговорить «с глазу на глаз» и добиться желаемого результата [1, с. 180–181]. Идея укрепления именно доверительных связей, как на межгосударственном уровне, так и в межличностном общении, подчеркивалась тремя основными деятелями «группы Судзуки», а Того Кадзухико включил ее в предложенную в 1995 г. концепцию «взвешенного диалога» [9]. В то время он служил в посольстве Японии в Москве в должности советника-посланника посольства и часто выступал перед российскими журналистами и представителями общественности, продвигая идею развития доверительных связей между россиянами и японцами. Вера в эффективность такого подхода перед началом неформальных переговоров между Хасимото Рютаро и Б. Н. Ельциным повлекла за собой рост ожиданий, связанных с благоприятными для Японии результатами этих переговоров.

На встречах «без галстуков» в Красноярске (2–3 ноября 1997 г.) и Каване (18–19 апреля 1998 г.) были затронуты ключевые проблемы двухсторонних отношений. Российский президент в таком же формате встречался с канцлером Германии Гельмутом Колем и президентом Франции Жаком Шираком (26 марта 1998 г.). Однако

если с лидерами Германии и Франции Б.Н.Ельцин обсуждал вопрос расширения участия России в европейских делах (концепция «большой Европы»), то с премьер-министром Японии Хасимото Рютаро — в первую очередь вопрос территориального размежевания.

Первая «встреча без галстуков» между российским президентом и японским премьер-министром состоялась 2–3 ноября 1997 г. в Красноярске. То, что саммит проходил в формате закрытых дверей, вызвало большой общественный резонанс в России. Неожиданное для японской стороны предложение Б.Н.Ельцина решить имеющийся круг проблем до окончания его президентского срока, т.е. до конца 2000 г., в России было встречено в целом отрицательно [10, с. 203], а в Японии скептически. Российские общественные деятели и ученые посчитали данное заявление проявлением безосновательного волюнтаризма [8, с. 57]. Более того, некоторые российские исследователи полагают, что российский президент безосновательно убедил японскую общественность в том, что южные Курилы перейдут под суверенитет Японии до конца 2000 г., однако «только уход с поста президента России до этого срока избавил его от необходимости выполнения выданных обещаний, не зафиксированных, к счастью, в каких-либо официальных документах» [11, с. 14].

Однако у встречи был и другой итог, принесший более ощутимые плоды: «План Ельцина — Хасимото», предполагавший широкомасштабное взаимодействие в финансово-экономической, энергетической, атомной, космической областях. Японский премьер, воодушевленный предложением российского президента, внес предложение принять Россию в АТЭС с 1998 г. и выдвинул инициативу о выделении России несвязных инвестиций в размере 1,5 млрд долл. в начале 1998 г. [12, с. 254; 13].

Несмотря на то что в ноябре 1997 г. предложение российской стороны не было официально зафиксировано на бумаге, японский МИД, в отличие от прессы, отнесся к нему со всей серьезностью. На ответной «встрече без галстуков», состоявшейся 18–19 апреля 1998 г. в курортном городе Каване, японский премьер-министр выдвинул ответное предложение, которое представляло собой новый вариант территориального размежевания между Российской Федерацией и Японией, отличавшийся от «концепции поэтапной передачи» и «концепции единовременного возвращения четырех островов». Токио выдвинул инициативу, связанную с демаркацией границ (т.е. отход от концепта «передачи-возвращения» островов) между Россией и Японией: проведение государственной границы между Итурупом и Урупом. Эта инициатива получила название «План определения границ» Хасимото (официальный 国境画提案 «коккё:-какүтэй-ан» и более образный вариант 国境線は四島の北方に «коккё: сэн ва ёто: но хоппо: ни», т.е. «линия государственной границы севернее четырех островов»). В основе этого предложения лежит первый российско-японский договор о границах — Симодский трактат (1855), который был аннулирован Петербургским договором 1875 г., но до сих пор активно используется японской стороной для подкрепления своих прав на южные острова Курильского архипелага, на которые претендует Япония [по этой теме см.: 14, 15]. Кроме того, японская сторона допускала возможность сохранения российской администрации на переданных островах, которые после проведения новой государственной границы могли юридически принадлежать Японии, но фактически управляться Россией [16, с. 133]. Один из основных участников «группы Судзуки» потомственный дипломат К. Того полагает, что это было самое значительно предложение Японии, сделанное после заключения

декларации 1956 г. [12, с. 255]. Однако, несмотря на то что обе стороны в ходе неформальных встреч 1997–1998 гг. сделали очень смелые предложения, в письменной форме это не было зафиксировано: «Ни после первой “встречи без галстуков” в Красноярске, ни после второй такой же встречи... в России не было опубликовано никаких официальных сообщений о содержании тех доверительных бесед с глазу на глаз, которые велись Ельциным и Хасимото на этих встречах» [8, с. 57]. Тем не менее, еще до окончания встречи в Каване в японской прессе появились сообщения о «Плане определения границ» премьер-министра Хасимото Рютаро, который был воспринят как попытка, которая не могла увенчаться успехом.

С другой стороны, перед запланированной официальной российско-японской встречей на высшем уровне в конце октября 1998 г. японская газета «Асахи» и российское информационное агентство ИТАР-ТАСС провели совместный социологический опрос, касавшийся территориального размежевания между двумя странами. Опрос показал, что в Японии 35% респондентов поддерживают концепцию «передачи двух островов» («возвращение Хабомаи и Шикотана»), 28 — выступают за традиционный подход — «единовременная передача четырех островов», а предложение Хасимото Рютаро о демаркации границ по линии 1855 г. (т. е. в соответствии с «Трактатом о торговле и границах», подписанном в Симода, по которому государственная граница проходила между Урупом и Итурупом) поддерживают 44% опрошенных. В России, в свою очередь, 55% опрошенных выступали против любого варианта «передачи» островов [17]. Японская пресса пыталась спрогнозировать результаты предстоявшего в ноябре 1998 г. официального визита премьер-министра Японии Обути Кэйдзо в Москву. Судя по результатам опроса, японская сторона могла ожидать того, что российский президент ответит отказом на предложение Хасимото Рютаро о демаркации границ.

12–13 ноября 1998 г. состоялся первый после визита премьер-министра Танаки Какуэя в СССР в 1973 г. официальный визит главы японского правительства в Россию. По итогам переговоров была подписана «Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией» [18], где были официально прописаны некоторые из положений, которые обсуждались на встречах «без галстуков» в Красноярске и Каване. Во-первых, лидеры обеих стран подтвердили стремление решить вопрос мирного договора до конца 2000 г.; во-вторых, «российская сторона передала ответ на предложение японской стороны по решению вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, сделанное в ходе встречи на высшем уровне в Каване в апреле с.г.» [18, с. 15]; в-третьих, был подтвержден «План Ельцина — Хасимото», который стал базой развития многосторонних связей между двумя странами в разных областях.

Японскую общественность, в первую очередь, беспокоил вопрос о территориальном размежевании. Российская сторона отказалась принять предложение Хасимото Рютаро, «поскольку оно не будет признано российской общественностью и парламентом» [19, с. 93], поэтому новое предложение российского президента продолжить переговоры о заключении двух договоров (Договора о мире, дружбе и сотрудничестве и Договора о демаркации границ) было воспринято японской прессой скептически, так как перспективы решения этих проблем до конца 2000 г. стали казаться японской общественности неосуществимыми [20]. В то же время в России создание подкомиссии по пограничному размежеванию в рамках Совместной российско-японской комиссии по вопросам заключения мирного договора было вос-

принято негативно, так как расценивалось как очередная уступка Японии [21], хотя реальных действий в этом направлении со стороны России не последовало. Вероятно, создание такой сложной структуры было призвано «похоронить» идею о территориальном размежевании в многочисленных обсуждениях и согласованиях в ходе работы комиссии и подкомиссии.

В целом переговоры в Красноярске, Каване и Москве 1997–1998 гг. можно рассматривать как три этапа общего комплекса переговоров, в основе которых лежало обсуждение пограничного спора. Несмотря на то что основная цель переговоров, а именно разрешение территориального спора, достигнута не была, представителям государств удалось достичь общего понимания необходимости развития всесторонних отношений между Россией и Японией. Японская общественность и политические круги восприняли предложения российского президента в Красноярске с большими надеждами, полагая, что «главы двух стран добились понимания относительно четырех северных островов, взяв за основу переговоров Токийскую декларацию, и будут стремиться заключить мирный договор до конца 2000 г.» [22]. Поэтому инициатива Москвы была воспринята с большим энтузиазмом, и в ходе второго раунда переговоров в Каване Япония выдвинула ответное предложение по территориальному размежеванию, о котором мы подробно писали выше. Известный японский историк, специалист по истории российско-японских отношений Вада Харуки считает, что, несмотря на то что российский президент выразил заинтересованность в японском предложении, в действительности такой заинтересованности не было, но, тем не менее, главам двух стран удалось наладить доверительные отношения [3, с. 371]. Японские политики стремились официально зафиксировать договоренности, принятые в ходе неформальных встреч, что было осуществлено во время переговоров в Москве 12–13 ноября 1998 г., проходивших в атмосфере «от доверия к общему пониманию». Однако уже на следующий день после переговоров в японской прессе выражались сомнения относительно того, что «эпоха взаимопонимания» будет в скором времени достигнута [23]. Кроме того, состояние здоровья российского президента вызывало опасения в Японии: японская печать видела в этом возможные причины нивелирования результатов переговоров [23; 5, с. 239].

По мнению участвовавшего в подготовке российско-японских переговоров 1997–1998 гг. Того Кадзухико, японский МИД не принял предложения России о заключении сначала договора о мире, дружбе и сотрудничестве и затем договора о демаркации границ, потому что считал такой план опасным — Россия, заключив мирный договор, могла отказаться заключать договор о границах [4, с. 267]. Кроме того, «японский премьер и российский президент смогли быстро договориться только на словах» [4, с. 268], но детально согласовать позиции и добиться одобрения общественности не удалось. Причиной последовавшего в 1999 г. замораживания переговоров по территориям бывший японский дипломат увидел во внутривнутриполитических и экономических изменениях в России, кроме того, он утверждает, что «Обути не проявлял намерения продолжать переговоры по российскому предложению в Москве, а Ельцин потерял интерес к каванскому предложению Японии» [24, с. 98].

В России официальные и неофициальные переговоры между лидерами России и Японии были встречены по-разному. Мы уже писали выше, что российское общественное мнение и политические круги негативно восприняли как предложение российского президента в Красноярске «заключить мирный договор до конца 2000 г.»,

так и ответное предложение японского премьер-министра относительно демаркации границ «севернее четырех островов». Например, бывший посол Российской Федерации в Японии А. Н. Панов в статье 1999 г. высказался достаточно тактично относительно итогов переговоров в Москве в 1998 г., сказав, что они имели «историческое значение», «достигнута договоренность сохранять проявившуюся за последнее время динамику российско-японских связей и расширять их по всем направлениям» [25, с. 16]. Более того, он отмечает, что «обе стороны стали проявлять более гибкий, реалистический подход, демонстрировать уважение к позициям партнеров» [25, с. 16], что, видимо, может свидетельствовать о том, что участники переговоров стали более взвешенно подходить к переговорному процессу. В то же время в российских исследованиях отмечается то обстоятельство, что на пороге XXI в. между сторонами сохранялись взаимные опасения: «Японская сторона продолжает опасаться, что России, кроме японской экономической помощи и инвестиций ничего не нужно. В свою очередь, российская сторона укрепляется в своих опасениях, что Японии от России ничего не нужно кроме “северных территорий”» [26, с. 25]. Эта оценка вполне справедлива, если учитывать воззрения первого президента России, считавшего, что решение проблемы мирного договора откроет двери для японских инвестиций в экономику Сибири и Дальнего Востока и послужит началом «экономического возрождения России уже не с запада, а с востока» [27]. Здесь имеется ввиду, что Б. Н. Ельцин ожидал увеличения темпов инвестирования в развитие инфраструктуры и промышленности Дальнего Востока России со стороны Японии, а не только со стороны западных стран. Довольно часто в научных работах, публицистике и заявлениях официальных лиц подобные идеи первого российского президента и предложения японской стороны на переговорах 1990-х годов оцениваются с резко критических позиций. Известный исследователь А. А. Кошкин считает, что Б. Н. Ельцин и «его команда... намеревались превратить Курильские острова в предмет торга с Японией» [28, с. 370]. Предложения президента России, сделанные в ходе встречи в Красноярске в 1997 г. (подписать мирный договор и решить территориальную проблему до конца 2000 г.) и во время визита Кэйдзо Обути в Москву в ноябре 1998 г. (подписание двух параллельных договоров), характеризуются этим исследователем как «экспромты» президента Ельцина, которые японская сторона «не воспринимает всерьез» [28, с. 372–373]. С другой стороны, японская пресса, политики и ученые относились к заявлениям российской стороны с недоверием. Большие ожидания Хасимото Рютаро от «встреч без галстуков» откровенно высмеивались и даже стали сюжетом карикатур. В номере ежедневной газеты «Асахи» от 3 ноября 1997 г. опубликована работа карикатуриста Ямада Син, называемая «Я уже вижу вершину. Но вот пути не видно» [22], где изображен премьер-министр Хасимото, карабкающийся на вершину скалы, которой является голова Ельцина, с подписью в точке назначения «Мыс Северных территорий».

Несмотря на тот факт, что реального прогресса в территориальных переговорах в 1997–1998 гг. не наблюдалось и мирный договор не был заключен, нельзя не отметить, что МИД Японии и премьер-министры Хасимото Рютаро и Обути Кэйдзо подошли к разработке новой концепции ведения и содержания переговоров основательно. Еще до начала переговоров 1997–1998 гг. была сформирована концептуальная база, заключающаяся в применении идеи «поэтапной передачи островов» в противовес традиционному подходу о «единовременном возвращении четырех островов Японии». В 1996 г. была выработана концепция «многоуровневого подхода», призванная

направить развитие диалога на укрепление тесных связей в разнообразных областях. Более того, в достаточно короткий срок, т. е. между первой и второй «встречами без галстуков», было сформировано принципиально новое предложение, заключавшееся в проведении государственной границы севернее острова Итуруп («План определения границ» Хасимото), вызвавшее много дискуссий в японском обществе и в итоге не принятое российской стороной. Японские дипломаты и политики, причастные к формированию внешнеполитического курса в отношении России, видели в проявленном российской стороной интересе к территориальным переговорам с Японией открывшуюся возможность и стремились адекватно ответить на этот вызов. Комплекс переговоров на высшем уровне 1997–1998 гг. можно оценивать с точки зрения создания базы для широкого взаимодействия между двумя странами в будущем. Этот момент выделен в Голубой книге Министерства иностранных дел Японии, где отмечен прогресс в экономической, политической, образовательной, гуманитарной и военно-стратегической областях, что способствует «развитию двухсторонних связей от эры “согласия” к укреплению “доверия” на пороге XXI века» [13]. Однако японская дипломатия в основном была сконцентрирована на разработке планов и проектов по удовлетворению территориальных претензий, что существенно сужало поле развития тесных контактов между двумя странами. Японские дипломаты и политики в ходе неформальных переговоров 1997–1998 гг. и официального визита Обути Кэйдзо в Москву в 1998 г. на первое место ставили именно разрешение территориальных притязаний, предлагая решение этой проблемы в качестве условия развития политического и экономического взаимодействия между Россией и Японией. Однако российская сторона не была удовлетворена подобной постановкой вопроса, стремясь к развитию в первую очередь совместных экономических проектов на российском Дальнем Востоке. Кроме того, российская общественность серьезно критиковала открытость президента России Ельцина к поиску компромисса в территориальном споре, воспринимая подобные тенденции в качестве «сделки» с японским правительством [28, с. 375; 10, с. 161; 19, с. 93]. Таким образом, сторонам не удалось серьезно продвинуться в решении самого спорного вопроса, однако в ходе переговоров в Москве в ноябре 1998 г. была подписана «Московская декларация о созидательном партнерстве», заложившая основы более тесного взаимодействия в начале следующего столетия.

Литература

1. Suzuki Muneo. Omei. Kokka ni jinsei wo ubawareta otoko no kokuhaku [Признание человека, которому государство разрушило жизнь]. Tokyo: Kodansha, 2009. 316 p.
2. Тихвинский С. Л. Избранные произведения: в 5 кн. / Отд-ние ист.-филол. науки РАН; Ин-т Дал. Вост. Отд-ния общ. наук РАН. М.: Наука, 2006. 561 с.
3. Wada Haruki. Ноппо:ryo:do mondai. Rekishi to mirai. [Проблема оккупированных северных территорий. История и будущее]. Tokyo: Asahisensho, 1999. 398 h.
4. Togo Kazuhiko. Ноппо:ryo:do ko:sho: hiroku. Ushinawareta godo no kikai. [Секретные переговоры по вопросу Северных территорий. Пять упущенных возможностей]. Tokyo: Shinchosha, 2007. 430 p.
5. Sato Kazuo, Komaki Akiyoshi. Nichiro: shuno: ko:sho:. [Российско-японские переговоры на высшем уровне]. Tokyo: Iwanami shoten, 2003. 366 p.
6. Togo Kazuhiko. Rekishi to gaiko: — Yasukuni, Azia, To:kyo: saiban [История и дипломатия: Ясукуни, Азия и Токийский трибунал]. Tokyo: Kodansha gendaishinsho, 2008. 328 p.
7. Тренин Д., Михеев В. Россия и Япония как ресурс взаимного развития: взгляд из XXI в. на проблему XX в. М.: Московский центр Карнеги, 2005. 28 с.
8. Латышев И. А. Путин и Япония. Будут ли уступки? 2000–2005. М.: Эксмо; Алгоритм, 2005. 416 с.

9. *Togo Kazuhiko*. Японо-российские отношения: прошлое и перспективы / пер. с яп. Г. В. Куликова. Токио: 2000. 72 с. // Электронная библиотека Дальневосточного клуба. URL: http://elib.clubdv.ru/index.php?option=com_sobi2&sobi2Task=sobi2Details&sobi2Id=139 (дата обращения: 10.01.2012).
10. Русские Курилы: история и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы / авт.-сост. В. К. Зиланов, А. А. Кошкин, И. А. Латышев, А. Ю. Плотников, И. А. Сенченко. 2-е изд., расшир. и доп. М.: Алгоритм, 2002. 256 с.
11. *Елизарьев В. Н.* Подлинная история Курильских островов и Сахалина XVII–XX вв. М.: Алгоритм, 2007. 752 с.
12. *Togo Kazuhiko*. Japan's Foreign Policy 1945–2003: The Quest for a Proactive Policy. Leiden, Boston: BRILL, 2005. 484 p.
13. Diplomatic Bluebook 1999. Chapter I. Japan-Russia relations // Сайт Министерства иностранных дел Японии. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1999/I-c.html2> (дата обращения: 03.02.2014).
14. *Климов В. Ю.* Первое японское посольство в Россию (1862 г.) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2010. Вып. 1. С. 3–16.
15. *Строева М. В.* Россия и Япония: Санкт-Петербургский договор 1875 г. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2010. Вып. 3. С. 25–35.
16. *Togo Kazuhiko*. The inside story of the negotiations on the Northern Territories: five lost windows of opportunity // Japan Forum. Vol. 23, is. 1. Oxford, 2011. P. 123–145.
17. Норпо:ryo:do — nichiro kyo:do: seron cho:sa // Asahi shimbun nikkan [Оккупированные северные территории: совместный опрос общественного мнения в Японии и России // Ежедневная газета Асахи]. 31.10.1998.
18. Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией // Новое издание совместного сборника документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. — МИД Российской Федерации, МИД Японии — 16 янв. 2001. С. 14–20.
19. *Иванов А. В.* Российско-японские отношения: вчера, сегодня, завтра // Япония в Восточной Азии: внутреннее и внешнее измерение. Сб. статей / Ин-т междунар. исслед. М.: МГИМО — Университет, 2009. С. 73–139.
20. *Sato Kazuo*. Ishinkaketa nichiroshuno:. Kokkyo: kyo:gi. Roshia shidai // Asahi shimbun nikkan [Лидеры России и Японии сохранили достоинство. Консультации по поводу государственной границы. Ответ за Россией // Ежедневная газета Асахи]. 13.11.1998.
21. Ryo:dohenkan no michisudzi futomei // Asahi shimbun nikkan [Возможные пути передачи территорий неясны // Ежедневная газета Асахи]. 14.11.1998.
22. *Ozawa Hideyuki, O:no Masami*. Nisennen madeni nichiro heiwa jyo:yaku. To:kyo:sengen ni motodzuki teiketsu he zenryoku // Asahi shimbun nikkan [Заклучить мирный российско-японский мирный договор к 2000 г. Приложим все силы к заключению договора на основе Токийской декларации // Ежедневная газета Асахи]. 03.11.1997.
23. *Tatami Tadayuki*. Nichiro kankei: go:i no jidai nao tanan // Yomiuri shimbun [Российско-японские отношения: «эпоха сотрудничества» сталкивается с многочисленными сложностями // Газета Ёмиури]. 14.11.1998.
24. Japanese strategic thought toward Asia / ed. by Gilbert Rozman, Kazuhiko Togo, Joseph P. Ferguson. N. Y.: Macmillan Palgrave, 2007. 280 p.
25. *Панов А. Н.* Визит в Москву премьер-министра Японии К. Обути и перспективы развития российско-японских отношений // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 16–21.
26. *Павлятенко В. Н., Шлындов А. В.* Российско-японские отношения: некоторые итоги и перспективы на старте XXI столетия // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 4. С. 3–28.
27. *Ельцин Б. Н.* Президентский марафон. Размышления, воспоминания, впечатления // Библиотека Максима Мошкова. URL: <http://www.lib.ru/MEMUARY/ELCIN/marafon.txt> (дата обращения: 14.07.2013).
28. *Кошкин А.* Россия и Япония. Узлы противоречий. М.: Вече, 2010. 480 с.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2014 г.

Контактная информация

Малашевская Мария Николаевна — аспирант; malashevskaya@gmail.com
Malashevskaya Maria N. — Post graduate student; malashevskaya@gmail.com

Н. В. Петухова

РАЗВИТИЕ КИТАЕВЕДЕНИЯ КАК НАУКИ В РОССИИ В СЕРЕДИНЕ — ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В статье рассматривается становление китаеведения в России как самостоятельной науки во второй половине XIX в. Экономические связи России с Китаем были установлены еще в XVII в. и в последующие десятилетия продолжали развиваться. Академическая наука интересовалась Китаем с появлением в Пекине Русской Духовной миссии, часто выполнявшей роль дипломатического представительства. Возвращавшиеся из многолетних поездок в Китай участники миссий, продолжали заниматься переводами китайских классических текстов, издавали словари и хрестоматии, занимались педагогической деятельностью. Преподавание стало важным аспектом в развитии китаеведения во второй половине XIX в., когда был открыт факультет восточных языков в Петербургском университете. Известные ученые, специалисты по истории Китая и китайскому языку, такие как В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, Д. А. Пешуров, стремились к распространению сведений о Китае за пределами университетского научного сообщества. Известно активное участие академика В. П. Васильева в создании газетных статей на актуальные темы, связанные с политической ситуацией в Китае. Однако до конца XIX — начала XX вв. общество было мало заинтересовано в крупных научных изысканиях, которые оставались неизвестны широким кругам. Более широкое распространение и практическую направленность китаеведение получило на рубеже веков, когда обострилась политическая ситуация на Дальнем Востоке. Библиогр. 12 назв. Табл. 1.

Ключевые слова: китаеведение, Факультет восточных языков, Петербургский университет, В. П. Васильев, преподавание, социокультурное взаимодействие.

EVOLUTION OF CHINESE STUDIES IN RUSSIA IN THE MIDDLE — SECOND HALF OF THE 19th CENTURY

N. V. Petukhova

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

This article observes the way Chinese studies developed in Russia, especially at St. Petersburg University in the middle-second half of the 19th century. Russian-Chinese relations on an economical basis were established in the 17th century and kept on expanding during the following decades. Scientific interest grew stronger since Russian Orthodox Mission in China gave scholars the opportunity to stay in Beijing for a long time. Returning home, members of the Mission continued to translate Chinese classical texts, publish dictionaries and began teaching Chinese. Saint-Petersburg University became a centre of oriental studies in Russia particularly in the second half of the 19th century. Well-known specialists worked there: V. P. Vasilyev, S. M. Georgievsky, D. A. Peshchurov. Teaching practice appeared to be a very significant part of development in socio-cultural integration between Russia and China, but not the most influential. V. P. Vasilyev wrote a lot of newspaper articles of current interest about political situation at the Far East. Meanwhile, society at large had little interest in serious research and Chinese studies stayed an object of interest to few people. Russian-Chinese political relations intensified in the very end of the 19th century and so did the Chinese studies which had become of genuine practical use by then. Refs 12. Tables 2.

Keywords: Chinese studies, teaching, Saint-Petersburg University, department of oriental languages, V. P. Vasilyev, socio cultural interaction, Russian-Chinese relations.

Изучение Китая в России имеет длительную историю, а в современном мире китаеведение переживает очередной подъем. Для интересующихся китайской культурой, литературой и историей существует немало возможностей удовлетворить свое

любопытство. Сто пятьдесят лет назад составить представление о далеком восточном соседе было не так легко.

Изучение Китая в Академии наук и в Азиатском музее в XIX в. еще не было систематизировано. Первым китаеведом в АН был акад. Т.-З. Байер, составивший первую в Европе грамматику китайского языка. В дальнейшем активно участвовал в издании переводов и приобретении книг, необходимых для развития науки о Китае в России И. К. Россохин. После его смерти китаеведение в АН было связано с именем А. Л. Леонтьева, который публиковал переводы с китайского языка и китаеведческие статьи в изданиях Академии наук. Позднее, в первой половине XIX в., изучение Китая в АН практически прекратилось. Деятельность известных китаеведов XIX в. Н. Я. Бичурина, П. И. Каменского, З. Ф. Леонтьевского, В. П. Васильева, П. Я. Кафарова (Палладия) была связана с другими учреждениями: Петербургским университетом, Коллегией иностранных дел, Пекинской духовной миссией. В Азиатском музее в основном занимались собиранием материалов, приобретением частных коллекций и их учетом. Для создания описей и каталогов привлекались известные ученые: Н. Я. Бичурин, К. А. Скачков и др. Однако научно-исследовательская деятельность в области китаеведения в АН и Азиатском музее оставалась в зачаточном состоянии [1, с. 81–84].

Впервые изучение Китая было перенесено в университетские условия, когда в 1837 г. на восточном факультете Казанского университета была открыта кафедра китайского языка. В декабре 1850 г. Василий Павлович Васильев, выпускник этого факультета, вернувшись из поездки в Китай, начал читать студентам лекции. Будущий академик и декан факультета восточных языков Петербургского университета обращал внимание своих слушателей на недостаточное знание Китая в кругах образованных и ученых людей и призывал ввести изучение Китая как любой другой науки [2, с. 198].

Однако уже через пять лет, в 1855 г., восточный факультет в Казанском университете был закрыт. Число студентов уменьшалось год от года: в 1848 г. их было 42, в 1852 — всего 16 человек. Окончило факультет только 42% поступивших. Произошло это из-за трудностей с трудоустройством по специальности и низкой заработной платой в этой сфере [2]. Несмотря на это, за 18 лет существования факультета была подтверждена возможность и необходимость изучения китайского и маньчжурского языков в университетских условиях [3, с. 151]. После закрытия восточного отделения в Казанском университете, единственным в Российской империи крупным научным центром востоковедения в целом и китаеведения в частности стал факультет восточных языков Петербургского университета. С первых лет существования факультета одним из важнейших отделений стало китайско-маньчжурское. Здесь во второй половине XIX в. вели научную и преподавательскую деятельность выдающиеся ученые: академик В. П. Васильев, Д. А. Пещуров, С. М. Георгиевский и другие.

За десятилетия существования факультета были выработаны принципы и традиции отечественного китаеведения. При изучении архивных материалов исследователь может сделать вывод, что некоторые из этих традиций сохранились до сегодняшнего дня и служат основой для современного востоковеда, ученого и преподавателя. Наличие большого количества методических материалов, в том числе изданных в Китае, облегчает студенту и преподавателю доступ к новым технологиям

и методикам, однако основы научного и комплексного подхода остаются неизменными.

Во второй половине XIX в. задачей преподавателей факультета восточных языков Петербургского университета было воспитать учеников, готовых служить отечеству на разных поприщах: в качестве дипломатов, педагогов. В своих донесениях исправляющему должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа декан Мирза А. К. Казем-Бек подчеркивал практическую направленность всей деятельности факультета восточных языков. При этом он говорил о том, что односторонние познания (изучение только языков) пользы не принесут, для студентов необходимо вводить общие предметы, имеющие отношение к будущей профессиональной деятельности.

В частности на китайско-маньчжурском отделении предлагалось ввести изучение «дипломатии и политической экономии» [4]. Среди других мер по увеличению эффективности учебного процесса Казем-Бек предлагал усилить практическое освоение языка, для каковой цели на китайско-маньчжурском отделении практические упражнения вводились уже с первого полугодия первого курса. Кроме этого, для закрепления усвоенных навыков в разговорном языке, при наличии возможности, рекомендовалось ввести общие квартиры для студентов, выделить средства для приглашения преподавателей и издать новые учебники по языкам.

Тем не менее, стремление ограничить цели и задачи факультета восточных языков узко практической направленностью встретило резкие возражения со стороны ряда преподавателей, в частности А. О. Мухлинского и И. Н. Березина, что привело впоследствии к отставке А. К. Казем-Бека с поста декана. В 1859 г. деканом стал А. О. Мухлинский, что можно расценить как стремление усилить и укрепить научную линию работы факультета [5, с. 9–10].

Позднее, в 1864 г., В. В. Григорьев, русский историк-востоковед, опровергая точку зрения Казем-Бека, писал, что главная задача ученого-востоковеда заключается в обработке и распространении сведений, входящих в круг преподаваемых предметов, в служении чистой науке [5].

Идея систематического изучения восточных языков, истории и культуры стран Востока возникла в России еще в середине XVIII в. В 1758 г. М. В. Ломоносов писал о необходимости устройства ориентальной академии: академик-ориенталист должен иметь переписку с «природными восточных народов учеными, собирать всякие книги и известия о состоянии тамошних стран» [6, с. 33–34].

Другой проект «Академии или общества восточных наук и языков в империи Российской» принадлежит немецкому арабисту Георгу Якобу Керу. В 1732 г. он поступил на службу в Коллегию иностранных дел в качестве переводчика и преподавателя восточных языков в звании профессора. В качестве причины необходимости изучения восточных языков он называл тот факт, что Россия поддерживает постоянные дипломатические отношения со странами Ближнего Востока, Северного Кавказа, Средней Азии, Сибири, поэтому требуются опытные переводчики, специально подготовленные военные начальники, губернаторы, советники и разные чиновники, которые знали бы восточные языки, «нравы и обычаи этих народов, чтобы уметь привязать их к Российскому государству» [6, с. 35]. Таким образом, Г. Я. Кер предлагал программу подготовки не только кабинетных ученых-востоковедов, но и специалистов, осуществляющих практическую деятельность на местах.

В середине XIX в. в Петербургском университете перед факультетом восточных языков стояли две важные задачи: подготовка кадров для преподавания и обеспечение студентов необходимыми учебными пособиями.

Среди учебников, применяемых на факультете восточных языков при изучении китайского языка, основным была изданная в 1868 г. В. П. Васильевым «Китайская хрестоматия», которая послужила продолжением труда Д. Сивиллова¹. Здесь важно отметить, что профессор В. П. Васильев был центральной фигурой среди российских китаеведов во второй половине XIX в., человеком, соединявшим в себе энциклопедические познания, уникальным специалистом, несшим огромную не только учебно-методическую, научную, но и преподавательскую нагрузку. Этот тезис подтверждают и данные статистики издательской активности факультетов университета с 1863 по 1875 г.: в указанный период из примерно 60 работ по востоковедению только пять были посвящены изучению Китая и китайского языка, и все они принадлежали перу В. П. Васильева [7]. Тем не менее, большая часть его научных трудов так и не была издана. Почти все китаисты писали на русском языке, тогда как Академия Наук публиковала большинство трудов на немецком. Просветительская деятельность В. П. Васильева в широком масштабе была затруднена равнодушием общества и государства к фундаментальному исследованию Китая, его истории и культуры. Финансирование и издание научных трудов было делом весьма затруднительным [8, с. 23].

Несмотря на многочисленные затруднения, во второй половине XIX в. В. П. Васильев был для широкой читающей публики едва ли не единственным признанным авторитетом по Китаю. Его перу принадлежит множество статей, как научных, так и публицистических, популярных [9, с. 15]. Различные периодические издания часто обращались к нему с просьбами осветить какие-либо события, происходившие в те годы в Китае, проанализировать их, дать объяснение явлениям, имевшим место в общественной жизни. В. П. Васильев нередко выступал в газетах «Восточное обозрение», «Голос», «Новое время», «Петербургские ведомости» с обзорами текущих событий, в частности военных действий во время франко-китайской войны 1884–1885 гг. К написанию этих материалов он всегда подходил с особой тщательностью, демонстрируя тонкое понимание многих проблем современного ему Китая [10, с. 173].

Долгие годы В. П. Васильев был практически единственным преподавателем китайского языка на факультете восточных языков. Выпускник восточного отделения филологического факультета Казанского университета (1837), он через два года после окончания учебы, защитив кандидатскую диссертацию, отправился в Пекин в составе 12-й духовной миссии. Через 10 лет, по возвращении на родину, преподавал в Казани, откуда был переведен в Петербургский университет. В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга хранится учебная программа преподавания китайского языка, литературы и истории Китая, составленная ординарным профессором В. П. Васильевым в 1870-х годах. Программа делится на три раздела: китайский язык, китайская литература, история Китая. По первому разделу на за-

¹ Дмитрий Петрович Сивиллов, в монашестве Даниил (1798–1871), исполняя должность заведующего кафедрой китайского языка в Казанском университете, в 1840 г. представил Совету университета составленную им «Китайскую хрестоматию», включавшую введение, текст и словарь, которая, к сожалению, так и не была издана.

нениях предусмотрено знакомство с грамматикой китайского языка, правописание китайских иероглифов. Объясняются «отвлеченность и абстрактность значения каждого слова, переход от одного значения к другому. Видоизменение корней, букв, окончаний. Ключевые и фонетические знаки. Графическая система. Этимология, переход от одной части речи к другой, синтаксис». Затем по программе следуют упражнения в переводах. В качестве образцов разговорного языка приняты китайские пословицы и поговорки, дидактические правила, анекдоты. За образцы письменного языка, используемые в упражнениях, в переводах взяты наставления императора Канси, а также некоторые исторические рассказы и повести. Затем на занятиях китайским языком профессор Васильев, согласно программе, объяснял классические книги — Лунь-юй, а также книгу стихотворений Ши-цзин.

Второй раздел программы посвящен китайской литературе, и именно он наиболее схож с современными программами по той же дисциплине. Здесь первоначально даются сведения о «фонетическом значении китайского языка и его лексикографии». Затем студенты знакомились с тем, как сами китайцы классифицировали свою литературу, рассматривались учения Конфуция, Мо-цзы. История и толкование Ши-цзин и Шу-цзин, Чунь-цю и И-цзин, даосская литература, буддийская литература также входили в программу этого курса. Исторические и географические сочинения китайцев, труды по китайскому законодательству, знаменитые китайские романы и повести, а также произведения китайской поэзии завершали курс китайской литературы на факультете восточных языков более ста двадцати лет назад.

Программа лекций по истории Китая составляет существо третьей части документа. Изучая программу лекционного курса, можно сделать вывод, что профессор В. П. Васильев на своих занятиях придерживался следующих основных пунктов: географическое обозрение (общие границы, горы, реки); политическое разделение Китая: Туркестан, Тибет, собственно китайские провинции; древняя география Китая; форма землевладения, возделываемые сельскохозяйственные культуры; производство, торговля, законодательство. После ряда вводных лекций дальнейшее изучение материала происходило в соответствии с хронологией смены династий в Китае: от династии Цинь (221 г. до н.э. — 206 г. до н.э.) до современной автору учебной программы маньчжурской династии Цин, правившей с 1644 г.

В августе 1867 г. по представлению В. П. Васильева декан факультета восточных языков Мирза А. К. Казем-Бек ходатайствовал о назначении Д. А. Пещурова на должность преподавателя китайского языка. В 1869 г. драгоман Азиатского департамента надворный советник Д. А. Пещуров занял должность доцента на факультете восточных языков, а в 1875–1876 гг., также как и его коллеги, представил программу лекций по китайскому языку [7].

Дмитрий Алексеевич Пещуров окончил в 1853 г. физико-математический факультет Петербургского университета и через четыре года отправился в Пекин студентом духовной миссии и заведующим обсерваторией. За время пребывания в Пекине Д. А. Пещуров в совершенстве освоил китайский язык, как разговорный, так и письменный.

В краткой программе по годам обучения расписаны занятия, проводимые со студентами, изучающими китайский язык в Петербургском университете. На первом курсе следовало объяснение начертания китайских иероглифов, ключевые знаки, главные правила грамматики, практические занятия разговорным языком,

чтение и перевод легких отрывков. На освоение программы первого года обучения отводилось по две лекции в неделю.

На втором курсе происходило дальнейшее знакомство с грамматикой китайского языка, сопровождаемое чтением и переводами из повести Хао-цю-чжуань², также по две лекции в неделю. На третьем и четвертом годах обучения студенты знакомились с «историческим слогом и слогом официальных документов и бумаг». Также на занятиях продолжали упражняться в чтении и переводе из различных китайских сборников и сборника Уэйда³. За время работы в университете Д. А. Пещуров составил два учебных пособия: «Китайский текст трактата Китая с Россией в 1774 г.», «Материалы для китайской хрестоматии», а также редактировал «Китайские тексты» [2, с. 226].

Представленные рабочие программы учебных дисциплин дают возможность сделать вывод о серьезном научном подходе к изучению Китая (и китайского языка), существовавшем на факультете восточных языков университета. Обучающиеся, как уже упоминалось выше, после окончания университета должны были обладать серьезной востоковедной подготовкой и быть готовыми на практике применять полученные знания. На этом этапе возникает вопрос, насколько широко распространялись эти серьезные, научно обоснованные сведения о Китае.

Исследователи жизни и деятельности академика В. П. Васильева отмечают, что, несмотря на широкие масштабы его деятельности по распространению достоверных сведений о Китае в российском обществе, ему так и не удалось создать научную школу русского китаеведения, воспитать преемников, которые бы продолжили его дело. С. М. Георгиевский, Д. А. Пещуров продолжили преподавать в университете, но один рано умер, а усилия второго не были поддержаны в достаточной степени, хотя именно в конце XIX в. изучение Китая и китайского языка стало приобретать видимые практические формы в связи с активизацией российской политики на Дальнем Востоке [9, с. 16].

Статистические данные (таблица 1), собранные в университете за 1863–1874 гг., дают возможность оценить масштаб распространения фундаментальных знаний о Китае в узком кругу образованных людей.

Таблица 1. Количество обучающихся на факультете восточных языков в период с 1863 по 1874 гг.

Год	1863	1864	1865	1866	1867	1868	1869	1870	1871	1872	1873	1874
Кол-во студентов	34	25	15	11	19	24	31	32	35	36	48	47

Как видно из таблицы, количество студентов факультета восточных языков в указанный период не превышало 50 человек, в то время как обучающиеся на остальных трех факультетах университета исчислялись сотнями [7]. Можно сказать, что востоковедение (и китаеведение) как наука было предметом интереса очень узкого круга заинтересованных лиц.

² «История счастливой четы» — китайский роман XVII в., первый китайский роман, получивший известность в Европе.

³ Томас Френсис Уэйд (Thomas Francis Wade, 1818–1895) — британский дипломат, китаевед, составитель сборника текстов для изучения китайского языка.

В стенах университета преемником В. П. Васильева в качестве преподавателя китайского языка был не только Д. А. Пещуров, но и С. М. Георгиевский, который своей задачей ставил привить современникам объективный, научно обоснованный взгляд на Китай. На работе в Китае, в основном в консульствах, в разное время находились некоторые ученики В. П. Васильева [2, с. 236].

В последние десятилетия XIX в. интерес к Китаю в России окончательно приобрел практические черты. Новые политические процессы в самом Китае, очередная активизация колониальных империй, строительство КВЖД требовали новых подходов и методов в китаеведении. В издательстве Эдинбургского университета в 1899 г. вышла книга Алексиса Краузе под названием «Россия в Азии», в которой автор оценивает роль России в политической жизни стран Ближнего и Дальнего Востока на протяжении четырехсот лет. По вопросу осведомленности русских о Китае в последней четверти XIX века он высказывает следующее мнение: «С 1881 по 1895 годы Россия направила все возможные усилия на изучение Китая. Исследования ведутся во всех направлениях; ученые [...] изучили Китай и знают о нем больше, чем сами китайцы. Знания русских о Китае наиболее полные и надежные, чем у какой-либо другой страны. Те, кто хотел бы изучить предмет основательно, должны обращаться к работам, изданным в Санкт-Петербурге, и картам, составленным русскими географами» [11, с. 180].

По количеству читаемых на факультете восточных языков курсов и числу преподавателей китаеведных дисциплин факультет в XIX в. занимал первое место среди подобных западноевропейских учебных заведений [2, с. 153].

С. Ю. Витте высказывал иное мнение о степени осведомленности русских о Китае в тот же исторический период: «В то время, в сущности говоря, было очень мало лиц, которые знали бы вообще что такое Китай [...] в отношении Китая наше общество и даже высшие государственные деятели были полные невежды» [12, с. 77].

Среди изданий, посвященных Китаю и выпускаемых для читающей публики в конце XIX — начале XX вв., в основном преобладали переводные статьи французских и английских авторов, предназначенные в большей степени для развлечения, чем для просвещения.

Таким образом, китаеведение как наука развивалось главным образом в стенах Петербургского университета силами узкого круга заинтересованных лиц, трудившихся над созданием учебных пособий, переводов классической китайской литературы, изучавших культуру и историю Китая, преподававших на факультете восточных языков. Фундаментальные научные труды по Китаю редко находили отклик среди широкой публики, многие из таких работ даже никогда не были изданы. На другом полюсе были брошюры и газетные статьи, формировавшие восприятие Китая у большинства современников, далеких от научных университетских изысканий. Влияние ученых-китаеведов на широкие массы и возможность формирования их усилиями образа Китая в обществе были довольно ограничены. Официальные круги недооценивали значения востоковедения и не признавали его полезной наукой [8, с. 26]. По-настоящему практическое применение китаеведения приобрело лишь на рубеже веков и в XX в. с развитием дипломатических связей между двумя странами.

Литература

1. Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР / под ред. А. Н. Кононова. М., Наука, 1972. 596 с.
2. Скачков П. Е. Очерки истории отечественного китаеведения. М.: Наука, 1977. 505 с.
3. Скачков П. Е. От Миссии к университетам // Проблемы Дальнего Востока. 1975. Вып. 2. С. 140–188.
4. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 5679.
5. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М.: Восточная литература РАН, 1997. 536 с.
6. Базиняни А. П., Гринкруг И. М. Три проекта организации изучения восточных языков и Востока в России в XVIII–XIX столетиях // Формирование гуманитарной традиции отечественного востоковедения. М.: Наука, 1984. С. 33–52.
7. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7520.
8. Симоновская Л. В. Академик В. П. Васильев и его эпоха // История и культура Китая: Сборник памяти академика В. П. Васильева. М.: Наука, 1974. С. 20–27.
9. Васильев Л. С. Корифей русского китаеведения // История и культура Китая: Сборник памяти академика В. П. Васильева. М.: Наука, 1974. С. 7–20.
10. Самойлов Н. А. Публицистика академика В. П. Васильева и некоторые вопросы общественно-политического развития Китая второй половины XIX в. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1988. Вып. 11. С. 172–190.
11. Krausse A. Russia in Asia. A record and a study. 1588–1899. London, 1899.
12. Китай и соседи в новое и новейшее время / под ред. С. Л. Тихвинского. М.: Наука, 1982. 459 с.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2014 г.

Контактная информация

Петухова Наталья Владимировна — ассистент; hatter@mail.ru

Petukhova Natalia V. — assistant; hatter@mail.ru

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.581

С. А. Симатова

ЧАСТИЦЫ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Пекинский университет языка и культуры,
15 Xueyuan Rd, Haidian, Beijing, Китай

Статья посвящена рассмотрению частиц как одного из способов выражения модальности в китайском языке. В статье представлены взгляды китайских лингвистов на категорию модальности, затронута проблема соотношения модальности, экспрессивности и эмоциональности. Дается подробное описание класса модальных частиц китайского языка: рассматривается проблема номинации модальных частиц, обсуждается вопрос об их количестве и основных признаках, разбираются классификации, приводятся результаты исследования по определению самых употребительных модальных частиц китайского языка и их наиболее часто реализуемых значений. Библиогр. 34 назв. Табл. 1.

Ключевые слова: модальность, экспрессивность, эмоциональность, модальная (фразовая, конечная, эмоционально-экспрессивная) частица.

PARTICLES AS A MEANS OF EXPRESSING MODALITY IN CHINESE

S. A. Simatova

Beijing Language and Culture University, 15 Xueyuan Rd, Haidian, Beijing, China

The paper discusses particles as a means of expressing modality in Chinese. The paper gives a detailed review of Chinese linguists' studies on the category of modality and touches upon the problem of modality, expressivity and emotionality correlation. The paper gives detailed data on Chinese modal particles: their nomination, number, essential characteristics, and classifications. Furthermore, the author presents research results on the most frequently used Chinese modal particles and their contextual meanings. Refs 34. Tables 1.

Keywords: modality, expressivity, emotionality, modal (phrasal, ending, emotionally expressive) particle.

Модальность как лингвистическое явление в отечественном языкознании изучена достаточно подробно. Разные аспекты данной функционально-семантической категории затрагивались в исследованиях таких ученых, как В. В. Виноградов, Г. А. Золотова, В. З. Панфилов, Е. В. Падучева, А. В. Зеленщиков, Г. Я. Солганик. Однако большинство исследований проводилось либо на базе русского языка, либо на базе

европейских языков. Комплексных трудов, описывающих модальность китайского языка, в отечественном языкознании нами обнаружено не было. Это подтверждает необходимость разработки данной темы отечественными лингвистами.

Изучение такого способа выражения модальности в китайском языке, как модальные частицы, безусловно, необходимо и значимо для любого, кто стремится хорошо овладеть этим языком. Речь иностранца, который часто использует модальные частицы при общении на китайском языке, выглядит более приближенной к речи носителей языка. Разработка проблемы модальных частиц китайского языка интересна также и ввиду их своеобразия по сравнению, например, с модальными частицами русского языка. Как и в случае проблемы категории модальности китайского языка, на сегодняшний день нам не удалось обнаружить в отечественном китаеведении комплексного исследования, посвященного модальным частицам китайского языка.

Прежде чем перейти к рассмотрению модальных частиц китайского языка, необходимо затронуть вопрос о понимании категории модальности в китайском языкознании. Мы намеренно не будем подробно останавливаться на трактовках категории модальности в западном и отечественном языкознании, так как они уже описаны достаточно подробно.

В процессе исследования нами было обнаружено, что вплоть до конца XIX в. категории модальности в китайском языкознании не уделялось должного внимания. В связи с достаточно поздним началом изучения вопроса универсальная система описания категории модальности китайского языка в данный момент отсутствует. Например, Чэнь Линьцзюнь (陈林俊 — Chén Línjùn) в статье об исследовании категории модальности современного китайского языка говорит об отсутствии четкого разграничения в китайском языке понятий «наклонение» и «модальность». Автор статьи утверждает, что «в отличие от достаточно прочной системы категорий наклонения и модальности в английском языке, в китайском языке в настоящее время, похоже, не создано сходной системы, включающей две четко разграниченные категории» (“相对于英语比较健全的 mood 和 modality 体系, 目前汉语似乎还没有构建起类似的包含两个具有明确相对性概念的范畴体系” — “Xiāngduìyú yīngyǔ bǐjiào jiànquán de mood hé modality tǐxì, mùqián hànyǔ sìhū hái méiyǒu gòujiànrǎng lèisì de bāohán liàngge jù yǒu míngquè xiāngduì xìng gài niàn de fān chóu tǐ xì”) [1, с. 56].

В большинстве источников рассмотрение истории изучения модальности в Китае начинается с упоминания первого комплексного труда по грамматике Ма Цзяньчжуна (马建忠, 《马氏文通》 — Mǎ Jiànzhōng, “Mǎshì wéntōng”). Основываясь на исследованиях модальности и наклонения западных ученых, китайский лингвист установил взаимосвязи между интонацией и служебными словами в китайском языке. Отдельно в его работе говорилось о взаимосвязи служебных глаголов с интонацией. Однако в одной из статей современных китайских лингвистов мы обнаружили имя еще одного ученого, который затронул вопрос о категории модальности в китайском языке еще в XVIII в. [2]. Это был Юань Жэньлинь (袁仁林 — Yuán Rénlín), который рассматривал взаимосвязь служебных слов и частиц китайского языка с интонацией. Если говорить о более ранних периодах, то тогда существовали лишь толкования отдельных слов, способных выражать определенную модальность предложения. В качестве примера можно привести толкования в словаре Сюй Шэня

«Шовэнь цзецзы» (许慎, 《说文解字》 — Xǔ Shèn, “Shuōwén jiězì”), созданном в I в. н.э. Теоретических же исследований в то время не было вовсе.

Как отмечается в одном из источников, основным направлением в исследовании модальности китайского языка всегда было изучение вспомогательных глаголов и выражаемых ими значений [3, с. 25]. Среди ученых, работавших в данном направлении, можно назвать Хуан Юйчуня (黄郁纯 — Huáng Yùchún) и Се Цзялина (谢佳玲 — Xiè Jiālíng).

Системным изучением категории модальности в китайском языке впервые занялся Хэ Ян (贺阳 — Hè Yáng). Считается, что именно он ввел термин для обозначения модальности китайского языка: вместо применяемого раньше английского слова *modality* стало использоваться китайское слово 语气 (yǔqì). Хэ Ян создал достаточно подробную систему категории модальности, на основе которой в начале 2000-х годов проводили исследования Ци Хуан (齐沪扬 — Qí Hù yáng) и Вэнь Солинь (温锁林 — Wēn Suǒlín). Другой современный лингвист, Тан Тинчи (汤廷池 — Tāng Tíngchí), рассуждал о способах выражения модальности в китайском языке, всего он выделил три способа: модальные частицы (情态语气词 — qíngtài yǔqìcí), модальные наречия (情态副词 — qíngtài fùcí) и модальные глаголы (情态动词 — qíngtài dòngcí) с модальными прилагательными (情态形容词 — qíngtài xíngróngcí) [цит. по: 3, с. 32]. Очень интересной нам кажется точка зрения на категорию модальности Лу Чуаня (鲁川 — Lǔ Chuān), который относит к ней все субъективное. Эта точка зрения в настоящее время активно обсуждается китайскими лингвистами.

Наше особое внимание привлекла система категории модальности китайского языка, разработанная современным лингвистом Цуй Силянгом (崔希亮 — Cuī Xīliàng). Он разделил категорию модальности на три основных вида: так называемую прямую модальность (直陈情态 — zhíchén qíngtài), имеющую связь с субъективным отношением говорящего к высказыванию и выражаемую с помощью интонации; событийную модальность (事件情态 — shìjiàn qíngtài), раскрывающую сущность ситуации, которая отображается в высказывании, и выражаемую посредством модальных наречий, собственно глаголов и дополнительных глагольных элементов (глагольных модификаторов); модальность возможности, желания, долженствования (能愿情态 — néng yuàn qíngtài), выражаемую с помощью модальных глаголов [цит. по: 3, с. 35–36]. Первые два типа модальности очень сильно напоминают дифференциацию категории модальности в западном языкознании: прямую модальность можно связать с субъективной модальностью, а событийную модальность — с объективной.

В китайском языке можно выделить несколько лексических единиц, которые на русский язык переводятся как «модальность». К сфере лингвистики относятся две: 情态 (qíngtài) и 语气. В современном китайском толковом словаре 情态 определяется как 神态 (shéntài), что означает 神情态度 (shénqíng tàidu: досл. «настроение и отношение»), т.е. это отношение говорящего к тому, что он говорит [4, с. 1213]. 语气 имеет два значения: 说话的口气 (shuōhuàde kǒuqì: интонация) и 表示陈述、疑问、祈使、感叹等分别的语法范畴 (biǎoshì chénshù, yíwèn, qíshǐ, gǎntàn děng fēnbíede yǔfǎ fànchóu: грамматические категории, служащие для обозначения повествования, вопроса, побуждения, восклицания и т.д.) [4, с. 1665]. Таким образом, 情态 — это абстрактное понятие, заключающееся в отношении высказывания к действительности

и в отношении говорящего к высказыванию, а 语气 — это интонационное и грамматическое выражение данного отношения.

Рассмотрим несколько определений категории модальности, сформулированных современными учеными. Упомянутый выше Хэ Ян отождествляет понятия 情态 и 语气. Он дает следующее определение категории модальности: модальность — это «субъективное понимание говорящим высказывания, выраженное через грамматические формы» (“通过语法形式表达的说话人针对命题的主观意识” — “Tōngguò yǔfǎ xíngshì biàodáde shuōhuàrén zhēnduì mìngtíde zhǔguān yìshì”) [цит. по: 3, с. 29]. Сходной точки зрения придерживается и Ци Хуан. По-своему интерпретируют категорию модальности Тан Тинчи и Лу Чуань. Оба они называют модальность термином 情态. Первый определяет модальность как «точку зрения или отношение говорящего к содержанию высказывания, включая суждение по поводу истинности, смысла, степени желательности, вероятности, необходимости и других компонентов высказывания» (“说话者对于句子命题内容的观点或心态, 包括对于命题真伪、认知、愿望、盖然性、必然性等的判断” — “Shuōhuàzhě duìyú jùzì mìngtí nèiróngde guāndiǎn huò xīntài, bāokuò duìyú mìngtí zhēnwěi, rènzhi, yuànwàng, gàiránxìng, bìránxìng děngde pànduàn”) [цит. по: 3, с. 32]. Второй полагает, что категория модальности — это «суждение и оценка говорящим объективных событий на основании своего субъективного подхода и своей субъективной точки зрения» (“言者基于其主观的立场、观点而对客观事物的判断和评议” — “Yánzhě jīyú qí zhǔguānde lìchǎng, guāndiǎn ér duì kèguān shìwùde pànduàn hé píngyì”) [цит. по: 3, с. 34]. Очень необычная трактовка модальности принадлежит Вэнь Солиню. Он называет модальность термином 口气 (kǒuqì) и определяет как «чувства и отношение говорящего к высказыванию» (“说话人对所述命题的情感和态度” — “Shuōhuàrén duì suǒshù mìngtíde qínggǎn hé tàidu”) [цит. по: 3, с. 32]. Хотя применение к модальности термина 口气 не является общепринятым, определение, предложенное Вэнь Солинем, на наш взгляд, кратко и понятно раскрывает сущность этой категории, и поэтому может считаться удачным.

Все рассмотренные выше определения модальности так или иначе связаны с отношением говорящего к высказыванию. В определениях отечественных ученых, например В. В. Виноградова и А. В. Зеленщикова, в отличие от определений китайских лингвистов, модальность определяется как отношение высказывания или сообщения к действительности. Несмотря на подобное расхождение, нельзя сказать, что китайские и отечественные лингвисты по-разному воспринимают категорию модальности. И В. В. Виноградов, и А. В. Зеленщиков говорят о том, что отношение высказывания к действительности всегда устанавливается говорящим лицом, а значит, подразумевает и его субъективное отношение к сообщаемому. Таким образом, мы можем в общем обозначить категорию модальности как отношение высказывания к действительности, определяемое через субъективное отношение говорящего. Более конкретно — модальность есть «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [5, с. 303].

На вопрос о том, что отнести к сфере модальности, нельзя ответить однозначно. Об этом можно судить по определениям модальности разных лингвистов: одни говорили о модальности исключительно с точки зрения возможности, действительности и необходимости, другие относили к ней помимо всего прочего, чувства и эмоции говорящего. Рассматривая модальные частицы китайского языка, мы пришли к вы-

воду, что категория модальности, а именно категория субъективной модальности, тесно взаимодействует с категориями экспрессивности и эмоциональности.

Согласно лингвистическому энциклопедическому словарю, «смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова» [6, с. 2752]. Г. Я. Солганик в своей работе упоминает модальнооценочные слова, что также подтверждает связь модальности с категорией оценки [7]. Как отмечает В. И. Горелов, «экспрессия обычно содержит оценку» [8, с. 14]. Соответственно модальность и экспрессивность тесно взаимосвязаны, так как обе сопоставимы с категорией оценки. Вывод о тесном соприкосновении данных категорий можно сделать и через их определения. Ранее мы обозначили категорию модальности как отношение высказывания к действительности, определяемое через *субъективное отношение говорящего*. Экспрессивность в свою очередь определяется как «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство *субъективного выражения отношения говорящего* к содержанию или адресату речи» [6, с. 5468]. Исходя из этих определений, можно сказать, что и модальность, и экспрессивность предназначены для выражения субъективного отношения говорящего к высказыванию. Взаимосвязь категорий модальности и эмоциональности не вызывает сомнений, поскольку эмоции — это одна из форм выражения субъективного отношения говорящего.

Открытым остается вопрос о характере взаимосвязи между категориями модальности, экспрессивности и эмоциональности. В лингвистическом энциклопедическом словаре к формам реализации субъективной модальности помимо прочего относятся специальные интонационные средства для акцентирования удивления, сомнения, уверенности, недоверия, протеста, иронии и других *эмоционально-экспрессивных оттенков* субъективного отношения к сообщаемому [6, с. 2753]. Очевидно, что данные интонационные средства будут относиться к категориям экспрессивности и эмоциональности. Кроме того, в этом же словаре отмечается, что в смысловую основу субъективной модальности включаются не только логическая (рациональная) квалификация сообщаемого, но и разные виды *эмоциональной (иррациональной) реакции*. О. М. Готлиб в своей диссертации относит к сфере категории модальности *эмоциональное освещение содержания высказывания* [9], говоря тем самым о категории эмоциональности, а так как экспрессивность тоже напрямую связана с выражением эмоций, то и о категории экспрессивности. Исходя из двух представленных точек зрения, эмоциональность и экспрессивность следует считать частями модальности, участвующими непосредственно в реализации данной категории.

Именно такой вывод делает Т. В. Романова в монографии «Модальность. Оценка. Эмоциональность». Она говорит о том, что категории модальности, экспрессивности и эмоциональности «не тождественны содержательно, а находятся в отношениях части и целого» [10, с. 19]. Категории экспрессивности и эмоциональности Т. В. Романова объединяет под термином «категория эмоциональной экспрессии» и считает ее ядром субъективной модальности. В качестве объективного основания для включения эмоциональной экспрессии в сферу модальности Т. В. Романова приводит факт о том, что эмоциональная экспрессия — это специфическая форма отношения человека к миру, т. е. отношения говорящего к высказыванию, а через него и к действительности, а это по своей сути и есть модальность. Именно такой подход,

с нашей точки зрения, целесообразно использовать при рассмотрении модальных частиц китайского языка.

Частицы представляют собой слова полуграмматического, полулексического типа. Согласно определению В.И. Горелова, «частицы либо выражают отношения между членами предложения (частями сложных предложений), либо служат средством эмоционально-смыслового выделения членов предложения (частей сложных предложений), либо, наконец, вносят в предложение добавочные смысловые значения и экспрессивные оттенки» [11, с. 79]. Последнюю функцию можно отнести к модальным частицам, которые вносят в предложение дополнительное модальное значение, выражая отношение говорящего к сообщаемому. По определению Е.И. Шутовой модальные частицы китайского языка — это «класс неэтимологизируемых служебных элементов, ставящихся в конце предложения или после того или иного структурного сегмента в конце предложения в целях выражения тех или иных оттенков экспрессивно-модального отношения говорящего к содержанию высказывания» [12, с. 74]. Представленное определение модальных частиц китайского языка выглядит достаточно полно, однако хотелось бы сделать два уточнения: модальные частицы китайского языка не обязательно ставятся в конце предложения; выражение «экспрессивно-модальное отношение говорящего к содержанию высказывания» выглядит несколько громоздко, особенно если учесть широкое понимание модальности, где экспрессивность является ее частью. В связи с отмеченными противоречиями можно определить модальные частицы китайского языка как класс неэтимологизируемых служебных элементов, ставящихся в конце предложения или после того или иного структурного сегмента предложения в целях выражения тех или иных модальных значений.

Одной из проблем, связанных с классом модальных частиц китайского языка, является проблема их номинации. Более или менее нейтральными терминами, которые можно использовать для номинации класса модальных частиц китайского языка, являются «фразовые частицы» и «конечные частицы». Термин «фразовые частицы» говорит об одной из главных особенностей модальных частиц китайского языка: о том, что они, как правило, относятся ко всему предложению в целом. Именно этот термин используют в своих работах Тань Аошуан [13], Е.И. Шутова [12] и В.И. Горелов [8; 11]. Термин «конечные частицы» указывает на основное местоположение модальных частиц китайского языка в предложении. Этому термину отдают предпочтение в своих учебниках китайского языка Т.П. Задоев и Хуан Шуин [14; 15; 16], А.М. Карапетянц и Тань Аошуан [17; 18]. Данный термин также используется в монографии В.И. Горелова [11].

Наиболее спорными терминами, которые применяются по отношению к рассматриваемому классу частиц китайского языка, являются «модальные частицы» и «эмоционально-экспрессивные частицы». Сложность выбора между указанными терминами объясняется уже упомянутой проблемой соотношения модальности, экспрессивности и эмоциональности. Разумеется, данные термины можно применять в зависимости от контекста: при рассмотрении модальных значений частицы называть ее модальной, а при рассмотрении эмоционально-экспрессивных значений — эмоционально-экспрессивной. Такую попытку, к примеру, делает в своей работе М.Г. Фролова [19], рассматривая, в основном, лишь те значения частиц, которые связаны с возможностью, желательностью, необходимостью, т.е. с традиционно мо-

дальными значениями. Однако в китайском языке разграничение модальных и эмоционально-экспрессивных значений частиц, с нашей точки зрения, нецелесообразно, а зачастую и невозможно, поскольку одна частица в одном предложении может выполнять и модальную, и эмоционально-экспрессивную функцию одновременно (например, интонация удивления связана и с модальностью, и с экспрессивностью). Кроме того, ранее мы уже определили, что будем рассматривать модальность более широко, включая в ее сферу эмоциональность и экспрессивность (конкретнее — в сферу субъективной модальности).

В связи с тесным соприкосновением модальных и эмоционально-экспрессивных значений фразовых частиц китайского языка условно к ним можно применить термин «модально-экспрессивные частицы», который обычно применяется лингвистами по отношению к частицам японского языка. Однако в российском китаеведении этот термин еще не закрепился, следовательно, его использование было бы не совсем верным. Поэтому, учитывая то, что мы рассматриваем категорию модальности более широко, наиболее приемлемым термином для изучаемого класса частиц китайского языка можно считать термин «модальные частицы». Именно этот термин используется в большинстве изученных нами источников. Только этому термину отдается предпочтение в справочнике по грамматике М. Г. Фроловой [19], в грамматическом справочнике «300 грамматических правил» [20], в монографии В. А. Курдюмова [21], в учебнике китайского языка А. Ф. Кондрашевского [22; 23]. Вместе с терминами «фразовые» и «конечные» термин «модальные частицы» используется в учебнике китайского языка А. М. Карапетьянца и Тань Аошуан, а также в монографиях Тань Аошуан и Е. И. Шутовой.

Еще одним аргументом в пользу выбора термина «модальные частицы» для номинации рассматриваемого класса частиц может служить неразграничение их модальных и эмоционально-экспрессивных значений в китайских справочниках и учебниках, где в большинстве случаев применяется единый термин — 语气助词 (yǔqìzhùcí). В одном из Интернет-словарей перевод данного термина на русский язык звучит именно как «модальная частица» [24]. В книге по теоретической грамматике китайского языка В. А. Курдюмова приводятся взгляды разных китайских ученых на границы частей речи в китайском языке. Помимо термина 语气助词 здесь также встречаются термины 语气词 (yǔqìcí) и 语助词 (yǔzhùcí) [21]. Термин 语气词 наряду с термином 语气助词 является самым употребительным по отношению к рассматриваемому классу частиц. Помимо монографии В. А. Курдюмова, мы встретили его и в некоторых китайских источниках [25–27].

В одной из книг по грамматике китайского языка нами было обнаружено несколько иное использование термина 语气助词 [28]. Здесь он трактуется более широко и включает два подкласса: междометия, располагаемые в начале высказывания, и частицы, располагаемые в конце высказывания. При этом второй подкласс включает в себя три вида частиц: временные частицы (事态助词 — shìtài zhùcí), вопросительные частицы (疑问助词 — yíwèn zhùcí) и собственно модальные частицы (情态助词 — qíngtài zhùcí). В других изученных нами литературных источниках категория 语气助词 не разделяется на подобные подклассы, отмечается лишь отнесенность междометий к данной категории как обособленного класса частиц [29, с. 403].

Количество модальных частиц в китайском языке точно определить весьма трудно, этот класс лексических единиц отличается невероятным разнообразием.

Наиболее полный список модальных частиц китайского языка «путунхуа», на наш взгляд, представлен в справочнике «Практическая грамматика китайского языка» (《实用汉语语法》 — “Shíyòng hànyǔ yǔfǎ”) [29, с. 406–407]. Здесь количество указанных модальных частиц, включая возможные фонетические разновидности одной частицы, достигает тридцати двух. В других книгах по грамматике китайского языка в основном рассматриваются лишь самые употребительные частицы, но набор этих частиц в разных источниках неодинаков: «Практическая грамматика современного китайского языка» (《实用现代汉语语法》 — “Shíyòng xiàndài hànyǔ yǔfǎ”) — 啊 (a)、吧 (ba)、吗 (ma)、呢 (ne)、的 (de)、了 (le)、罢了 (bàle)、而已 (éryǐ)、嘛 (ma)、呗 (bei) [30]; «Грамматика китайского языка в схемах» (《图示汉语语法》 — “Túshì hànyǔ yǔfǎ”) — 吗、啊、呢、的、吧、了、呗 [25]; «Толкование служебных слов современного китайского языка» (《现代汉语虚词讲义》 — “Xiàndài hànyǔ xūcí jiǎngyì”) — 啊、吧、吗、呢、嘛、了、罢了 [31]; «Справочник по грамматике» М.Г.Фроловой — 啊、吧、啦 (la)、了、吗、嘛、呢 [19]. Разнообразие модальных частиц китайского языка достигается также за счет диалектных вариантов. Например, в диалекте Сян, распространенном в провинции Хунань и на севере провинции Гуанси, в вопросительных предложениях используются частицы 㗎 (an, здесь и далее чтение дается на путунхуа) и 㗎哩 (ruoli): 今日星期一㗎? = 今天星期一呀? (Jīntiān xīngqī yī ya?) [32, с. 45] — *Сегодня понедельник?*; 其去哩㗎哩? = 他去了吗? (Tā qù le ma?) [32, с. 46] — *Он ходил?*

Все модальные частицы китайского языка обладают некоторыми общими характеристиками: не имеют конкретных денотативных значений; не употребляются самостоятельно, а ставятся после слов и словосочетаний или, чаще всего, в конце предложения; не являются членами предложения; читаются нейтральным тоном [20; 30]. Несколько разных частиц могут стоять подряд в одном предложении: 这件事对你会有影响的啊! (Zhè jiàn shì duì nǐ huì yǒu yǐngxiǎngde ya!) [25, с.83] — *Это дело может повлиять на тебя!* При таком употреблении может происходить стяжение звуков частиц и образование новой частицы. Основными случаями стяжения являются следующие:

吧哎 → 呗 (ba ai → bei)	嚟啊 → 吗 / 嘛 (me a → ma)
吧呕 → 嘞 (ba ou → bo)	呢啊 → 哪 (ne a → na)
了啊 → 啦 (le a → la)	哩哎 → 咧 (li ai → lie)
了呕 → 咯 / 啰 / 喽 (le ou → lo/luo/lou)	了哎 → 咧 (le ai → lie) [29, с. 446].

У частицы 啊 есть еще одна особенность, которой не обладают другие частицы: менять свое произношение и написание в зависимости от стоящего впереди слога. Следует отметить, что способность частицы 啊 к изменению произношения входит в группу основных фонетических изменений в потоке речи китайского языка, наряду с легким тоном, эризацией и изменением тона [26, с. 86]. Случаи изменения произношения и написания частицы 啊 представлены в таблице. Данная таблица была составлена на основе таблицы, приведенной в одной из китайских книг по грамматике [25, с. 70] с небольшими изменениями и дополнениями.

Из таблицы видно, что существует шесть основных случаев изменения произношения и написания частицы 啊: после центральных/терминалей а, о, е, ё, и, ü; после центральных/терминалей и (включая дифтонги ао, іао); после терминалей п; после терминалей

ng; после особого гласного i, которому предшествуют шипящие zh, ch, sh, r, и после эризованных слогов; после особого гласного i, которому предшествуют свистящие z, s, c. Произношение частицы меняется во всех этих случаях, написание — только в трех из них.

Изменение произношения и написания частицы 啊

前字韵腹或韵尾 + a	“啊”的音变	写法	例子
a, o, e, ê, i, ü + a	ya	呀	她呀、我呀、 饿呀、月呀、 米呀、鱼呀
u (包括 ao, iao) + a	wa	哇	狗哇、苦哇、 跑哇、小哇
n + a	na	哪	难哪
ng + a	nga	啊	香啊
i (zh, ch, sh, r 后), er + a	ra	啊	纸啊、吃啊、 是啊、鸟儿啊
i (z, s, c 后) + a	za	啊	字啊、死啊、 词啊

Классифицировать модальные частицы китайского языка можно по разным признакам. Существует классификация по типам произношения (условно назовем эту классификацию фонетической). Согласно фонетической классификации, выделяется семь групп частиц: группа a, группа ba, группа le, группа ma, группа ne и две группы, в одну из которых входит только одна частица 的, а в другую — составные частицы 罢了、就是了 (jiùshìle)、不成 (bùchéng)、着呢 (zhene) [29, с. 404]. Образование данной классификации тесно связано с уже упомянутой способностью двух частиц к стяжению, а также со способностью частицы 啊 видоизменяться в зависимости от предшествующего ей слога. Зная это, достаточно легко определить состав частиц каждой группы. Однако помимо рассмотренных выше частиц, в группу могут входить и другие модификации одной частицы, не связанные со стяжением. Группа a: 啊 (阿)、呀 (ya)、哇 (wa)、哪 (na)、呕 (ou)、哟 (yo)、呦 (you) (образование частицы 呕 связано с особенностями артикуляции, а частиц 哟 и 呦 — с влиянием на частицу 啊 предшествующего звука); группа ba: 吧 (罢)、呗、皀 (bo); группа le: 了、啦、咯 (lo)、啰 (luo)、喽 (lou); группа ma: 吗 (么)、墨 (me)、嘛 (么); группа ne: 呢 (呐 — ne)、哪、哩 (li)、咧 (lie) (哩 — старый вариант написания 呢, сохранившийся в некоторых диалектах) [29, с. 404].

Еще одна классификация связана со способностью нескольких частиц располагаться друг за другом в конце предложения (условно назовем эту классификацию уровневой). В справочниках ее обычно не рассматривают отдельно как классификацию, но нам кажется, что она весьма интересна и заслуживает особого внимания. Согласно этой классификации самые употребительные частицы (啊、吧、了、吗、呢、的) разделяются на три уровня в зависимости от своего положения в конце предложения относительно других частей [25, с. 82]. Первый уровень — частица 的, второй уровень — 了, третий уровень — 啊、吧、吗、呢. Хорошо видно распределение частиц по уровням на следующем примере: 我们都是亲眼看见的了啊。(Wǒmen dōu shì qīnyǎn kànjiàn de le ya.) [25, с. 82] — Мы все видели собственными глазами! В данном предложении присутствуют частицы всех трех уровней, однако чаще всего

встречается сочетание частиц двух уровней: 他听见我刚才说的话了吗? (Tā tīngjiàn wǒ gāngcái shuōde huà le ma?) [25, с. 83] — Он услышал то, что я только что сказал? Предложения с частицами всех трех уровней тоже часто видоизменяются за счет способности частиц к стяжению. Например, в приведенном выше предложении можно сократить количество частиц с трех до двух, так как при стяжении 了 и 啊 образуется частица 啦: 我们都是亲眼看见的啦。(Wǒmen dōu shì qīnyǎn kànjiàn de la.)

Нами было проведено исследование по определению самых употребительных модальных частиц китайского языка, а также наиболее часто реализуемых ими значений. На начальном этапе исследования мы изучили материал о модальных частицах китайского языка, предлагаемый в отечественных учебных и справочных изданиях. В результате анализа российских учебных изданий было выяснено, что в трех частях учебника Т. П. Задоевко и Хуан Шуин описываются четыре модальные частицы китайского языка: 吗、了、呢、吧; в учебнике А. Ф. Кондрашевского — четыре модальные частицы: 吗、呢、了、吧; в учебнике А. М. Карапетьянца и Тань Аошуан — пять модальных частиц: 吗、呢、吧、啊、了; в справочнике М. Г. Фроловой — семь модальных частиц: 啊、吧、啦、了、吗、嘛、呢. При этом описание значений модальных частиц во всех изданиях недостаточно подробное.

В связи с недостатком информации о модальных частицах китайского языка и их значениях в отечественных изданиях, на втором этапе исследования мы обратились к источникам на китайском языке. В проанализированных нами изданиях указано следующее количество модальных частиц (включая разновидности одной частицы): «Практическая грамматика китайского языка для иностранцев» (《对外汉语教学实用语法》 — “Duiwài hànyǔ jiàoxué shíyòng yǔfǎ”) — 10 [33], «Грамматика практического китайского языка для иностранцев» (《实用对外汉语教学语法》 — “Shíyòng duìwài hànyǔ jiàoxué yǔfǎ”) — 7 [28], «Практическая грамматика китайского языка» (《实用汉语语法》 — “Shíyòng hànyǔ yǔfǎ”) — 32 [29], «Практическая грамматика современного китайского языка» (《实用现代汉语语法》) — 10 [30], «Грамматика китайского языка в схемах» (《图示汉语语法》) — 7 [25], «Толкование служебных слов современного китайского языка» (《现代汉语虚词讲义》) — 7 [31], «Словарь использования модальных элементов современного китайского языка» (《现代汉语语气成分用法词典》 — “Xiàndài hànyǔ yǔqì chéngfèn yòngfǎ cídiǎn”) — 28 [27]. Следует отметить, что в китайских источниках затрагиваются и двусложные частицы, такие, как 罢了 (dehuà), 而已 (dehǎi), 就是了 (jiùshìle), 来着 (lái zhe), 咧咯 (liēlo), 似的 (shìde), 也罢 (yěbà), 也好 (yěhǎo), 着呢 (zhe ne), 好了 (hǎole). В результате обобщения было выяснено, что во всех семи источниках рассматриваются пять модальных частиц: 啊、吧、呢、了、吗. В шести из семи источников рассматривается частица 的.

Мы предположили, что именно шесть указанных частиц (啊、吧、的、了、吗、呢) и будут считаться наиболее употребительными для китайского языка. Это было подтверждено на третьем этапе исследования с применением метода анкетирования. Исследование с применением метода анкетирования проводилось на базе Хэйлунцзянского университета (КНР, г. Харбин). Выборку составили 100 студентов второго курса факультета русского языка. Возраст респондентов 19–20 лет. Все респонденты являются носителями китайского языка. Проанализировав результаты анкетирования, мы выделили те модальные частицы китайского языка, которые чаще всего используются в устной и письменной речи. Для устной речи ими стали частицы 啊、呢、了、吧、呀、吗, а для письменной — 啊、呢、了、的、吗. Путем

обобщения мы определили шесть указанных выше самых употребительных модальных частиц китайского языка (частица 呀 не вошла в данный список, так как она является фонетической разновидностью частицы 啊). Кроме того, анкетирование помогло сделать вывод о наиболее часто реализуемых значениях модальных частиц. Обобщив результаты анализа китайских изданий и результаты анкетирования, мы определили такие значения для шести самых употребительных модальных частиц китайского языка: для частицы 啊 — обозначение различных чувств и эмоций в восклицательных предложениях; для частицы 吧 — выражение неуверенности в общих вопросах и условных предложениях, а также обозначение согласия и побуждения; для частицы 的 — усиление утверждения, часто реализуемое в двух типах выделительной конструкции 是.....的; для частицы 了 — указание на изменение ситуации или состояния; для частицы 吗 — обозначение общего вопроса; для частицы 呢 — обозначение специального и альтернативного вопросов.

Рассмотрим значения шести самых употребительных модальных частиц китайского языка более детально. Для частицы 啊 большинство респондентов указали именно те типы интонаций, которые чаще всего реализуются в восклицательных предложениях: упрек (你呀你呀! 你让我说你什么好啊! (Nǐya nǐya! Nǐ ràng wǒ shuō nǐ shénme hǎo wa!)) [28, с. 320] — *Эх, ты! Ну и что же я могу тебе сказать!*), радость (我有机会去北京学习, 多好哇! (Wǒ yǒu jīhuì qù Běijīng xuéxí, duōhǎo wa!)) — *У меня есть возможность поехать в Пекин на учебу, как же это здорово!*), удивление (外面的风吹得好大啊! (Wàimiānde fēng chuīde hǎo dà ya!)) [27, с. 1] — *Как же сильно дует ветер на улице!*), восхищение (这是一个多么安静美好的夜晚啊! (Zhèshì yíge duōme ānjìng měihǎode yèwǎn na!)) [30, с. 413] — *Это такой спокойный, прекрасный вечер!*). При этом интонацию удивления респонденты посчитали самой распространенной.

На первый взгляд может показаться, что результаты анкетирования и анализа литературы относительно частицы 吧 абсолютно разные: респондентами как наиболее часто реализуемые значения частицы были указаны согласие и неуверенность, а анализ литературы показал в качестве таких значений использование в общих вопросах с оттенком предположения и в побудительных предложениях. Однако так называемая интонация неуверенности, указанная респондентами, может реализовываться и в общих вопросах с частицей 吧, и в условных предложениях с данной частицей, которые рассматривались в шести из семи изученных нами китайских источников (общий вопрос с оттенком предположения: 你快毕业了吧? (Nǐ kuài biyè le ba?)) [25, с. 81] — *Ты ведь скоро заканчиваешь (учебное заведение)?*; условное предложение: 去吧, 没那么多钱, 不去吧, 朋友会不高兴。(Qù ba, méi nàme duō qián, bú qù ba, péngyou huì bù gāoxìng.) [31, с. 213] — *Если пойти, то денег не так много, а если не пойти, то друзья расстроятся*). Интонация согласия, очевидно, была выбрана большим числом респондентов ввиду ее частого использования в разговорной речи (好吧! (Hǎo ba!)) — *Ладно!*), в литературе ей не было уделено отдельного внимания, скорее всего, из-за относительной простоты использования. Побудительные предложения с использованием частицы 吧 рассматриваются еще на начальном этапе обучения китайскому языку, именно эта интонация чаще всего указывается для частицы 吧 в российских изданиях (你在这儿坐一会儿吧! (Nǐ zài zhèr zuò yíhuìr ba!)) — *Посиди здесь немного!*).

Во всех семи изученных нами китайских источниках рассматривается употребление частицы 的 в рамках выделительной конструкции 是.....的. В большинстве

изданий так или иначе затрагиваются оба типа данной конструкции: конструкция, выделяющая наиболее значимые факты произошедшего события (我是坐火车来的。(Wǒ shì zuò huǒchē lái de.) — Я приехал на поезде.), и конструкция, которая используется для выделения частей предложения, обозначающих суждение говорящего о чем-либо (我是会告诉你的。(Wǒ shì huì gàosu nǐ de.) — Я тебе сообщу.). В конструкции первого типа 的 не всегда признается модальной частицей. Ввиду того, что могла возникнуть путаница между двумя типами выделительной конструкции, мы не включали вопрос о частице 的 в состав вопросов анкеты, тем более что основное значение этой частицы в принципе одно во всех случаях употребления — усиление утверждения.

Согласно результатам анкетирования, для частицы 了 самым распространенным стало использование в повествовательных предложениях. Анализ китайских источников показал, что наиболее часто в повествовательных предложениях частица 了 указывает на изменение ситуации или состояния: 他会说汉语了。(Tā huì shuō hànyǔ le.) — Он умеет говорить по-китайски (раньше не умел). Относительно частицы 吗 результаты анкетирования были предсказуемыми: именно вопросительные предложения, а конкретнее — общие вопросы с частицей 吗, рассматриваются еще на начальном этапе обучения китайскому языку, именно вопросительная интонация указывается для частицы 吗 прежде всего как в китайских, так и в российских изданиях (你现在去公园吗? (Nǐ xiànzài qù gōngyuán ma?) — Ты сейчас идешь в парк?).

Для частицы 呢 самым распространенным случаем было признано употребление в вопросительных предложениях. В качестве самого распространенного типа вопросительных предложений респонденты указали альтернативный вопрос (你到底是中国人呢? 还是日本人呢? (Nǐ dàodǐ shì zhōngguó rén ne? Háishì rìběn rén ne?) [29, с. 426] — Ты, в конце концов, китаец или японец?), а в литературных источниках чаще рассматривались специальные вопросы (那么, 您到底想买什么呢? (Nàme, nín dàodǐ xiǎng mǎi shénme ne?) [27, с. 320] — В таком случае, что же вы, в конце концов, хотите купить?). Более подробное описание значений шести самых употребительных модальных частиц китайского языка представлено в разработанных нами с опорой на результаты исследования методических материалах «Модальные частицы китайского языка» [34].

Результаты проведенного нами исследования могут быть использованы для дополнения соответствующих разделов лекций по лексикологии и теоретической грамматике китайского языка, а также для более глубокого анализа проблемы категории модальности в китайском языке и частиц как одного из способов ее выражения. Разработанные на основе результатов исследования методические материалы «Модальные частицы китайского языка» предназначены для студентов и преподавателей высших учебных заведений, изучающих и преподающих китайский язык в рамках направлений «Лингвистика», «Связи с общественностью», «Востоковедение и африканистика», «Зарубежное регионоведение», «Международные отношения» и др. Материалы могут быть использованы преподавателями средних общеобразовательных школ с углубленным изучением китайского языка, а также всеми, кто занимается китайским языком самостоятельно.

Литература

1. *Chen Linjun*. Xi xiandai hanyu yanjiuzhongde yuqi yu qingtai // Yuwen xuekan. 2009. N 12. P. 56–58. Доступ локальных компьютеров (pdf).
2. *Zhao Chunli, Shi Dingxi*. Yuqi, qingtai yu juzi gongneng leixing // Waiguo yuwen shuangyue kan. 2011. Vol. 43, N 4. P. 483–500. Доступ локальных компьютеров (pdf).
3. *Peng Lizhen*. Xiandai hanyu qingtai yanjiu. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2007. 472 p.
4. Xiandai hanyu cidian. Zhongguo shehui kexueyuan yuyan yanjiusuo cidian bianjishi bian. Di 5 ban. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2005. 1869 p.
5. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Директмедиа паблишинг, 2008 (CD-ROM).
7. *Солганик Г. Я.* Очерки модального синтаксиса: монография. М.: Флинта; Наука, 2010. 136 с.
8. *Горелов В. И.* Стилистика современного китайского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2103 «Иностранный язык». М.: Просвещение, 1979. 192 с.
9. *Готлиб О. М.* Категория времени в китайском языке (о значениях суффиксов -le и -guo): дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 156 с.
10. *Романова Т. В.* Модальность. Оценка. Эмоциональность: монография. Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. 309 с.
11. *Горелов В. И.* Теоретическая грамматика китайского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.». М.: Просвещение, 1989. 318 с.
12. *Шутова Е. И.* Синтаксис современного китайского языка. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 391 с.
13. *Тань Аошун*. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка) / Московский гос. ун-т; Ин-т стран Азии и Африки. М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.
14. *Задоев Т. П., Хуан Шуин*. Начальный курс китайского языка: в 3 ч. Ч. 1. 5-е изд., испр. и доп. М.: Восточная книга, 2010. 304 с.
15. *Задоев Т. П., Хуан Шуин*. Начальный курс китайского языка: в 3 ч. Ч. 2. 4-е изд., испр. и доп. М.: Восточная книга, 2008. 384 с.
16. *Задоев Т. П., Хуан Шуин*. Начальный курс китайского языка: в 3 ч. Ч. 3. 4-е изд., испр. и доп. М.: АСТ: Восточная книга, 2009. 384 с.
17. *Карапетьянц А. М., Тань Аошун*. Учебник китайского языка: Новый практический курс: в 2 ч. Ч. 1. М.: Вост. лит., 2003. 640 с.
18. *Карапетьянц А. М., Тань Аошун*. Учебник китайского языка: Новый практический курс: в 2 ч. Ч. 2. М.: Вост. лит., 2004. 527 с.
19. *Фролова М. Г.* Китайский язык. Справочник по грамматике. М.: Живой язык, 2010. 224 с.
20. 300 грамматических правил / сост. Дай Сьюмэй, Чжан Жоин. М.: АСТ: Восток-Запад; Владимир: ВКТ, 2008. 287 с.
21. *Курдюмов В. А.* Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. 2-е изд., стереот. М.: Цитадель-трейд; Вече, 2006. 576 с.
22. Практический курс китайского языка / отв. ред. А. Ф. Кондрашевский. 11-е изд., испр.: в 2 т. М.: Восточная книга, 2010. Т. 1. 768 с.
23. Практический курс китайского языка / отв. ред. А. Ф. Кондрашевский. 11-е изд., испр.: в 2 т. М.: Восточная книга, 2010. Т. 2. 744 с.
24. Сайт любителей современного китайского языка 大BKPC. URL: <http://bkrs.info/slovo.php?ch=语气助词> (дата обращения: 06.12.2013).
25. *Tushi hanyu yufa / Geng Erling bianzhu*. Beijing: Beijing yuyan daxue chubanshe, 2010. 255 p. [Chinese Grammar in Graphics / ed. by Geng Erling. Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2010. 255 p.]
26. Xiandai hanyu / Qi Huyang zhubian. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2007. 539 p.
27. Xiandai hanyu yuqi chengfen yongfa cidian / Qi Huyang zhubian. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2011. 567 p.
28. *Lu Qinghe*. Shiyong duiwai hanyu jiaoxue yufa. Beijing: Beijing daxue chubanshe, 2006. 501 p.
29. *Fang Yuqing*. Shiyong hanyu yufa. 3 ban. Beijing: Beijing yuyan daxue chubanshe, 2009. 513 p.
30. *Liu Yuehua, Pan Wenyu, Gu Wei*. Shiyong xiandai hanyu yufa. Zengding ben. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2001. 1005 p.

31. *Li Xiaoqi*. Xiandai hanyu xuci jiangyi. Beijing: Beijing daxue chubanshe, 2005. 256 p.
32. Hanyu fangyan yiwen fanchou bijiao yanjiu / Shao Jingmin, Zhou Juan, Peng Xiaochuan, Shao Yi, Gan Yuen, Ceng Yiping. Guangzhou: Jinan daxue chubanshe, 2010. 329 p.
33. *Lu Fubo*. Duiwai hanyu jiaoxue shiyong yufa. Beijing: Beijing yuyan daxue chubanshe, 2010. 281 p.
34. *Науменко С. В. Симатова С. А.* Модальные частицы китайского языка: метод. материалы. Чита: ЗабГУ, 2013. 49 с.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2014 г.

Контактная информация

Симатова Софья Андреевна — магистрант; sonyachita14@mail.ru

Simatova Sofya A. — graduate student; sonyachita14@mail.ru

*Энхбат Мунхцэцэг***ЧАСТИ РЕЧИ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ
«ЗЕРЦАЛО МАНЬЧЖУРО-МОНГОЛЬСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ» (1717)**

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Словарь «Зерцало маньчжурско-монгольской словесности», ксилографически изданный в 1717 г. в Пекине по приказу императора Каньси, является двуязычным толковым словарем, построенным тематически. В то же время анализ содержания словаря показывает, что при его составлении авторы наряду с лексическим значением слов обязательно учитывали их частиречную принадлежность. Во-первых, в нем есть четыре раздела, в которые собраны местоимения, звукоподражания, числительные и так называемые «пустые слова». Во-вторых, принадлежность слов к той или иной части речи являлась структурирующим фактором для порядка распределения слов в пределах всех других тематических разделов словаря. Библиогр. 7 назв. Табл. 3.

Ключевые слова: маньчжуро-монгольский словарь, маньчжурский язык, части речи, структура словаря.

**PARTS OF SPEECH IN THE EXPLANATORY
MANCHU-MONGOLIAN DICTIONARY OF 1717***Enkhbat Munkhtsetseg*

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The bilingual Manchu-Mongolian dictionary compiled during the reign of the emperor Kangxi (published in 1717) is an explanatory dictionary organized in subject order. Its analyses shows that along with the meaning of the words its authors took into consideration the part of speech the words belong to. There are four special sections (among total 280) which comprise pronouns, numerals, onomatopoeic words and so called "empty words" the latter is the section where adverbs and different auxiliary words are gathered. Moreover, the word order in all other sections where words are collected basing on their meaning is strictly organized. The basis for is their parts-of-speech characteristics. Refs 7. Tables 3.

Keywords: Manchu-Mongolian dictionary, Manchu language, parts of speech, structure of the dictionary.

Период правления императора Каньси династии Цин в Китае был отмечен небывалой издательской и переводческой деятельностью. В 1717 г. в Пекине был издан двуязычный толковый маньчжуро-монгольский словарь *Han-i araha manju monggo gisun-i buleku bithe* «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности, изданное по высочайшему повелению» (далее — словарь НАММ). В его основу был положен более ранний чисто маньчжурский тоже толковый словарь *Han-i araha manju gisun-i buleku bithe* «Зерцало маньчжурской словесности, изданное по высочайшему повелению» (1708), а следом на протяжении нескольких лет издавались трех-, четырех- и пятиязычные словари.

В тематическом словаре НАММ, который занимает центральное место среди лексикографических работ этого периода, все слова расположены по разделам, но в основе лежит деление всего объема знаний на относящееся к небу, земле и человеку, причем слова, связанные с человеком, занимают в нем приблизительно две трети. В словаре 21 тетрадь (*debtelin*), 45 глав (*šoŋohon*), 280 разделов (*hacin*) и 400 подразделов (*me yen*). Приблизительное количество слов в нем около 12 000. Тематика

представленной в словаре лексики очень разнообразна (например, «Земля», «Нечисть», «Игры», «Дворец», «Друг» и т. д.), объяснения, которые сопровождают слова, могут быть очень подробными. Таким образом, в нем можно найти и информацию, выходящую за пределы чисто словарной, например, об административном устройстве, хозяйственном укладе, обычаях и быте маньчжурской империи.

Тексты объяснений, которые в словаре приводятся к каждому слову, являются оригинальными маньчжурскими текстами, в которых можно встретить любые части речи. Однако интересно, что несмотря на тематическое построение словаря, в нем имеются и разделы, которые являются скорее грамматическими, представляющими отдельные части речи. Наличие таких разделов показывает, что авторы словаря не всегда ориентировались только на лексическое значение слов, они имели представление и о различиях в частях речи, и этим вызвано появление специальных «грамматических» разделов. Таких разделов четыре: *Bi si sere hacin* 'Я и ты'; *Jilgan asuki-i hacin* 'Звуки и шум'; *Sula gisun-i hacin* 'Пустые слова'; *Ton-i hacin* 'Счет'. Первые три расположены в наиболее объемной главе «Человек», а последний раздел включен в главу «Образование». Части речи, которые в них рассмотрены, — местоимения, звукоподражательные слова, «пустые слова» и числительные. Именно эти разделы далеко не случайно выделены как самостоятельные. Дело в том, что остальные части речи (глаголы, существительные и прилагательные) в словаре представлены в других многочисленных тематических разделах. Авторы словаря, как нам кажется, специально ввели эти разделы, стремясь дать полную картину лексики маньчжурского языка (включая и служебные слова), представить все части речи.

Раздел «Я и ты», в котором приводятся местоимения, состоит из двух подразделов, и распределение местоимений по ним во многом соотносится с современным представлением о составе местоимений маньчжурского языка. В первый раздел включены только личные местоимения (в формах всех падежей), второй раздел более разнородный, но его объединяет то, что все местоимения этого раздела в той или иной степени включают значение «другой/другие». Так, во втором подразделе есть указательные, вопросительные, неопределенные местоимения, но только те, которые могут относиться к человеку, поскольку раздел называется «Человек». Обращает на себя внимание регулярность указания всех местоимений в форме *-ngge*, в одном ряду с падежными формами. Форма *-ngge*, традиционно называемая «притяжательной», в сочетании с формой родительного падежа указывает на принадлежность предмета субъекту действия, но употребляется как субстантиватор [1, р. 19]. В грамматиках маньчжурского языка она часто считается деривационной, однако составители словаря не выделяли ее специально из списка падежных форм, из чего можно заключить, что они рассматривали ее в системе словоизменения. Некоторые вопросительные местоимения, например, маньчж. *ai* 'что', помещены в раздел «Вопрос, ответ» (*wonjire jabure hacin*). Местоимения адвербиальные и глагольные, наличие которых отличает систему местоимений маньчжурского языка от европейской, представлены в разделе «Пустые слова».

Раздел «Звук и шум» содержит звукоподражательные слова. Одной из особенностей лексического состава маньчжурского языка является большое количество таких слов, что отмечается во всех грамматиках. Например, в грамматике И. Захарова выделяется 29 семантических подгрупп звукоподражаний [2, с. 315]. Однако в самостоятельную часть речи в маньчжурском (как и в близком ему монгольском языке)

их стали выделять совсем недавно [2, с. 218; 3, с. 336], до этого их рассматривали как междометия. Авторы словаря НАММ несомненно считали их отдельной частью речи. Раздел «Звук и шум» состоит из пяти подразделов, распределение слов по которым основывается на источнике звука или шума, а также его интенсивности: а) звуки от неживых предметов; б) звуки, исходящие от произвольных и непроизвольных действий, или выражение эмоций человека; в) негромкие шумы; г) громкие шумы; д) звуки (в основном голоса), издаваемые различными представителями животного мира. Всего более 200 звукоподражаний. Следует отметить, что в раздел не входят сочетания глагола со значением «говорить» со звукоподражаниями и глаголы, образованные от звукоподражательных основ, которые исследователи включают в более широкую группу «изобразительных слов», такие образования встречаются в других разделах. В то же время в раздел входят пять существительных, семь прилагательных и 28 глаголов, имеющие значения, связанные с основными — «звук» и «шум».

Название раздела «Пустые слова» отражает традиционную классификацию частей речи в маньчжурском и монгольском языках. Так, в грамматиках монгольского языка подобный раздел соответствует неизменяемым частям речи, которые остаются после отделения склоняемого (имени) и спрягаемого (глагола) [4; 5]. Маньчжурское слово *sula* имеет значения «пустой, свободный, рыхлый», каждое из которых по-своему может характеризовать слова, собранные в этом разделе. В словаре НАММ в этом разделе оказались собраны самые разнородные слова: междометия, парные слова, частицы, наречия, союзы, послелогии и даже суффиксы, всего примерно 180 единиц. Здесь уместно вспомнить высказывание еще одного монголоведа — Г.Д. Санжеева, о том, что «группа “Пустых слов” для некоторых авторов была как бы запасной корзинкой, куда складывалось все то, что не укладывалось в другие группы: имен предметных, качественных, числительных, местоимений и глаголов» [6, с. 46]. Как показывает словарь НАММ, такое решение проблемы частей речи отчасти имеет свои исторические корни.

В разделе «Пустые слова» 5 подразделов, и распределение слов по подразделам в этом случае не тематическое, а по порядку маньчжурского алфавита. Список наречий в словаре НАММ дополняет классификацию наречий в маньчжурских грамматиках. Также очень подробно представлены частицы, союзы и послелогии. Наряду с послелогиями в этот раздел вошли и три показателя падежей (винительного, дательного и исходного), что объясняется тем, что падежные аффиксы могли писаться отдельно от слова, поэтому, например, И. Захаров относил их одновременно и к суффиксам, и к послелогам [2, с. 310]. С точки зрения своих грамматических функций послелогии и падежи могут рассматриваться в одной группе. В этом разделе представлено всего несколько междометий, в основном те, которые могут выражать различные чувства (восторг, страх, сожаление, насмешку), и только два — оклики людей или животных. Соотнесение слов из раздела с той или иной частью речи не всегда было очевидным, и иногда понять логику составителей словаря помогало объяснение, сопровождающее каждое слово в словаре. Например, они очевидно выделяли в отдельную группу изобразительные слова, которые в современных грамматиках выделяются как отдельная часть речи. О них В.А. Аврорин пишет, что «в большинстве случаев это образы, воспринимаемые зрительно» [3, с. 221]. Именно с помощью маньчжурского слова *arbun* ‘образ’ объясняются пять слов из раздела «Пустые слова» (такие как, например, *dereng darang* ‘изображать из себя честного

и благородного человека'), и на этом основании можно считать, что составители словаря объединяли их в отдельную группу. С точки зрения способа образования это слово является парным — такой способ словообразования широко распространен в маньчжурском языке (для разных частей речи, особенно существительных), и в этом разделе есть и другие парные слова (например, *tugjuri magjari* 'пустяки, всякая всячина'). Еще одна группа слов — это служебные глаголы, но в разделе даются не сами глаголы, а разные причастные и деепричастные формы от трех глаголов: *sembi* 'говорить', *ombi* 'становиться' и *bimbi* 'быть', которые в маньчжурском языке сочетают употребление как значимого, так и служебного глагола. Формы, которые даются в словаре, полностью или частично утратили свое лексическое значение и употребляются, в частности, в аналитических глагольных формах (например, могут передавать значение уступительности или условия), участвовать в образовании наречий и образных слов. Некоторые из них перешли в разряд наречий, союзов или частиц.

Раздел «Счет» самый небольшой и строго организованный, так как система числительных в маньчжурском языке строгая. Числительные представлены, начиная с первого десятка (от одного до десяти), а из числительных второго десятка дается только *tofohon* 'пятнадцать', что вполне оправдано, потому что это единственное числительное, которое образуется не по стандартному правилу (десять плюс число из первого десятка). Также нестандартно образуются остальные десятки, и они даются в полном составе, а более крупные, начиная с тысячи — только по одному на каждый разряд, кончая ста миллионами. Еще более лаконично описаны порядковые числительные, фактически дается только слово *uji* 'первый', с объяснением, из которого следует, что остальные регулярно образуются от количественных с помощью суффикса *-ci*. В самом начале этого раздела, как это обычно делается в тематических разделах, стоит слово, входящее в заголовок раздела, т. е. *ton* 'счет, число', и сразу за ним — производные от него глаголы: *tolombi* 'считать', *tolobumbi* 'заставлять считать', а также вопросительные слова, производные от *udu* 'сколько?'.

Распределение слов по этим четырем разделам показывает, что на основе семантического принципа в отдельные разделы (и части речи) были выделены местоимения, относящиеся к человеку, звукоподражательные слова и числительные. Служебные части речи и наречия не могли быть классифицированы по этому принципу, и составители словаря разместили их по алфавиту в самостоятельном разделе.

Все остальные разделы в словаре построены чисто тематически, в каждый, а иногда в несколько собраны слова, объединенные определенной темой. Однако влияние грамматики на построение разделов очевидно: в первую очередь это касается зависимости первого и последующих слов раздела от его названия. Можно сказать, что здесь тематическая классификация лексики сочетается с классификацией по частям речи.

Выбор первого слова в каждом разделе обычно строго регламентирован, составители словаря придерживаются определенного правила: в подавляющем большинстве случаев первым в разделе будет стоять то же слово, которое употреблено в его названии раздела (всего разделов, которые имеют собственное название, около 150). Это может быть слово любой части речи: глагол, существительное или прилагательное. Обычно это слово «задает» и частиречную принадлежность остальных слов раздела, т. е. если в названии употреблен глагол, то и в разделе большинство

слов будут глаголы, близкие по тематике. Другие части речи (например, существительные в разделе с глаголами или наоборот) в них также могут встречаться, но как правило, они связаны отношениями деривации, например, в разделе, где основным словом является существительное, скорее будут приведены глаголы, образованные от данного и других тематически близких существительных. Однако это правило соблюдается далеко не всегда.

1. В названии употреблен глагол.

В этом случае глагол в названии будет стоять в форме будущего времени на *-ra* (IMPF. PART). Например, раздел «Варить и кипятить» (маньчж. *buyure fuifure hacin*), раздел «Охотиться», (маньчж. *buthašara hacin*) и многие другие. Первое слово раздела будет зависеть от того, производный это глагол или производный.

1.1. Если глагол непроизводный, то первым словом в разделе будет одна из его форм, обычно форма основы (IMP) или финитная форма настоящего времени на *-mbi* (IMPF. FINT). Остальные формы, включающие суффиксы каузатива, реципрока и некоторые деривационные, тоже будут стоять в форме на *-mbi*. Общее количество форм, приведенных для одного глагола, может варьироваться от двух до семи, что зависит от разных факторов, но во многом от семантики глагола. Первый глагол в разделе будет иметь больше форм, чем остальные, синонимичные или тематически близкие, внутри раздела. В табл. 1 приведены примеры двух первых глаголов из разделов «Передвигаться и кочевать» (маньчж. *gurire nuktere hacin*) и «Экзаменовывать и избирать» (маньчж. *simnere sonjoro hacin*).

Таблица 1. Порядок следования форм глагола

форма	gurire 'передвигаться'	simnere 'экзаменовывать'
IMP	guri	simne
-mbi (IMPF. FINT)	guri-mbi	simne-mbi
-bu-mbi (CAUS-IMPF. FINT)	guri-bu-mbi	simne-bu-mbi
-ne-mbi (DER-IMPF. FINT)	guri-ne-mbi	simne-ne-mbi
-nji-mbi (DER-IMPF. FINT)	guri-nji-mbi	simne-nji-mbi
-nje-mbi (DER-IMPF. FINT)	guri-nje-mbi	
-ndu-mbi (REC-IMPF. FINT)		simne-ndu-mbi

Возможно также включение в список отглагольного существительного со значением названия действия, как это сделано в следующих разделах: «Сидеть и стоять» (маньчж. *tere ilire hacin*), «Слушать и узнать» (маньчж. *donjire ulhire hacin*) (таблица 2).

Другие глаголы, которые упомянуты в разделе, как правило, не имеют такого разнообразия форм глагольной деривации, но у них кроме формы на *-mbi* могут быть приведены также формы прошедшего времени на *-habi/-hebi/-hobi/-kabi/-kebi* (PAST. FINT), причастия прошедшего времени на *-ha/-he/-ho* (PERF. PART), которое может употребляться как финитная форма (с предикативной частицей *bi* или без нее). Например, в разделе «Горе и траур» (маньчж. *jobolon sinagan-i hacin*) все глаголы с общим значением «умереть» приведены в форме прошедшего причастия: *ergen yadaha* 'дыхание ушло', *akū oho* 'не стало', *bederehe* 'умер (о знати)', *dubehe* 'скончался', *ufaraha* 'погиб', *bucehe* 'умер'. Очевидно, что выбор прошедшего времени в данном случае связан с тематикой раздела. Из всех возможных форм глагольной деривации,

Таблица 2. Порядок следования форм глагола (вариант с существительным)

форма	ilire 'стоять'	donjire 'слушать'
IMP	ili	donji
Существительное	ilin	donjin
-mbi (IMPF. FINT)	ili-mbi	donji-mbi
-bu-mbi (CAUS-IMPF. FINT)	ili-bu-mbi	donji-bu-mbi
-na-mbi (DER-IMPF. FINT)	ili-na-mbi	donji-na-mbi
-nji-mbi (DER-IMPF. FINT)	ili-nji-mbi	donji-nji-mbi
-ca-mbi (DER-IMPF. FINT)	ili-ca-mbi	
-nja-mbi (DER-IMPF. FINT)	ili-nja-mbi	
-ndu-mbi (REC-IMPF. FINT)		donji-ndu-mbi

которые могут быть заданы в начале раздела, у других глаголов внутри раздела (а иногда и у главного) явное предпочтение отдается каузативу (суффикс *-bu*). То, что этот суффикс в словаре представляется как каузативный, а не пассивный, видно по объяснению, которое сопровождает слова в словаре, а также по монгольскому переводу, в котором регулярно используется каузатив для перевода маньчжурских глаголов с суффиксом *-bu*. Например, в разделе «Шевелиться и двигаться» (маньчж. *acinggiyara aššara hacin*) у глагола «шевелиться» только две формы: *acinggiyambi* и *acinggiyabumbi*. Большое количество глаголов в разделе «Собирать и хранить» (*bargiayara asarara hacin*), в том числе и первый, тоже имеет только две формы: «собирать» *bargiayambi* — *bargiyabumbi*, «подбирать (с земли)» *tomsombi* — *tomsobumbi*, «подбирать с земли» *tunggiyembi* — *tunggiyebumbi*, «держат за пазухой», *hefeliyembi* — *hefeliyabumbi*, «держат в подоле» *dusihelembi* — *dusihelebumbi*, «хранить» *asarambi* — *asarabumbi*, «соединяться» *acamtjambi* — *acamtjabumbi* и другие.

1.2. Если глагол в названии производный, то первым будет стоять слово, от которого этот глагол образован, а потом уже его формы. Основные деривационные суффиксы, употребляемые в словаре, это *-la/-le/-lo*, посредством которых образуются глаголы от существительных с широким значением «использования предмета» [7, с. 104]. Например, *dobtolon* 'футляр' — *dobto-lo-mbi* 'хранить в футляре', *temgetu* 'знак' — *temgetu-le-mbi* 'ставить знак'. А также близкие к нему по значению: *-ra/-re/-ro* и *-da/-de/-do*.

1.2.1. Если глагол образован от существительного, то первым в разделе стоит это существительное, а за ним сначала даются образованные от него прилагательные или форма множественного числа, и только потом будет стоять сам образованный от него глагол. Например, в разделах «Плакать и отчаиваться» (маньчж. *songgoro usara hacin*), «Стараться и прилагать усилия» (маньчж. *kicere faššara hacin*) (таблица 3).

Таблица 3. Порядок следования форм производного глагола

usara 'прилагать усилия'	kicere 'стараться'
usacun	kicen
usacuka	kice-mbi
usa-mbi	kice-bu-mbi
usa-bu-mbi	kice-ndu-mbi
usa-ndu-mbi	

1.2.3. Если глагол образован от прилагательного, то это прилагательное будет первым словом в разделе; за ним, как правило, стоит его уменьшительная форма на *-kan* и только потом глагол. Например, в разделе «Спешить и торопиться» (маньчж. *hūdulara ekšere hacin*): *hūdun* ‘быстро’, *hūdu-kan* ‘быстренько’, *hūdu-la-mbi* ‘спешить’. Раздел «Задержаться и медлить» (маньчж. *elhešere tookabure hacin*): *elhe* ‘медленный’, *elhešembī* ‘медлить’, *elhešebumbi* ‘заставлять медлить’.

2. В названии употреблено существительное.

Если в названии раздела употреблено существительное, тогда, естественно, раздел начинается с него. Дальнейшие слова могут быть самыми разными: другие существительные с близкими значениями или производные от него (или от других существительных) глаголы. Например, в разделе «Шелк и полотно» (маньчж. *ije boso-i hacin*) приведены другие существительные, тематически близкие: *suje* ‘шелк’, *mansui* ‘шелк (с узорами с драконами)’, *bolin* ‘шелк (с узорами кругами)’, *doyonggo* ‘шелк (с мелкими узорами)’, *boso* ‘ткань (хлопчатобумажная)’, *mosin* ‘ткань оранжевого цвета’, *samsu* ‘ткань светло голубого цвета’, *silan* ‘тонкая бумажная ткань’. Напротив, в разделе «Виды обсуждения» (маньчж. *gisun leolen-i hacin*) даются производные глаголы: *leolen* шүүмжлэл ‘обсуждение’, *leole-mbi* ‘обсуждать’, *leole-bu-mbi* ‘заставить обсуждать’, *leole-ndu-mbi* ‘обсуждать совместно’.

3. В названии употреблено прилагательное.

В случае, если в названии раздела стоит прилагательное, первое слово в разделе будет прилагательное, которое сопровождается разными формами (например, уменьшительной формой или формой уподобления). Например, в разделе «Мягкий и твердый» (маньчж. *uhuken mangga-i hacin*): *uhuken* ‘мягкий’, *uhukeliyen* ‘подобный мягкому’, *mangga* ‘твердый’, *manggahan* ‘немного твердый’, *mangga tangga* ‘очень твердый’.

Подводя итог, можно сказать, что хотя словарь НАММ является толковым, где каждое слово имеет толкование, его составители в большой степени учитывали и сведения из грамматики маньчжурского языка, в частности, кроме значения слова для них принципиальным было соотнесение слов с определенной частью речи, что являлось очень важным фактором для построения словарных статей.

Литература

1. Gorelova L. M. Manchu Grammar // Handbook of Oriental Studies. Leiden; Boston; Köln: Brill Press, 2002. Vol. 7. 600 p.
2. Захаров И. Грамматика маньчжурского языка. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1879. 325 с.
3. Аврорин В. А. Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб.: Наука, 2000. 237 с.
4. Понпе Н. Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.; Л.: Академия наук СССР, 1937.
5. Понпе Н. Н. О частях речи в монгольском языке // Советское востоковедение. М.: Издательство Академии наук СССР, 1940. Вып. 1. С. 147–173.
6. Санжеев Г. Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л.: Академия наук СССР, 1941. 188 с.
7. Суник О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.; Л.: Академия наук СССР, 1962. 363 с.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2014 г.

Контактная информация

Энхбат Мунхцэцэг — аспирант; ilha_0011@mail.ru

Enkhbat Munkhtsetseg — post graduate student; ilha_0011@mail.ru

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 811.411.21

Д. Х. Гаджиева

**«АШ-ШАФИЙА ФИ-Т-ТАСРИФ» ИБН АЛ-ХАДЖИБА
С ИЕРАРХИЕЙ КОММЕНТАРИЕВ В ДАГЕСТАНЕ¹**

Дагестанский государственный университет,
Российская Федерация, Республика Дагестан, 367000, Махачкала, ул. Гаджиева, 43А

В настоящей статье впервые сделана попытка подробного освещения состава и структуры одного из самых востребованных в Дагестане сочинений по грамматике известного египетского ученого Ибн ал-Хаджиба (ум. в 646/1249), которое получило распространение благодаря группировавшимся вокруг него комментариям и субкомментариям. «Аш-Шафийа фи-т-тасриф» по задумке автора была логическим продолжением трактата по синтаксису «ал-Кафийа фи-н-нахв» и объединила два сочинения, посвященные соответственно морфологии (*tasrīf*) и орфографии (*khatt*). Библиогр. 35 назв.

Ключевые слова: Арабские рукописи, филология, Дагестан.

**“ASH-SHAFIYA FI-T-TASRIF” BY IBN AL-HADJIB WITH
HIERARCHIC SYSTEM OF THE COMMENTARIES IN DAGHESTAN**

D. H. Hadjiev[†]

Daghestan State University, 43A, ul. Gadzhiev, Makhachkala, 367000, Russian Federation

Arabic philology in the Daghestan manuscript collections is represented by the largest number of works, which are mainly composed in the genre of commentaries and subcommentaries. Wherein the composition and the structure of the works in the bibliographic literature are defined superficially. In the present article an attempt is made for the first time to elucidate in details the composition and the structure of one of the most sought works on grammar in Daghestan by a famous Egyptian scholar — Ibn al-Hadzhib. *Ash-Shafiya fi-t-tasrif* by Ibn al-Hadzhib (in 646/1249) is one of the earliest Arabic grammar writings according to the time of correspondence that are stored in the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Scientific Centre in the Russian Academy of Science. According to the author, it was a logical continuation of his treatise on the “syntax” and it unites under its name two works that are devoted, respectively, to “morphology” (*tasrīf*) and to “orthography” (spelling) (*khatt*). Refs 35.

Keywords: Arabic manuscripts, Philology, Daghestan.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований: «Арабские рукописи в Дагестане: опыт идентификации», проект № 13-04-00341а.

Известно, что в рукописных коллекциях Дагестана арабская филология представлена наибольшим количеством сочинений [1, s. 90], составленных в основном в жанре комментариев и субкомментариев и касающихся прежде всего морфологии и синтаксиса. При таком однообразии жанров и тем идентификация рукописей вызывает определенные затруднения. Заметно облегчают работу исследователя фоновые знания по составу рукописного наследия в данном регионе. Он, в основном, определен благодаря работам дагестанских востоковедов, в том числе и по интересующей нас тематике [2; 3, p. 132–212]. Не менее важно для исследователя знакомство с составом и структурой сочинений, а они, как правило, в биобиблиографической литературе определены поверхностно. В настоящей статье впервые делается попытка подробного освещения состава и структуры одного из самых востребованных в Дагестане сочинений по грамматике известного египетского ученого — Ибн ал-Хаджиба [4, S. 303; 5, S. 535].

«Аш-Шафийа фи-т-тасриф» Ибн ал-Хаджиба (ум. в 646/1249), также как и его «ал-Кафийа фи-н-нахв» [4, S. 303], одно из самых ранних по времени переписки арабских грамматических сочинений, хранящихся в Институте ИАЭ ДНЦ РАН. По задумке автора оно было логическим продолжением его трактата по синтаксису [2, с. 130–134] и объединило под своим названием два сочинения, посвященные, соответственно, морфологии (*tasrif*) и орфографии (*khatt*). Сочинение по морфологии состоит из вводной части и 20 разделов, а «введение в орфографию» не имеет структурного членения и замыкает собой блок учебных трактатов Ибн ал-Хаджиба в жанре «резюме (*matn*)», освещающих вопросы грамматики арабского языка в полном объеме.

Вводную часть своего сочинения автор начинает с определения понятия *tasriif*. Затем, бегло упомянув о том, что по количеству корневых имена делятся на трех-, четырех- и пятибуквенные, а глаголы на трех- и четырехбуквенные, довольно подробно излагает способы условных обозначений корневых и добавочных букв в типовых формах на примере слов с редко встречающимися моделями. Сообщив далее, что по качеству корневых они делятся также на правильные (*sahiih*) и слабые (*mu'tall*), и перечислив пять разновидностей слабых (подобноправильные, пустые, недостаточные, вдвойне неправильные: соединенные и разъединенные), Ибн ал-Хаджиб переходит к рассмотрению типовых форм имен. У первообразных трехбуквенных оно сводится в основном к сообщению их количественных показателей и случаев вариативности моделей некоторых слов, а у четырех- и пятибуквенных — также и к демонстрации морфологических структур на конкретных лексических примерах. У «наращенных» же автор сообщает только формы, образованные от пятибуквенных, также на примере конкретных лексических единиц. Уточнять же количественные показатели форм, производных от трехбуквенных, он не считает нужным, видимо, в силу их очевидности.

Покончив, таким образом, с именами, автор переходит к рассмотрению причин возникновения разнообразия в морфологических структурах, каковых он выделяет четыре: «необходимость (*khaajah*)», «обогащенность (*tavassu'*)», «созвучие (*mujaanasah*)» и «отягощенность (*istithqaal*)». Далее он перечисляет типовые формы, возникшие по той или иной из вышеназванных причин, а фактически, перечисляет основные разделы, на которые распадается его книга. Итак, по первой причине («необходимость») возникло разнообразие типовых форм глагола: перфекта,

имперфекта и императива, имен действующего и подлежащего, уподобленных прилагательных, элатива, масдара, имен места и времени действия, имен орудия, имен уменьшительных, имен относительных, имен во множественном числе, а также форм, образующихся при встрече двух «покоящихся» букв, при двусогласном начале и в паузе. По второй причине («обогащенность») возникли типовые формы с *«alif al-maqsuura»* и *«alif al-mamduuda»*, а также добавочные буквы. Третья причина разнообразия типовых форм — явление *«imaalah»*, а четвертая — «облегчение» *хамзы*, звуковые переходы, транспозиция корневых, ассимиляция и опущение (эллипс).

Далее автор переходит к рассмотрению первого раздела своего трактата — «перфекта глагола». Вначале он упоминает три формы первообразного трехбуквенного глагола, отличающиеся гласной среднего корневого. В отношении производных трехбуквенных форм он ограничивается упоминанием их числа. Затем он упоминает глаголы, примыкающие к первообразным и двум производным четырехбуквенным глаголам и не примыкающие к ним. Завершается раздел подробной характеристикой грамматико-семантических свойств типизированных рядов глагола. Второй раздел — «имперфект глагола» посвящен в основном вопросам морфологического оформления. Разделы, затрагивающие императив глагола, имена действующего, подлежащего и элатив, которые, по мнению автора, также относятся к «морфологии» (*tasriif*), в этом трактате не рассматриваются вообще, поскольку они уже были рассмотрены им в «ал-Кафийа фи-н-нахв».

В третьем разделе, посвященном «уподобленным прилагательным», упоминаются типовые формы без обобщенной семантики в соотношении с их производящими основами и типовые формы, характерные для определенных лексико-семантических групп (прилагательных, обозначающих физическое или психическое состояние человека и внешние признаки и качества).

В четвертом разделе, посвященном «масдару», вначале упоминается множество типовых форм в виде конкретных лексических единиц, образованных от первообразного трехбуквенного глагола, а затем характеризуется связь этих форм с определенными грамматико-семантическими свойствами глаголов. Информация о *масдарах* производных пород и четырехбуквенных глаголов исчерпывается упоминанием правила аналогии и несколькими примерами. Затем сообщаются модели, обладающие грамматико-семантическим свойством усиленности, некоторые редкие модели *масдаров*, образованные по аналогии, и модели, представляющие собой исключения.

Пятый раздел, касающийся «имен места и времени действия», посвящен вопросам морфологического оформления моделей в зависимости от производящих основ.

В шестом разделе, посвященном «именам орудия», приводятся традиционные три модели и несколько подтверждающих их примеров, а также пример модели в виде лексической единицы, образованной не по аналогии.

Седьмой раздел, посвященный «именам уменьшительным», начинается с описания способа морфологического оформления этого лексико-грамматического ряда слов, образованных от целых трех-, четырех- и пятибуквенных корней. Далее автор приводит формы слов с измененными слабыми корневыми, которые при образовании форм имен уменьшительных восстанавливают свою слабую корневую, затем — формы слов с измененными слабыми корневыми, которые при образовании имен уменьшительных не восстанавливают свои слабые корневые. За ними следуют формы слов с долгими гласными, которые при образовании форм имен уменьши-

тельных приобретают добавочную слабую. После них — двухбуквенные формы слов с опущенными слабыми первыми корневыми или *хамзой*, которые при образовании форм имен уменьшительных восстанавливают эту первую корневую, затем — формы слов, имеющих в своем корне только две согласные, которые при образовании форм имен уменьшительных приобретают добавочные буквы, как слабые, так и целые. Потом формы слов с третьими, но не последними нецелыми буквами, независимо от того, корневые они или добавочные, которые при образовании форм имен уменьшительных ассимилируются «*uā*» уменьшительной. Вслед за ними автор перечисляет формы имен уменьшительных, образованных от трехбуквенных имен женского рода без показателя женского рода «*tā' marbuuta*», которые, как правило, приобретают его при «уменьшении», отсутствует же показатель женского рода в таких формах только в случаях исключения. Затем перечисляет формы имен женского рода с четырьмя корневыми и без упомянутого показателя, которые, как правило, при образовании форм имен уменьшительных его также не приобретают, а появляется он только в случаях, рассматриваемых как исключение и т. д. Покончив с формами имен уменьшительных, образованных от имен женского рода, автор переходит к разъяснению морфологического оформления имен уменьшительных, образованных от форм имен с двумя «добавочными» буквами, затем с тремя «добавочными». Затем перечисляет формы имен уменьшительных, образованные от форм имен, находящихся во множественном числе. Затем пишет, что некоторые слова в арабском языке исходно имеют форму, схожую с формой имени уменьшительного. Затем сообщает формы имен уменьшительных, образованные от имен указательных и относительных, и предупреждает, что от частиц имени уменьшительные не образуются. На этом информация об именах уменьшительных завершается.

В восьмом разделе, посвященном «именам относительным», автор прежде всего приводит определение этой лексико-семантической группы, а затем сообщает способы морфологического оформления форм имен относительных, образованных от слов с разными типовыми формами, находящихся в единственном числе, потом от разных форм множественного числа. В конце раздела он упоминает формы, образованные не по правилам образования имен относительных, но совпадающие с именами относительными по своей производящей основе и по своей семантике.

Следующий раздел своего трактата — девятый — Ибн ал-Хаджиб посвящает формам множественного числа. Вначале он рассматривает ломаные формы множественного числа, образованные от простых трехбуквенных основ, находящихся в единственном числе мужского рода. Затем сообщает формы множественного числа, образованные от простых трехбуквенных основ, находящихся в единственном числе женского рода. Затем переходит к рассмотрению ломаных форм множественного числа, образованных от прилагательных мужского рода, затем сообщает, что все они (существительные и прилагательные) образуют правильные формы множественного числа от одушевленных лиц мужского рода, а их (одушевленных лиц) женский род образуется с помощью суффикса «*-āt*» за малым исключением. После этого автор переходит к рассмотрению ломаных форм множественного числа, образованных от имен мужского рода с расширенными основами, от прилагательных мужского рода с расширенными основами, от прилагательных женского рода с расширенными основами и далее в таком же духе. В конце раздела он упоминает формы множественного числа, образованные от расширенных четырехбуквенных основ.

Далее Ибн ал-Хаджиб переходит к рассмотрению фонетических изменений, способствующих изменению морфологических структур слов. Начинает он со «встречи двух “покоящихся” букв», которая, по его мнению, допустима только в двух случаях: всегда в паузальной форме и в случае ассимиляции согласной, если перед ней стоит слабая буква. На втором случае он останавливается подробнее и разъясняет его через примеры. Затем приводит пример исключения (*shazz*) из этого правила. Далее он сообщает, что во всех остальных случаях, а именно: когда первая согласная, представленная слабой буквой, используется для долготы, а вторая не сливается с последующей и стечение двух безгласных букв недопустимо, она (=первая согласная) опускается. Если же она не используется для долготы, то огласовывается.

В разделе «двусогласное начало слова» автор подчеркивает, что первая корневая согласная, как правило, огласовывается. Если же она безгласная, то к ней присоединяется соединительная хамза, огласованная одной из трех кратких гласных, которая, в конечном счете, переходит в *alif*. Вдобавок, он сообщает, что первая корневая согласная в местоимениях третьего лица единственного числа мужского и женского родов *huva* и *hiya* также становится «покоящейся», когда к ним присоединяются союзы *va-* и *fa-*, предлог *li-*, а также вопросительная частица *ʾa*. После союзов *va-* и *thumma* «покоящейся» становится и модально-волевая частица *li-*.

В разделе «паузальная форма» автор приводит краткое определение «паузы», а затем перечисляет способы ее оформления: опущение краткого гласного в конце слова (*iskān*); редукция конечной гласной (*ravm*); произнесение звуков «u» и «i» с сильной лабиализацией (*ishmaam*); замена *тенвина* на *alif* в позиции *насб*; замена показателя женского рода *tā' marbuuta* на *ah* и другие, всего — 11 способов.

Раздел «*alif al-maqsuurah* и *alif al-mamduudah*» он начинает с определения этих двух аффиксов, а затем приводит нормативные модели типовых форм с последней слабой корневой, где они встречаются (*alif al-maqsuurah* — в именах поддействительного, за исключением модели первообразного глагола; в именах места и времени действия, в масдарах с типовой формой, подобной именам места и времени действия; в масдарах моделей [af'al], [fa'laan], [fa'al]; в моделях множественного числа [fu'lah] и [fi'lah]. *alif al-mamduudah* — в моделях [if'aal], [fu'aal], [ifti'aal] и [if'inlaal]; в моделях имен звуков [fu'aal], в моделях единственного числа от [af'ilah] — [fi'aal] и [fa'aal]), и модели, введенные употреблением, для которых характерны эти окончания.

В разделе «Наращенные» типовые формы» автор с помощью мнемонических фраз упоминает буквы, которые могут употребляться как добавочные. Далее он сообщает, что они встречаются при возможности этимологического разложения слова, в словах с морфологической структурой, не соответствующей существующим арабским образцам, и в типизированных словообразовательных моделях. Разъяснение первого случая Ибн ал-Хаджиб начинает с перечисления слов с четырех- и пятибуквенными основами, которые очевидно восходят к трехбуквенным корням. Когда он доходит до слов, корневая основа у которых не очевидна, то подбирает для них типовую форму и проверочное слово в подтверждение правильно определенных корневых и добавочных букв. Затем переходит к словам, производящая основа которых двоякая, но в обоих случаях правомерная. Наконец, он демонстрирует лексические единицы, производящая основа которых может быть только предположительной. В словообразовательных моделях, не соответствующих существующим образцам, автор предлагает определять добавочные буквы через морфологическое

переразложение корневой основы и через морфологическую ассимиляцию словообразовательной модели. А в типизированных словообразовательных моделях автор вначале сообщает, что в трех-, четырех- и пятибуквенных основах при удвоении и редупликации добавочной может считаться любая буква алфавита. А далее излагает условия, при которых в трех-, четырех- и пятибуквенных основах выявляется одна из заявленных добавочных букв, затем две и т. д. Объяснение ограничивается в основном тщательно подобранным иллюстративным материалом.

В разделе «*imāla*» автор вначале дает определение этого явления, сообщает причину его возникновения и перечисляет условия, при которых оно возникает (при огласовании *кясрой* буквы, расположенной перед буквой *alif* или после нее; при расположении буквы *ya'* перед буквой *alif*; при переходе в *alif* средней корневой, огласованной *кясрой*; при переходе в *alif* слабых букв *ya'* и *vān*; при преобразовании буквы *alif* в букву *ya'*, огласованную *фатхой*; при слогоразделе и при *imāla* предыдущей буквы). Затем переходит к разъяснению этих условий в основном через примеры. После этого переходит к разъяснению факторов, препятствующих ее появлению (наличие перед или после буквы *alif* семи «приподнятых» букв или буквы *rā'*).

Раздел «облегчение *хамзы*» Ибн ал-Хаджиб начинает с упоминания того, что оно бывает троякого рода, т. е. либо *хамза* заменяется на другой звук (*ibdāl*), либо опускается (*hadhf*), либо произносится как звук, средний между ней и буквой, соответствующей ее огласовке (*bauna bauna*). Затем сообщает основное условие, при котором осуществляется тот или иной способ «облегчения» *хамзы*. Далее переходит к разбору способов «облегчения» *хамзы* (*Ibdaal* — безгласная *хамза* заменяется на букву, соответствующую огласовке предыдущей согласной; огласованная *хамза* при безгласии предыдущей согласной, представленной добавочными слабыми буквами *vān* и *ya'*, переходит в них и ассимилируется ими. *Bauna bauna* — огласованная *хамза* при безгласии предыдущей, представленной добавочной буквой *alif*, произносится как звук, средний между ней и ее огласовкой. *Hadhf* — огласованная *хамза* при безгласии предыдущей, представленной целой буквой или корневой слабой буквой, передает свою огласовку предыдущей согласной и опускается). После этого автор рассматривает случаи «облегчения» конечной *хамзы* в паузальной форме и способов ее оформления (*iskaan*, *ravt* или *ishmaam*). Затем — случаи, где «облегчение» *хамзы* и ее сохранение одинаково правомерны. Завершает Ибн ал-Хаджиб раздел разбором случаев «облегчения» *хамзы*, когда предыдущая согласная также представлена *хамзой*.

В разделе «звуковых переходов» автор прежде всего приводит определение понятия «*i'laal*» — изменение слабой буквы для «облегчения», которое осуществляется через транспозицию корневых, опущение (эллипс) слабых букв и безгласие. Далее Ибн ал-Хаджиб выделяет буквы (*vān*, *ya'* и *alif*), которые могут заменять друг друга в определенных позициях. Затем он указывает, что первые две из них (*vān* и *ya'*) могут выступать в качестве первой, второй, и третьей корневых по отдельности и в сочетании друг с другом. Далее он характеризует сходство и отличие этих букв в употреблении. После этого автор переходит к рассмотрению случаев перехода буквы *vān* в позиции первой корневой. Поскольку случаев перехода буквы *ya'* в позиции первой корневой не бывает, то он естественно их не рассматривает. Затем автор обращается к случаям взаимного перехода обеих этих букв в позиции второй корневой, а также

перехода их в *alif* и опущения. Завершает он этот раздел рассмотрением случаев взаимного перехода обеих букв и их перехода в *alif* в позиции третьих корневых.

В разделе «субституция» Ибн ал-Хаджиб прежде всего приводит определение понятия *ibdaal*. Затем сообщает, что это явление обнаруживается: в производных словах; в некоторых редко используемых формах, существующих наряду с часто используемыми; в словоформам, в которых заменяется добавочная буква; в словоформам, в которых заменяется корневая буква; при образовании форм, «неизвестных» для арабского языка. Далее с помощью мнемонических фраз сообщает буквы, заменяющие друг друга. Затем рассматривает каждый случай замены букв по отдельности, а также причины, условия и способы их замены в основном через иллюстративный материал.

Раздел «ассимиляция» автор начинает с определения явления, затем сообщает, что оно имеет место в двух одинаковых буквах или в буквах одной артикуляционной зоны (*al-mutaqāribāni*). Затем он переходит к подробному изложению необходимой (*vājib*), дозволенной (*jā'iz*) и не допускаемой (*mumtani'*) ассимиляции двух одинаковых букв. Далее — к согласным одной артикуляционной зоны: начинает с определения понятия, затем переходит к их перечислению (всего 16) и перечислению согласных, относящихся к этим артикуляционным зонам. Ввиду очевидности мест образования вариативных звуков (*furu'*), автор ограничивается упоминанием восьми одобряемых. Увлечшись характеристикой согласных, Ибн ал-Хаджиб сообщает, что согласные бывают звонкими и глухими, смычными, щелевыми и полусмычными, закрытыми и открытыми, приподнятыми и опущенными, плавными и немymi, взрывными, свистящими, слабыми, латеральными, дрожащими, воздушными и т. д. Затем он подробно освещает каждый вид: определяет его и перечисляет согласные, входящие в этот вид, иногда с помощью мнемонических фраз. Наконец, он возвращается к основной теме своего раздела — ассимиляции согласных одной или близких артикуляционных зон.

Завершает Ибн ал-Хаджиб свое сочинение упражнениями для закрепления пройденного материала.

А «введение в орфографию» автор посвящает объяснению правил правописания.

Таково содержание «аш-Шафийа фи-т-тасриф» Ибн ал-Хаджиба.

В Фонде восточных рукописей Института ИАЭ ДНЦ РАН в настоящее время обнаружено лишь девять списков этого сочинения. Наиболее ранний из них переписан в 741/1340 г., но некоторые особенности кодикологического характера свидетельствуют о его «иностранным» происхождении и о более позднем времени его появления в Дагестане [11]. Самая же ранняя копия «аш-Шафийа фи-т-тасриф», созданная переписчиком дагестанского происхождения, датируется 922/1516 г. (инв. № 14). Остальные экземпляры местного происхождения приходятся на XVIII в. — инв. № 1238 (946-154а), 1425 (806-1146), 1882 (396-756), 2103 (1046-1896), 2768 (716-1126) и XIX в. — инв. № 576 (1а-81а), 2838 (39а-826).

Однако, как и любое сочинение-резюме (*matn*), «аш-Шафийа фи-т-тасриф» получил распространение благодаря группировавшимся вокруг него комментариям и субкомментариям. Согласно сведениям, почерпнутым из материалов Фонда восточных рукописей Института ИАЭ ДНЦ РАН, Каталога арабских рукописей (Коллекция М.-С. Саидова) [12], Каталога арабских рукописей НБ ДГУ [13] и Каталога

арабских рукописей Института рукописей им. К.С.Кекелидзе [14], его популярности в Дагестане способствовали комментарии (*sharh*) таких авторов, как Радиаддин ал-Астарабади (ум. 684/1285 г.), Рукнаддин ал-Астарабади (ум. 713/1313 г.), Ахмад б. ал-Хасан ал-Чарпарди (ум. 746/1345 г.), Абдаллах б. Мухаммад ал-Хусайни Нукрахкар (ум. 776/1374 г.), Ахмад б. Мухаммад б. Аби Бакр б. Мухаммад (XV в.) и Закарийя ал-Ансари (ум. 926/1520 г.) [15, s. 305; 16, s. 536; 5, s. 21; 17, s. 1020–1022].

Известно, что первый из вышеупомянутых авторов, Мухаммад б. ал-Хасан ал-Астарабади (ар-Ради), родился на севере Ирана в Астарабаде, ориентировочно в 624/1227 г., что следы его пребывания прослеживаются в Хорезме, Багдаде и Неджефе, что ас-Сайид аш-Шариф ал-Джурджани [4, s. 216; 5, s. 305] назвал его «звездой имамов» и, наконец, что в средневековых научных кругах его позиционировали как выдающего комментатора обоих сочинений Ибн ал-Хаджиба [1, s. 9–18].

Несколько больше и конкретнее информация о втором авторе, Рукнаддине ал-Астарабади. Родился он в 645/1247–48 г. (по другим сведениям в 635/1237–38 г.) и первоначальное образование получил в своем родном городе. В 667/1268–69 г. для продолжения учебы отправился в Марагу, где ему посчастливилось встретиться с Насираддином ат-Туси и стать его лучшим учеником. В 672/1273–74 г. вместе со своим великим учителем он прибыл в Багдад, а после его смерти переехал в Мосул, намереваясь там продолжить свои занятия по шафиитскому мазхабу. Дальнейшая его жизнь была связана уже с этим городом, где он занимался преподавательской деятельностью в медресе ан-Нурийя и написал большую часть своих сочинений. Известно, что он обладал энциклопедическими знаниями и оставил после себя многочисленные труды в области синтаксиса, морфологии, лексики, адаба, фикха, а также логики, медицины и других областях науки того времени. Также как и Радиаддин, ал-Астарабади написал комментарии на оба знаменитых трактата Ибн ал-Хаджиба. Умер он в 715/1315–16 г., а по другим сведениям — в 718/1318–19 г. [18].

Третий автор, Ахмад б. ал-Хасан (ал-Хусайн) ал-Чарпарди, родом из Тебриза, был учеником Насираддина ал-Байдави (ум. 685/1286 г.) [15, s. 418; 16, s. 742; 17, s. 1373, 1546], занимался законоведением, экзегетикой Корана и филологией, также комментировал оба сочинения Ибн ал-Хаджиба, но в Дагестане, равно как и во многих других областях мусульманского мира, распространение в основном получил его «Шарх аш-шафийа фи-т-тасриф» [19].

Четвертый автор, Абдаллах б. Мухаммад б. Ахмад ал-Хусайни ан-Нисабури ал-Ханафи Нукрахкар, известен также в персидских источниках как Джамаладдин Шариф Абдулла б. Мухаммад Хусайни, в конечном счете, как Шариф Нишапури Накрахкар, арабоязычный ученый иранского происхождения, суфий, знаток мусульманского права, филолог, поэт. Родился в Нишапуре в 706/1306–07 г., учился в Алеппо, в медресе «Асадийа», изучал там фикх шафиитского толка. Затем в медресе с таким же названием («Асадийа»), только расположенном в местечке аш-Шараф ал-Кабали близ Дамаска, изучал фикх ханафитского толка. Продолжил он свою учебу в Каире, где и прожил до конца своих дней. Умер в 776/1374–75 г. В библиографической литературе упоминаются семь комментариев, вышедших из-под его пера. Среди них — «Шарх аш-Шафийа» [20].

О пятом авторе, который известен как Ахмад б. Мухаммад б. Аби Бакр б. Мухаммад, практически ничего неизвестно. Это самая загадочная фигура среди комментаторов «аш-Шафийа фи-т-тасриф». Правда, кое-какие сведения о себе, точнее,

дату составления своего комментария (813/1411 г.), он сообщил во введении «ал-Вафийа фи шарх аш-Шафийа». Кроме того, из читательской записи в одном из рукописных списков его комментария («Ахмад б. Мухаммад б. Аби Бакр, б. Мухаммад б. Мухаммад ал-Карзавани по месту жительства и аш-Ширази по рождению») можно сделать вывод о том, что он также арабоязычный автор иранского происхождения.

Что касается шестого автора, то известно, что Закарийа ал-Ансари родился в городке Сунайка в одной из восточных провинций Египта. В возрасте 14 лет переехал в Каир и поступил в ал-Азхар, где изучал филологию, экзегетику Корана, рецитацию Корана, хадисы, фикх, логику, геометрию, алгебру, астрономию, медицину и другие науки. Известно также, что в юные годы материальное положение его было довольно стесненное, но ему посчастливилось встретить мецената, мельника по профессии, который взял на себя заботу о нем во время учебы. Впоследствии, став богатым и собрав одну из самых ценных библиотек своего времени, ал-Ансари передал большое количество книг бедным и нуждающимся.

Благодаря своим знаниям и высоким нравственным качествам он приобрел популярность и вес в обществе. У него появилось множество учеников и последователей. Сильные мира сего тоже не обошли его своим вниманием. Во время правления султана Кайтбея ему предложено было занять кресло Верховного кадия, с которого, однако, он был смещен ввиду своей принципиальной позиции в судебных делах.

Он оставил после себя многочисленные труды в различных областях знаний. Скончался в Каире, достигнув почти столетнего возраста, и был погребен, как утверждают, рядом с могилой имама аш-Шафи'и [21].

Таковы биографические сведения об авторах комментариев, обнаруженных нами в хранилищах Дагестана.

Разумеется, комментарии (*sharh*) не всех перечисленных авторов были одинаково востребованы. Наибольшей популярностью пользовался комментарий Ахмада б. Мухаммада б. Аби Бакра, известный как «ал-Вафийа фи шарх аш-Шафийа». В Рукописном фонде Института ИАЭ ДНЦ РАН хранятся 54 копии этого сочинения, в Коллекции М.-С. Д. Саидова — один экземпляр, в Отделе старой книги НБ ДГУ — 19 экземпляров, в Каталоге арабских рукописей Института рукописей им. К. С. Кекелидзе зафиксированы пять списков дагестанского происхождения; всего 79 единиц. Второе место по частотности занимает комментарий Ахмада б. ал-Хусайна ал-Чарпарди: в Рукописном фонде на сегодняшний день обнаружено 18 экземпляров этого сочинения, в Отделе старой книги — три [13, с. 134–135], в Институте рукописей им. К. С. Кекелидзе — один список дагестанского происхождения [14, № 489]; всего 22 копии. Что касается четырех оставшихся авторов, то единичные экземпляры комментариев Радиаддина ал-Астарабади [22], Рукнаддина ал-Астарабади [23] и Закарийи ал-Ансари [24] хранятся в Фонде восточных рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН, а в коллекции М.-С. Д. Саидова — список комментария Нукрахкара [12, № 74]. Вдобавок к этому, в Фонде восточных рукописей хранится фрагмент комментария анонимного автора на аш-Шафийа фи-т-тасриф» Ибн ал-Хаджиба — инв. № 982 (143а-153а), а также фрагмент субкомментария анонимного автора на «Шарх аш-Шафийа» ал-Чарпарди — инв. № 2059 (87а-102б).

Следует заметить, что популярность комментария определяют не только количественные показатели, но и «полемика», развернувшаяся вокруг него, и упоминания современников, и другие факторы. В исследуемых хранилищах нами не обнару-

жено ни одного субкомментария на «Вафийу» Ахмада б. Мухаммада б. Аби Бакра. Более того, даже в «Кашф аз-зунун» Хаджжи Халифы комментарий этого автора не упоминается. Не упоминается он и в «Истории арабской литературы» К. Брокельмана. «Ал-Вафийа фи шарх аш-Шафийа» упоминается лишь в образовательной программе медресе, изложенной Абдуллой Омаровым [25]. Упоминается также субкомментарий на него Хасана ал-Кудали [26; 27, с. 65].

В отличие от Ахмада б. Мухаммада б. Аби Бакра Ахмад ал-Чарпарди со всеми своими субкомментаторами упомянут в биобиблиографическом труде Хаджжи Халифы: «...Наибольшее хождение имел комментарий достойного ученого Ахмада б. ал-Хасана Фахраддина ал-Чарпарди, скончавшегося в 746/1345–46 году. Начало его [комментария]... Составил ‘Издаддин Мухаммад б. Ахмад, скончавшийся в 816/1413–14 году и известный как Ибн Джама‘а, субкомментарий на “Шарх ал-Чарпарди”, начало его ..., и еще один субкомментарий [составил он же], начало его ... и т. д. Назвал он его (=второй субкомментарий на “аш-Шафийу”): “ад-Дурар ал-кафийа фи халл шарх аш-Шафийа”. Упоминается в нем, что он обнаружил автограф комментатора (=ал-Чарпарди), в котором имелись глоссы на полях. И он подробно осветил в них то, что было кратко изложено, и со всей тщательностью растолковал то, что было малопонятно. [Затем] взял их самих (глоссы), добавил наставления там, где было необходимо, редактировал, разъяснял и подтверждал...» [17, s. 1021]. Хаджжи Халифа упоминает и другие имеющиеся субкомментарии на «Шарх аш-Шафийа фи-т-тасриф» ал-Чарпарди: субкомментарий Бадраддина Махмуда б. Ахмада ал-‘Айни (ум. 855/1451 г.) и субкомментарий ас-Суйути «ат-Тираз ал-лазурди». Субкомментарии же на другие многочисленные комментарии «аш-Шафийи» не упоминаются и у Хаджжи Халифы.

Упоминается Ахмад б. ал-Хусайн ал-Чарпарди и его «Шарх аш-Шафийа» также и в «Истории арабской литературы» К. Брокельмана, со всеми субкомментариями [15, s. 305; 16, s. 536]. Субкомментарии к другим комментариям «аш-Шафийи» не отмечены и у К. Брокельмана.

В Дагестане же списки субкомментариев в упомянутых хранилищах рукописей имеются только у комментария ал-Чарпарди: три из них принадлежат перу дагестанских авторов, ал-Кудуки [28, с. 109–114], ал-Убури [29], и ал-Усиши [8], а четвертый принадлежит Ибн Джама‘а [17, s. 1021], сведения о котором были изложены выше. Субкомментарий же ал-Кудали представлен в виде глосс на полях изданного в типографии М.-М. Мавраева комментария Ахмада б. Мухаммада б. Аби Бакра [27, с. 65]. Таким образом, «полемика» развернулась, в основном, вокруг комментария ал-Чарпарди, да и упоминаний «современников» удостоился он же.

Также как и комментарии, не все субкомментарии были одинаково востребованы в Дагестане. В Рукописном фонде хранятся 11 списков субкомментария ал-Кудуки на «Шарх аш-Шафийа» ал-Чарпарди [30] (плюс один список того же сочинения в Институте рукописей им. К. С. Кекелидзе [14, № 490]), но только три списка субкомментария Дауда ал-Усиши на него же [31]. Еще один список субкомментария ал-Усиши зафиксирован в Каталоге арабских рукописей НБ ДГУ [13, с. 135], еще два списка упоминаются в литературе [8, с. 136], всего шесть экземпляров. Оставшиеся два субкомментария ал-Убури [32] и Ибн Джама‘а [33] представлены единичными экземплярами в Рукописном фонде ДНЦ РАН.

В этом же хранилище имеется еще «Урджуза» [34] — версифицированное сочинение ал-Мавахиби (ум. в 1119/1707) по грамматике, основанное, судя по введению, на «аш-Шафийи фи-т-тасриф» и комментариях к ней [35, № 6611]. Еще один список этого сочинения, также предположительно дагестанского происхождения, зафиксирован в Каталоге арабских рукописей Института рукописей им. К. С. Кекелидзе [14, № 496].

В итоге «аш-Шафийа фи-т-тасриф» с иерархией комментариев составляет 12 сочинений, приходящихся на 126 единиц описания. Из них реальную популяризацию трактата Ибн ал-Хаджиба осуществляли комментарии Ахмада б. Мухаммада б. Аби Бакра и Ахмада б. ал-Хасана ал-Чарпарди, остальные сочинения попали в Дагестан либо были переписаны по случаю.

Литература

1. *Amiira 'Alii Tavfiq*. Ar-Raadii al-Astaraabaadii 'Aalim al-nahv va al-lughah (risaalah al-ductuuraah) Ar-Raadii al-Astaraabaadii scientist — philologist. (thesis for a doctor's degree). ar-Riyad, 1978. 471 s.
2. *Гаджиева Д. Х.* «ал-Кафийа фи-н-нахв» Ибн ал-Хаджиба с иерархией комментариев в Дагестане // Дагестанский востоковедческий сборник. Вып. 2. Махачкала, 2011. С. 130–134.
3. *Levin A.* Arabic Linguistic Thought and Dialectology // Max Schloessinger memorial series: Collected studies in Arabic and islam (T. 1). The Hebrew University: JSAI, 1998. P. 76–188.
4. *Brockelmann C.* Geschichte der Arabischen Litteratur: Zweite den Supplementbänden angepasste Auflage. Bd. II. Leiden, 1949. 686 S.
5. *Brockelmann C.* Geschichte der Arabischen Litteratur: III. Supplementbänden. Bd. II. Leiden: Brill, 1938. 1045 s.
6. *Гиргас В.* Очерк грамматической системы арабов. СПб., 1873. 147 с.
7. *Гранде Б. М.* Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд. М.: Восточная литература РАН, 1998. 592 с.
8. *Алхасова Д. М.* Дауд Хаджи ал-Усиши: жизнь и творческое наследие. Махачкала, 2006. 271 с.
9. *Юшманов Н. В.* Грамматика литературного арабского языка / под ред. И. Ю. Крачковского. 3-е изд. М.: Наука, 1985. 176 с.
10. *Ахвеледиани В. Г.* Арабское языкознание средних веков // История лингвистических учений: средневековый Восток. Л.: Наука, 1981. С. 53–95.
11. *Ибн ал-Хаджиб.* Аш-Шафийа фи-т-тасриф [Al-Shāfiyah fi-tasrif] // ФВР ИИАЭ ДНЦ РАН Ф. 14. Оп. 1. № 13.
12. *Шихсаидов А. Р., Омаров Х. А.* Каталог арабских рукописей (Коллекция М.-С. Саидова) / отв. ред. А. Р. Шихсаидов. Махачкала: ДНЦ РАН ИИАЭ, 2005. 328 с.
13. Каталог арабских рукописей Научной библиотеки Дагестанского государственного университета. Вып. I / отв. ред. Г. Г. Тикаев. Махачкала, 2004. 285 с.
14. Каталог арабских рукописей Института рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Грузии (Коллекция L — Вып. 2) / сост. Р. В. Гварамия, Н. Г. Канчавели, Л. И. Мамулиа, Л. В. Самкурашвили. Тбилиси: Кавказский дом, 2002. 600 с.
15. *Brockelmann C.* Geschichte der Arabischen Litteratur: Zweite den Supplementbänden angepasste Auflage. Bd. I. Leiden: Brill, 1943. 676 S.
16. *Brockelmann C.* Geschichte der Arabischen Litteratur: III. Supplementbänden. Bd. I. Leiden, 1937. 973 S.
17. *Haji Khalifa.* Kashf az-zunūn 'an asāmi al-kutub va-l-funūn. Commentaries of the books and science II. Beirut, 1302/1982.
18. *'Abd al-Maqsuud Muhammad 'Abd al-Maqsuud.* Sharh al-Shāfiyah Ibn al-Hājib — Ruknaddiin al-Astaraabaadii (risaalah al-ductuuraah, 2004). URL: <http://www.shamela.ws/browse.php/book-11750> (дата обращения: 02.11.2013).
19. *Shiddiq Hasan Khan al-Qanuuji.* Abjad al-'Uluum — Ahmad b. al-Hasan al-shaikh Fakhraddiin al-Gaarbardi // Khizaanat al-kutub. URL: www.al-eman.com/hadeeth (дата обращения: 9.11.2013).
20. *'Umar Rida Kahhaalalah.* Mu'jam al-mu'allifiin- 'Abdallah al-Nuqrah Kaar. J. 6. S. 108. URL: www.Shiaonlinelibrary.com/108 (дата обращения: 09.11.2013).

21. Shaikh al-islam Zakariya al-Ansaarii//Daar al-iftaa' al-misriyah: taraajim va-siyar. URL: www.dar-alifta.org/ViewScientist.aspx?ID=79 (дата обращения: 04.11.13).
22. *Радиаддин ал-Астарабади*. Шарх аш-Шāфийа // ФВР ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 879.
23. *Рукнаддин ал-Астарабади*. Шарх аш-Шāфийа // ФВР ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 2109.
24. *Закарийа ал-Ансари*. Шарх аш-Шāфийа // ФВР ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 982 (16-1366).
25. *Омаров Абдулла*. Воспоминания муталлима // Кавказские горцы: Сборник сведений. Вып. II (Ч. VI). М.: Адир, 1992. С. 46–49.
26. *Гизбулаев М. А.* Хасан Ал-Кабир из Кудали — ‘Алим XVIII века на Кавказе // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала, 2013. № 1(33). С. 8–12.
27. *Назир ад-Дургели*. Услада умов в биографиях дагестанских ученых (нузхат ал-азхāн фī тарāджим ‘уламā Дāгистāн): дагестанские ученые X–XX вв. и их сочинения / пер. с араб., коммент., факс. изд., указ. и библиогр. подгот. А. Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А. К. Бустановым. М.: Марджани, 2012. 204 с.
28. *Шихсаидов А. Р., Тагирова Н. А., Гаджиева Д. Х.* Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2001. 256 с.
29. *Гусейнов Г. К.* Магомед Убри. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1992. 198 с.
30. *Мухаммад ал-Кудуки*. Хашийа ‘ала Шарх аш-Шāфийа // ФВР ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 32, 141, 166, 455 (35а–2126), 599, 747, 991, 1662 (35а–182а), 1875 (44а–205а), 2006, 2675 (36–176).
31. *Дауд ал-Усиши*. Хашийа ‘ала Шарх аш-Шāфийа // ФВР ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 1463, 1662 (1а–266), 2675 (1а–20а).
32. *Мухаммад ал-Убури*. Хашийа ‘ала Шарх аш-Шāфийа // ФВР ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 982 (138а–1426).
33. *Ибн Джама‘а*. Хашийа ‘ала Шарх аш-Шāфийа // ФВР ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 2059 (16–83а).
34. *Ал-Мавахиби*. Урджуза // ФВР ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 1629.
35. *Ahlwardt W.* Verzeichniss der arabischen Handschriften der Königlischen Bibliothek zu Berlin. Bd. VI. Berlin: A. Asher. & Co, 1894. 628 S.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2014 г.

О. И. Редькин, О. А. Берникова

ПРОБЛЕМЫ ОЦИФРОВКИ И КАТАЛОГИЗАЦИИ АРАБОГРАФИЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В статье представлен анализ различных методов каталогизации арабографических рукописей. Рассмотрев традиционные подходы к описанию манускриптов, а также существующие сегодня электронные коллекции арабских рукописей, авторы предлагают свой подход к дигитализации рукописного материала. Данный подход основан на разработке так называемого цифрового паспорта рукописей, который позволит осуществить их классификацию, сделать выводы относительно авторства, определить рукописную школу, а также установить датировку. Библиогр. 17 назв.

Ключевые слова: оцифровка рукописи, каталогизация, арабографический манускрипт, кодология.

PROBLEMS OF DIGITIZING AND CATALOGING ARABIC MANUSCRIPTS

O. I. Redkin, O. A. Bernikova

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article presents a thorough analysis of different approaches to cataloging manuscripts, based on the arabic script. After reviewing the traditional methods of manuscript description and analyzing available digital collections of arabic manuscripts, the authors proposed their own technology of digitizing handwritten materials. This approach relies on the development of the so-called digital "passport" of manuscripts that in its turn will help to simplify cataloging process in order to define the authorship, to attribute it to a certain handwriting school and to verify the dating of a manuscript. Refs 17.

Keywords: digitization of manuscripts, manuscript cataloging, arabic script, codicology.

Введение

Средневековые арабографические рукописи представляют собой один из важнейших элементов арабо-мусульманского наследия, источник по истории Ближнего Востока и Северной Африки, а также Средней Азии, Кавказа, Европы и России, свидетельством чему являются работы В. В. Бартольда, В. И. Беляева, А. Б. Халидова, И. Ю. Крачковского, считавшего «непрерывность научного преподавания арабского языка в высшей школе и постепенное расширение доступных для исследования рукописных материалов» необходимыми условиями для развития арабистики [1, с. 70–71]. При этом значимость изучения арабских манускриптов не ограничивается лишь историографией и востоковедением, они также могут быть источником информации и для специалистов в области других наук — медицины, математики, философии, астрономии, истории естествознания.

Целью данной статьи является описание авторской технологии автоматизированной каталогизации арабографических рукописей на основе определения ключевых распознавательных маркеров. Помимо этого рассматривается принципиальная возможность проведения исследования междисциплинарного характера при работе с рукописным материалом, сочетания методов кодикологического и компьютерно-

го анализа метаданных (методов оптимизации и визуализации). Рассматриваются наиболее распространенные технологии формирования электронных рукописных каталогов.

Каталогизация рукописей: традиции vs технологические решения

Формирование рукописных фондов в Санкт-Петербурге восходит к XVIII в., однако их систематическое изучение началось лишь с приездом в столицу империи академика Х.Д. Френа, созданием здесь Азиатского музея, а также приобретением новых коллекций манускриптов [1].

Сегодня, как и прежде, изучение и описание рукописного арабографического наследия является одной из актуальных задач арабистики. При этом следует отметить, что кодикологические методы, используемые при исследовании рукописей на европейских [2, с. 23–29] и некоторых восточных языках, применяются еще не в полной мере при изучении их арабских аналогов.

Несмотря на то что традиция изучения арабских рукописей в нашей стране [3] и в Европе в целом имеет давнюю историю, методы описания и исследования манускриптов практически не изменились.

Даже предварительное знакомство с работами, посвященными изучению арабского рукописного наследия, показывает, что принципы формального, а также текстологического и, в более узком смысле этого слова, лингвистического анализа рукописного текста варьируются незначительно и основаны на четко выверенной и проверенной временем парадигме описания манускриптов. Такая парадигма предусматривает их хронологизацию, лексический и терминологический анализ, соотношение с одной из рукописных школ, изучение исторического или лингвистического контекста, сопутствующего их созданию или переписке.

Как правило, в исследованиях такого рода рассматриваются особенности языка рукописного памятника, почерка, свойства чернил, тип переплета, тематика, а также элементы паратекста — колофоны (сведения об авторе, месте и времени переписки, имени переписчика/заказчика в конце рукописи) и субскрипции (то же в начале рукописи), инципиты и эксплициты (формулы начала и конца текста), наличие печатей. При этом анализ арабских манускриптов основывается в значительной степени на субъективных оценках исследователя, которые, в свою очередь, зависят от его квалификации, опыта и знаний.

Что касается метрических данных, то, как правило, приводятся лишь сведения о количестве и размерах страниц, параметрах переплета, количестве строк на странице. Более детальные характеристики, связанные с так называемой ритмикой рукописного текста, за редкими исключениями остаются вне поля зрения исследователей.

Вместе с тем такие показатели, как цветовые характеристики текста, его «ритмика» [4], индивидуальные особенности почерка переписчиков или авторов манускриптов в случае, если исследователю посчастливится работать с автографом, а также ряд других могут быть объектом описания с использованием формальных цифровых параметров.

За последние два века сложилась и определенная традиция каталогизации рукописных фондов, осуществляемая в зависимости от контента и тематики, либо авторства сочинений. Что касается публикаций отдельных рукописей, то в них, как правило, представлены текст сочинения на языке оригинала, перевод, а также лингво-исторический или филологический комментарий. Кроме того, публикации могут быть снабжены изображениями отдельных фрагментов оригинальных текстов рукописей. Рукописные каталоги до недавнего времени были представлены на бумажных носителях, и лишь в последние десятилетия все большее распространение получили их электронные аналоги, размещаемые на сайтах библиотек или научно-исследовательских центров, которые выгодно отличаются по ряду показателей от изданных в типографиях аналогов.

Проблемы терминологии

Использование информационно-коммуникационных технологий при создании электронных рукописных каталогов влечет за собой появление новой терминологии для описания данного процесса. В последнее время широкое распространение получил термин «дигитализация», или «оцифровка» рукописей, который трактуется как цифровая компьютерная обработка манускриптов. Дигитализация арабского рукописного наследия может внести существенные коррективы в процесс описания рукописей и помочь в разработке электронных он-лайн каталогов и, в известной степени, оптическом распознавании символов.

Еще сравнительно недавно под оцифровкой документа понималось создание его альтернативной, предназначенной для хранения копии [5]. В настоящее время существует несколько различных толкований данного термина.

В упрощенном виде под «оцифровкой» нередко понимается создание электронной копии изображения объекта, что при работе с рукописными документами означает их сканирование и запись полученных данных в форматах BMP, JPG, JPEG или других типах файлов на электронных носителях или их размещение на сайтах академических учебных заведений. Такого рода альтернативные коллекции рукописей составляют сегодня абсолютное большинство среди собраний манускриптов, имеющих в виртуальном пространстве.

Значительно реже под оцифровкой понимается не только создание электронной копии документа, но и последующая его сегментация на отдельные символы (буквы). В этом смысле термин «оцифровка» применительно к существующим электронным коллекциям манускриптов используется крайне редко.

Следует отметить, что, несмотря на то что в последние годы было разработано значительное количество предназначенных для этой цели программных продуктов, в том числе и достаточно успешных в коммерческом плане, проблема оптического распознавания текста применительно к арабскому материалу не утратила своей актуальности и по сей день. Специальное тестирование приложений, созданных ведущими разработчиками лингвистических программных продуктов, также свидетельствует о том, что в настоящее время отсутствуют предназначенные для оптического распознавания печатного текста программы, которые отличались бы достаточно высоким уровнем эффективности и функциональности. Причины этого были

подробно рассмотрены авторами настоящей статьи в опубликованных ранее работах [6; 7].

Создание эффективной программы для распознавания арабского печатного, не говоря уже о рукописном, текста представляет собой более сложную проблему, нежели разработка аналогичного продукта, предназначенного для работы с текстами на основе кириллицы или латиницы.

При оптическом распознавании следует учитывать и то, что тип письменности рукописных документов варьируется в зависимости от традиций определенной рукописной школы, а также может включать в себя индивидуальные особенности почерка авторов. Проблема распознавания становится еще более сложной, когда приходится иметь дело с дополнительными «шумами», такими как комментарии переписчиков, дефекты письма, повреждения используемого материала, а также лакуны и пропуски, равно как и более поздние по времени дополнения к первоначальному тексту. Все это делает адекватную идентификацию арабских письменных текстов крайне затруднительной.

Перевод арабского рукописного текста в цифровой формат с возможностью его последующей обработки и осуществлением функции поиска в массиве контента делается преимущественно в ручном режиме, и, в силу высокой трудоемкости, такой метод оцифровки распространен весьма мало. В данном контексте термин «оцифровка» по отношению к существующим электронным коллекциям манускриптов имеет ограниченное количество примеров.

Ниже будут рассмотрены некоторые базы данных арабографических рукописей и используемые в них технологические решения, позволяющие осуществлять поиск отдельных слов в контенте рукописного материала.

Нередко термин «оцифровка» используется и при описании методов, применяемых в работе с историческими документами. В этом случае речь идет о создании электронной копии рукописи, а также ее аннотации и описании в автоматизированном режиме с целью более эффективной и быстрой каталогизации. Все это требует разработки сложной информационной системы, координирующей связь между изображением документа и комплексом имеющихся и вновь получаемых метаданных, что близко к методике кодикологического исследования.

Понятие «метаданные» в контексте изучения рукописного наследия также весьма вариативно. Так, «классическое» толкование этого термина подразумевает определение традиционных характеристик рукописи (имя автора, материал, почерк и т. д.) и проведение на их основе дальнейшей каталогизации. Данная трактовка не включает в себя осуществление дигитализации исходного материала.

В настоящее время термин «метаданные» трактуется гораздо шире и понимается как возможность соотнесения и сопоставления основных параметров рукописей при создании электронных коллекций манускриптов.

Иными словами, метаданные — это «информация» об «информации». Именно благодаря метаданным осуществляется автоматизированная фильтрация и поиск данных. Метаданные — это «структурированная информация, которая описывает, объясняет, находит или упрощает извлечение, использование или управление информационным ресурсом» [8, р. 2]. В ходе создания той или иной цифровой рукописной коллекции определяется перечень конкретных характеристик, которые будут использованы в качестве маркеров во время автоматизированного поиска.

В настоящее время в мировой практике сложились единые принципы использования тех иных метаданных при составлении электронных рукописных коллекций [9], что позволяет обеспечить более широкий доступ к историческим документам.

Электронные коллекции арабографических рукописей: современные решения

На протяжении последних полутора десятилетий активно разрабатывались и применялись на практике технологии оцифровки и каталогизации арабографических рукописей. В результате было создано значительное количество рукописных коллекций, как размещенных в открытом доступе, так и требующих авторизации пользователей. Например, на веб-странице библиотеки Мичиганского университета (г. Анн Арбор, США) можно найти ссылки на сотни электронных коллекций арабомусульманских манускриптов в различных регионах мира [16].

Технология составления представленных коллекций, равно как и возможности автоматизированного поиска необходимой информации, варьируются. В качестве примера наиболее распространенной модели формирования и хранения манускриптов можно привести рукописную коллекцию, созданную в Университете Ан-Наджах (г. Наблус, Палестина) [11], представляющую собой сканированные полнотекстовые копии рукописей и их электронный каталог. При этом система позволяет осуществлять автоматизированный поиск по одному из следующих параметров: название рукописи, ее автор, дата переписки, номер в каталоге, тематика, время создания (относительно периода жизни автора), имя переписчика. Все эти данные введены в систему в ручном режиме. Несмотря на то что в коллекции представлены лишь электронные копии изображений (что не позволяет осуществлять поиск отдельных слов в тексте рукописи), работать с такого рода цифровой коллекцией достаточно удобно: имеется возможность распечатать фрагмент рукописи в формате PDF с автоматическим указанием на первоисточник. Хорошо продуманы также дизайн и навигация по сайту.

Как правило, проекты создания крупных рукописных коллекций являются примерами совместной международной деятельности библиотек, институтов, фондов. Так, сотрудничество Библиотеки Принстонского университета (США), Свободного университета Берлина (ФРГ) и культурного фонда Имам Зайд ибн Али (IZbACF) в Санае (Йемен) [12] позволило создать электронную коллекцию, которая является частью Принстонской цифровой библиотеки исламских рукописей [13].

Другим примером успешной реализации проекта по дигитализации рукописного наследия стала разработка, представленная так называемым Консорциумом по каталогизации арабских рукописей, который включает в себя библиотеку Wellcome в Лондоне (Великобритания), Александрийскую библиотеку (Египет) и Департамент цифровых гуманитарных наук (Королевский колледж, г. Лондон, Великобритания) [15]. Навигация по веб-сайту данной коллекции достаточно удобна для пользователей. Как рукопись, так и ее метаданные могут быть сопоставлены и проанализированы одновременно. Разработчики создали унифицированную поисковую систему, позволяющую обрабатывать текстовую информацию, содержащуюся в следующих фрагментах рукописи: инципите, колофоне, основном тексте, комментариях и информации о происхождении рукописи. Несмотря на уникальный междисциплинар-

ный подход, который был применен при разработке данной коллекции, необходимо отметить следующее:

1. Большая часть представленных в коллекции рукописей сходна по тематике и представляет собой сочинения по медицине, что значительно упрощает автоматизированный поиск.

2. В аннотации к коллекции отмечается, что применяемые технологии позволяют осуществлять полнотекстовый поиск. Если такое утверждение верно, то, учитывая значительный объем рукописной коллекции, оно свидетельствует о решении сложной задачи распознавания рукописного текста, что весьма сомнительно. Известно, что программные приложения по распознаванию арабографических текстов работают несовершенно, даже в контексте обработки печатного материала. Распознавание рукописных документов, которые включают в себя индивидуальные особенности почерка авторов, — еще более сложная задача, не говоря уже о дополнительных «шумах», как то комментарии переписчиков, дефекты письменных материалов, а также лакуны и пропуски, дополнения к первоначальному тексту. Все эти особенности делают правильную идентификацию арабских письменных текстов крайне затруднительной. Успешным опытом создания технологии автоматизированного поиска в рукописном тексте является разработка рукописной базы данных топонимов (названий арабских городов / деревень) [15]. Можно предположить, что успешность такого рода исследования обеспечена спецификой и определенным количеством лексического контента.

С этой точки зрения технология поиска, разработанная для коллекции «Арабские рукописи онлайн» библиотеки Wellcom, вызывает ряд вопросов, в частности: действительно ли она предполагает поиск по содержимому текста всей рукописи (полнотекстовый поиск) или применима лишь к фрагментам рукописей, текст которых введен в компьютер в ручном режиме?

Приведенные выше примеры электронных коллекций арабографических манускриптов по сути являются попытками создания электронных баз данных с возможностью автоматизированного поиска. При этом значительная часть самой работы по дигитализации и каталогизации имеющихся манускриптов проводится вручную. Предлагаемые авторами настоящей статьи методы оцифровки и классификации рукописей значительно отличаются от технологий, используемых в WAMCP, и направлены на разработку технологии автоматизации процесса каталогизации сканированных рукописей с использованием метаданных.

Анализ имеющихся в этой области разработок позволяет выделить лишь эксперимент группы исследователей из Каирского университета, разрабатывавших технологию, направленную на решение аналогичных задач. Основной целью их проекта являлась классификация исторических документов относительно трех исторических периодов: современного, османского и мамлюкского [16].

Инновационные методы каталогизации

До недавнего времени под цифровой обработкой рукописей подразумевалось их сканирование и дальнейшее форматирование полученного изображения, а также, в случае необходимости, размещение его в сети Интернет или создание локальных баз данных. При этом изображение, как правило, было представлено в формате

2D. Вместе с тем необходимость ввода в научный оборот дополнительного материала требует и новых технологических решений, которые не ограничиваются предварительным исследованием и обработкой документов на основе арабской графики и артефактов. Все это возможно лишь при условии совместной работы специалистов в области компьютерного программирования и арабистов — исламоведов, филологов и лингвистов. Одним из решений такого рода должно стать создание автоматизированной системы распознавания арабского текста, в том числе и рукописного.

Эффективность существующих продуктов распознавания для арабского языка, таких как Sakhr [17], в значительной степени зависит от структуры анализируемых материалов, они функционируют с минимальным количеством ошибок лишь при условии работы с «идеальным» текстом (набранным с помощью одного из наиболее распространенных шрифтов, лишенным огласовок и т. д.).

Очевидно, что проблема распознавания символов в тексте на арабском языке сложнее, чем в текстах на латинице или кириллице. Данное обстоятельство во многом обусловлено проблемами как лингвистического, так и технологического характера. Трудность распознавания арабской графики обусловлена и большим количеством дериватов, «слитным» характером письма, допускающим различную длину соединительных линий, возможность реализации точек в стороне от буквы, наличием лигатур, слитным написанием ряда предлогов и частиц.

Электронный «паспорт» рукописи

Актуальная необходимость использования методов компьютерного анализа рукописей обусловлена и такими особенностями рукописного текста, как наличие в нем филиграней, верже и понтюзо, различных типов используемой бумаги. Так, при цифровой обработке можно определить точное количество строк в тексте, под каким углом текст помещается между линиями сетки (верже / понтюзо) на конкретной странице, а также во всей рукописи в целом.

Помимо этого, имеется возможность соотнесения рукописи с конкретной рукописной школой, что на практике возможно при наличии достаточного количества необходимой информации о рукописях с аналогичным типом письма и относящихся к определенной школе переписчиков рукописей, использовавших похожие типы письма. Традиционная классификация почерков при этом недостаточна, поскольку нередко встречаются и «гибридные» варианты письма (например, включающие начертание ف (fā') / ق (qāf), характерные для *магриби*, при этом сходное с почерком *наш* написание выносных элементов букв).

Только при компьютерном анализе возможна масштабная и объективная систематизация представлений о вариантах написания нижних и верхних выносных элементов, закрытых (م mīm) и открытых (ب bā') букв, внутрибуквенных просветов, диакритик, огласовок, лигатур. Такого рода характеристики невозможно определить «на глаз» для текста, превышающего один-два абзаца и имеющего сколько-нибудь серьезный объем. Без использования современных технических методов трудно описать и такие особенности арабских рукописей, как аббревиатуры, пояснительные знаки, а также способы их применения и использования в разных регионах исламского мира.

Компьютерная обработка и анализ текста может позволить осуществить автоматизированное выявление таких характеристик, как:

- тип почерка;
- пропорциональное соотношение размеров полей и текста, промежутков между словами и длиной слов;
- соотношение между высотой и шириной букв, расположением диакритик;
- степень наклона почерка;
- сила нажима и, следовательно, тип инструмента (по ширине линий букв);
- наличие различных типов почерков в одном манускрипте;
- процентное соотношение сохранившегося текста и лакун;
- особенности цветовой палитры, иллюстраций, инвентарных пометок и печатей, надписей на полях, цветовых характеристик чернил;
- классификация в зависимости от характера букв, плотности письма и т. п.

Компьютерный анализ позволит также выйти за пределы привычного приблизительного определения почерков «на глаз». Обычная для каталогов характеристика почерков остается в своей основе традиционной (наسخ, куфи, магриби, насталик и т. п.), достаточно условной («количество точек вдоль линий») и далеко не всегда отражает реальность письма.

Заключение

Приведенный выше комплекс цифровых показателей можно сравнить с данными спектрального анализа, так как он является уникальным для каждого манускрипта. Цифровой анализ рукописей позволит осуществить классификацию вариантов письма на основе объективных (поддающихся цифровому выражению) характеристик. Итогом должен стать спектр вариантов письма, которые могут быть сведены в несколько групп.

Создание такого рода выраженного в цифровых параметрах компьютерного «паспорта» рукописи позволит осуществить ее компаративный анализ в сопоставлении с другими рукописями, осуществить их классификацию, сделать выводы относительно ее авторства, определить, является ли она автографом или списком, наиболее вероятную возможность принадлежности к той или иной рукописной школе, а также помочь в ее датировке. Цифровой «паспорт» рукописей облегчит процесс каталогизации, подготовки их к дальнейшей публикации и использованию в научной работе.

Сказанное выше в значительно степени справедливо и в отношении рукописей, написанных на других языках, графика которых основана на арабском алфавите, например, рукописных текстов на персидском, урду, пушту, дари, кашмири, пенджаби, синдхи, хауса, фула, курдском (в Иране и Сирии), уйгурском, а также ряде других языков, распространенных в Северной и Западной Африке, на Ближнем Востоке, южной и юго-восточной Азии.

Литература

1. Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики // Избранные сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 5. 526 с.
2. Столярова Л. В., Кашианов С. М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.) М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. 480 с.
3. Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 168 с.
4. Полосин В. В. Рукописи каллиграфической школы Ибн Муклы (проблема идентификации) // Письменные памятники Востока. СПб., 2004. № 1. С. 160–176.
5. Zdeněk U. Digitization is not only making images: manuscript studies and digital processing of manuscripts. Knygotyra, 2008. P. 148–160.
6. Redkin O. I., Bernikova O. A. Problems of the Arabic OCR: New Attitudes // Proceedings of the 2013 International Conference on Artificial Intelligence. Las Vegas, USA, 2013. P. 777–782.
7. Redkin O. I., Bernikova O. A. On the Optical Character Recognition and Machine Translation Technology in Arabic // Proceedings of the 2012 International Conference on Artificial Intelligence. Las Vegas, USA, 2011. P. 861–867.
8. Understanding Metadata. NISO, 2004. P. 1–20.
9. Banach M., Shelburne B., Shepherd K., Rubenstein A. Guidelines for Digitization, Digital Creation and Preservation Working Group. 2010–2011.
10. <http://guides.lib.umich.edu/islamicmsstudies/onlinecollections> (дата обращения: 08.07.2014).
11. <http://manuscripts.najah.edu/> (дата обращения: 08.07.2014).
12. <http://wamcp.bibalex.org/about-us> (дата обращения: 08.07.2014).
13. <http://pudl.princeton.edu/objects/9s1616928> (дата обращения: 08.07.2014).
14. <http://pudl.princeton.edu/collections/pudl0032> (дата обращения: 08.07.2014).
15. Pechwitz M., Snoussi Maddouri S., Märgner V., Ellouze N., Amiri H. IFN/ENIT-Database of Hand-written Arabic Words // 7th Colloque International Francophone sur l'Écrit et le Document, CIFED. Oct. 21–23, 2002, Hammamet, Tunis. P. 1–8.
16. Ahmad M. Abd Al-Aziz, Gheith M., Ayman F. Sayed Recognition for old Arabic manuscripts using spatial gray level dependence (SGLD) // Egyptian Informatics Journal. 2011. № 12. P. 37–43.
17. <http://www.sakhr.com/ocr.aspx> (дата обращения: 08.07.2014).

Статья поступила в редакцию 30 июля 2014 г.

Контактная информация

Редькин Олег Иванович — доктор филологических наук, профессор; oleg_redkin@mail.ru

Берникова Ольга Александровна — кандидат филологических наук, доцент; bernikova@mail.ru

Redkin Oleg I. — Doctor of Philology, Professor; oleg_redkin@mail.ru

Bernikova Olga A. — Candidate of Philology, Associate Professor; bernikova@mail.ru

Г. С. Харатишвили

КАВКАЗОВЕДЕНИЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ И ЕГО ПРЕПОДАВАТЕЛИ

(ЧАСТЬ 2)¹

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Статья посвящена истории создания Восточного факультета и кавказоведения в С.-Петербургском университете, преподаванию языков народов Закавказья (Южного Кавказа): грузинского, армянского и азербайджанского, возникновению соответствующих кафедр, а также преподавателям этих языков. Библиогр. 18 назв.

Ключевые слова: языки Южного Кавказа, преподаватели кавказских языков, СПбГУ.

CAUCASIAN STUDIES IN SAINT-PETERSBURG UNIVERSITY: HISTORY AND TEACHERS (PART 2)

G. S. Kharatishvili

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article is dedicated to the history of creation of the faculty of Asian and African studies (former faculty of Eastern languages, later Oriental faculty) and to the History of the beginning of Caucasian studies in Saint-Petersburg State University; teaching of South Caucasian: the Armenian, the Azerbaijanian and the Georgian languages; to the teachers of these languages: Marie Felicite Brosset, D. Chubinov (Chubinashvili), N. Beroev, L. Budagov, K. Patkanov, (Patkanian), A. Tsagareli, N. Marr, I. Javakhov (Javakhishvili), N. Adonts, I. Orbeli and many others. The article tells about the Caucasian studies in what is nowadays the faculty of Asian and African studies, teaching of South Caucasian languages, Geography, History, Ethnography, Literature and other subjects about Caucasian countries: Azerbaijan, Armenia and Georgia. It also tells about professors and teachers of these subjects at past and at present. The article is based on some historical sources of the Archives of Saint-Petersburg, such as: the Central State Historical Archives of Saint-Petersburg (CSHA SPB.), the Central State Archives of Saint Petersburg (CSA SPB.), the Central Archives of the Saint-Petersburg State University (CA SPBSU), Materials of the Museum of the Saint-Petersburg State University and on scientific works of some well known Soviet historians. Refs 18.

Keywords: Caucasian studies in SPbGU, South Caucasian languages (the Georgian, the Armenian, the Azerbaijanian), the teachers of Caucasian languages.

Джавахишвили (Джавахов) Иване Александрович (1876–1940) в 1895 г. после окончания Тифлисской 1-й классической гимназии поступил и в 1909 г. окончил армяно-грузинский разряд ФВЯ Петербургского университета. Тогда же на историко-филологическом факультете в течение четырех лет он изучал немецкий язык и занимался историей искусства; два семестра изучал сирийский язык у приват-доцента П. Н. Коковцова. По окончании факультета он был удостоен диплома первой степени и золотой медали за работу «Армянский сборник жития святых в последней литургической редакции Григория Церенца» [1, л. 3]. В характеристике, данной И. А. Джавахову, Н. Я. Марр высоко оценивал способности своего ученика и просил факультетское начальство дать возможность своему выпускнику «усовершенство-

¹ Часть 1 см.: Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика. 2014. Вып. 3. С. 35–46.

ваться в избранной им области востоковедения оставлением его со стипендиєю при университете по армянской словесности армяно-грузинского разряда» сроком на два года [2, л. 73].

В январе 1901 г. И. А. Джавахишвили успешно сдал магистерские экзамены и получил степень магистра грузинской словесности. В том же году он был командирован в Берлинский университет для усовершенствования знаний, где слушал в частности лекции профессора Г. Гарнака, ректора университета. Его небольшой доклад «Житие Евстафия Мцхетского» привлек внимание профессора Гарнака. По его предложению И. А. Джавахишвили перевел на немецкий язык этот замечательный агиографический источник VI в. н.э., и он был издан в том же 1901 г. в «Вестнике Берлинской Академии наук» (т. 38).

С 1 апреля до 1 сентября 1902 г. И. А. Джавахишвили находился в экспедиции на Синае, возглавляемой с Н. Я. Марром, где он изучал грузинские рукописи, в том числе рукописи, находившиеся в монастыре Святой Екатерины².

Осенью 1902 г. по прочтении двух пробных лекций на заседании ФВЯ, И. А. Джавахишвили был допущен к чтению лекций по кафедре армянской и грузинской словесности в качестве приват-доцента «с зачислением в состав приват-доцентов университета с 1 января 1903 г.»³ [3, л. 28]. С этого времени и до мая 1917 г. И. А. Джавахишвили читал студентам армянской и грузинской словесности ФВЯ СПбУ курс лекций по истории Грузии и Армении, экономической истории Грузии, истории грузинского права, историографии и источниковедению, преподавал грузинский язык, читал с ними грузинские исторические тексты.

Первые научные труды И. А. Джавахишвили опубликовал еще в студенческие годы. Так, он перевел на русский язык и опубликовал в 1899 г. древнегрузинский литературный памятник «Мудрость Балавара». Его фундаментальные труды посвящены истории Грузии, истории грузинского права, исторической географии Грузии, археологии, палеографии, нумизматике, вопросам историографии и источниковедения и многим другим аспектам жизни грузинского и армянского народов.

13 мая 1907 г. И. А. Джавахишвили защитил магистерскую диссертацию по опубликованной книге «Государственный строй древней Грузии и древней Армении» (СПб., 1905).

В 1907 г. в Тбилиси на грузинском языке была издана его «Экономическая история Грузии», а в 1908 г. — первая книга «Истории грузинского народа» (переработанной и изданной позже в пяти книгах); в 1909 г. опубликована его «История грузинского права», кн. 1 (VIII–XII вв.). Он разрабатывал свои труды на основе тщательно и критического изучения грузинских, армянских, греческих, арабских, сирийских и других источников и памятников культуры и археологии.

В 1907 г. по инициативе И. А. Джавахишвили на ФВЯ был создан научный кружок грузинских студентов. Кружок объединял грузинских студентов вузов Петербурга и ставил перед собой научные цели: изучение источников по истории и культуре Грузии, грузинского языка, традиций грузинского народа и других сторон его дея-

² Составленное по результатам этой экспедиции «Описание грузинских рукописей Синайской горы» И. А. Джавахишвили было издано в Тбилиси в 1947 г., уже после кончины ученого.

³ Эти сведения были обнаружены нами попавшими по недоразумению в дело «Об оставлении при университете по кафедре финансового права князя Джавахова Давида Александровича», брата И. А. Джавахишвили [3, л. 26–33].

тельности. В разное время работу кружка возглавляли студенты ФВЯ: И. А. Кипшидзе (с 1908 г.), А. Г. Шанидзе (с 1911 г.), Г. С. Читая (с 1913 г.), Д. А. Кипшидзе (с 1915 г.). В 1916 г. кружковцы издали «Грузинскую библиографию (указатель к статьям и материалам в грузинской печати)».

Весной 1917 г. И. А. Джавахишвили уехал в Тбилиси и при поддержке передовой грузинской интеллигенции создал Тбилисский университет (первый университет на Южном Кавказе), открывшийся 26 января (8 февраля) 1918 г. Там протекала вся его дальнейшая научно-преподавательская деятельность [4].

Скончался ученый 18 ноября 1940 г. во время чтения лекции. Похоронен во дворе Тбилисского университета, названного позже его именем.

С 1908 г. на кафедре армянской и грузинской словесности преподает крупный арменовед Николай Георгиевич Адонц (1871–1942), выпускник ФВЯ, одновременно прослушавший полный курс историко-филологического факультета Петербургского университета.

В 1908 г. Н. Г. Адонц получил степень магистра армянской словесности за диссертационную работу «Армения в эпоху Юстиниана», опубликованную в том же году. Эта работа, по мнению исследователей, «составила эпоху в арменистике» [5, с. 14]. Вскоре Н. Г. Адонц был избран приват-доцентом ФВЯ и стал преподавать историю Армении, армянский язык, историческую географию Армении и другие дисциплины по арменистике, читать со студентами древнеармянские тексты. Публиковал в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона отдельные статьи по армянскому языку, литературе и истории Армении.

14 мая 1915 г. Н. Г. Адонц защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора армянской словесности по теме: «Дионисий Фракийский и армянские толкования». В мае 1917 г. он был избран почетным попечителем Лазаревского института в Москве, а в сентябре 1918 г. — ординарным профессором ФВЯ.

Иосиф Алексеевич Кипшидзе (1835–1919), выпускник ФВЯ 1911 г., окончил кафедру армянской и грузинской словесности с дипломом первой степени⁴ [6]. Его учителями были крупные ученые кавказоведы и востоковеды, в том числе профессор: Н. Я. Марр, В. А. Жуковский, В. В. Бартольд, приват-доценты И. А. Джавахишвили и Н. Г. Адонц.

По окончании университета И. А. Кипшидзе был оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности на один год (без стипендии). Позже, по ходатайству его научного руководителя и декана ФВЯ Н. Я. Марра, ему дважды продлевался срок пребывания в аспирантуре, и ректору университета представлялся подробный отчет о научной работе И. А. Кипшидзе.

23 ноября 1914 г. И. А. Кипшидзе защитил диссертацию на соискание ученой степени магистра грузинской словесности по теме: «Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем». В том же году в Петербурге этот труд был издан, и И. А. Кипшидзе был допущен к чтению лекций в 1915/1916 учебном году в качестве приват-доцента. 9 октября 1915 г. на открытом заседании ФВЯ приват-до-

⁴ После окончания Кутаисской духовной семинарии в 1904 г. И. А. Кипшидзе в 1906 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Вскоре он стал студентом ФВЯ. В его записной книжке студента за 1908–1909 гг. читаем, что он слушал лекции по общему курсу физики, химии, кристаллографии, введению в биологию и др. То есть он одновременно обучался на двух указанных факультетах [6, л. 1–20].

цент И. А. Кипшидзе прочитал вступительную лекцию «Законы ассимиляции и диссимииляции звуков в грузинском и мингрельском языках» [7, л. 31–33]. С 12 марта 1916 г. он был допущен к постоянному преподаванию в звании приват-доцента на кафедре армянской и грузинской словесности, вел занятия по грузинскому и мингрельскому (мегрельскому) языкам, читал курсы «1) Грамматика древнелитературного грузинского языка и чтение текстов — 2 лекции в неделю, 2) Мингрельский язык — 1 лекция в неделю»⁵ [7, л. 29, 36, 41].

28 (15) июня 1918 г. на заседании ФВЯ было принято постановление: «Считать выбывшими из состава факультета с начала предстоящего академического года доцента И. А. Джавахова и приват-доцента И. А. Кипшидзе, не приступивших к чтению лекции с осени 1917 года (И. А. Джавахов) и весны 1918 г. (Кипшидзе) и не уведомивших о причинах неявки...» [8, л. 44]. Как мы уже знаем, после Февральской революции в России 1917 г. И. А. Джавахишвили вернулся в Грузию и основал университет в Тбилиси. Многие грузинские ученые, в основном выпускники вузов России и Европы, встали рядом с ним, в том числе И. А. Кипшидзе, возглавивший кафедру древнегрузинского языка и словесности. Однако в 1919 г. он скончался, не успев раскрыть в полной мере весь свой талант, завершить и опубликовать ряд своих научных трудов.

С 1914 г. на факультете восточных языков в качестве приват-доцента начал работать Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961).

И. А. Орбели родился 8 марта 1887 г. в г. Кутаиси (Грузия). В 1904 г. он окончил 3-ю Тифлисскую гимназию и в том же году поступил на отделение классической филологии историко-филологического факультета Петербургского университета. В 1911 г. И. А. Орбели окончил университет, прослушав одновременно и полный курс ФВЯ по армяно-грузино-персидскому разряду. Его учителями были крупные ученые: С. А. Жебелев, М. И. Ростовцев, Ф. Ф. Зелинский, Б. В. Фармаковский, В. Н. Беневич, В. В. Бартольд, В. А. Жуковский, П. К. Коковцов, Н. Я. Марр, Н. Г. Адонц, И. А. Джавахишвили.

Еще в студенческие годы, в 1906–1910 гг., Н. Я. Марр привлек И. А. Орбели к раскопкам г. Ани. Вскоре он стал ближайшим помощником Н. Я. Марра и стал вести самостоятельные раскопки, одновременно являясь хранителем музея древностей Ани. До окончания университета он опубликовал ряд работ: «Каталог Анийского музея древностей» (1910), «Краткий путеводитель Ани» (1910) и др. С сентября 1911 г. по 1 сентября 1914 г. И. А. Орбели числился оставленным при университете [5, с. 35].

В 1911 г. И. А. Орбели был командирован в Турецкую Армению, где в окрестностях г. Ван изучал армянский диалект, курдское наречие Мокса и памятники культуры, снимал копии с армянских надписей со стен и могильных плит [8, с. 29], вел раскопки в районе Ванна.

В 1913 г. И. А. Орбели сдал экзамен на степень магистра армянской словесности; в 1914 г. прочитал пробные лекции и был избран приват-доцентом ФВЯ, а после читал курсы по истории, археологии и эпиграфике Армении и курдскому языку.

⁵ Из ходатайства Н. Я. Марра от 28 ноября 1915 г. о назначении вознаграждения приват-доценту И. А. Кипшидзе, «читающему в текущем семестре лекции грузинского и мингрельского языков... безвозмездно», узнаем, что названные курсы были «обязательные для студентов 1–2 и 5–6 семестров» [7, л. 36].

В 1915 г. в Крыму И. А. Орбели исследовал памятники армянской старины Феодосии и Симферополя [8, с. 29].

В 1916 г. И. А. Орбели и Н. Я. Марр предприняли экспедицию в Ван, занятый тогда русскими войсками, и вели непродолжительные раскопки на холме Топрак-Кала (Н. Я. Марр) и на Ванской скале (И. А. Орбели). Наступление турецких войск вынудило ученых свернуть раскопки и спешно уехать [5, с. 44].

В сентябре 1917 г. И. А. Орбели был избран доцентом кафедры армянской и грузинской словесности ФВЯ; в 1918 г. — ассистентом Археологического института, а в 1919 г. — профессором Петроградского университета по кафедре восточного искусства [5, с. 55]. В 1918 г. в Государственной Академии истории искусства (ГАИМК) он заведовал издательским делом. В эти же годы вместе с Н. Я. Марром он принял активное участие в преобразовании Лазаревского института в Москве и некоторое время вел там преподавательскую деятельность.

На созданном в 1919 г. факультете общественных наук университета (ФОН) кафедра армянской и грузинской словесности не функционировала. Центром подготовки востоковедов стал образованный в 1920 г. Петроградский Институт живых восточных языков (ЛИЖВЯ).

С осени 1925 г. до весны 1929 г. на факультете языкознания и истории материальной культуры (ЯМФАК), созданном после преобразования ФОН, И. А. Орбели заведовал кафедрой армяно-грузинской филологии [9, с. 84], а с осени 1929 г. — кафедрой истории материальной культуры Востока [5, с. 66–67].

С 1931 г. И. А. Орбели ушел с преподавательской работы и всецело сосредоточился на работе в Государственном Эрмитаже, где он в 1920–1942 и с 1944 г. до своей кончины в 1961 г. был хранителем и заведующим отделом Востока, помощником директора и директором (с 1934 г.).

В марте 1942 г., после завершения консервационных работ в Эрмитаже, И. А. Орбели был командирован в Армению в качестве председателя Армянского филиала АН СССР [9, с. 32]. В июне 1944 г. он возвратился в Ленинград и всю свою кипучую энергию и способности отдал восстановлению и функционированию Эрмитажа, научной деятельности, созданию Ленинградского отделения Института востоковедения.

В 1924 г. И. А. Орбели был избран член-корреспондентом АН СССР, а 1 июня 1935 г. — ее действительным членом.

В ноябре 1955 г. И. А. Орбели был назначен деканом Восточного факультета ЛГУ, а в 1956 г. избран заведующим кафедрой истории стран Ближнего Востока. На кафедре наряду с циклами: арабских стран, Ирана, Турции и Средней Азии, в 1959–1964 гг. функционировал и кавказский цикл [10, с. 28]. На отделении занятия вели научные сотрудники ЛО ИНА АН СССР (позже СПФ ИВ РАН. Ныне — Институт восточных рукописей РАН) С. С. Какабадзе (грузинский язык, современный и древнегрузинский, история Грузии с древнейших времен и др.) [11, л. 3, 18] и К. Н. Юзбашян (армянский язык, древний и современный, история Армении и др.).

Скончался И. А. Орбели 2 февраля 1961 г. Похоронен на Богословском кладбище С.-Петербурга.

С сентября 1935 г. на кафедре кавказской филологии Филологического факультета ЛГУ в должности профессора и заведующего кафедрой (1936–1941) читал курсы лекций по Грузии видный лингвист, признанный исследователь картвельских язы-

ков, специалист по общему и кавказскому языкознанию, автор многочисленных лингвистических трудов Карпез Дариспанович Дондуа (1891–1951).

К. Д. Дондуа уроженец г. Кутаиси. В 1910 г. он успешно окончил Кутаисскую грузинскую дворянскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1911 г. он был исключен из университета за участие в студенческом движении. В 1914 г. был восстановлен и продолжил учебу одновременно на двух факультетах: историко-филологическом (официально) и Восточных языков. Его учителями были такие известные профессора, как: А. А. Шахматов, И. А. Бодуэн де-Куртене, С. А. Венгеров, Н. Я. Марр, И. А. Джавахишвили.

В 1918–1921 гг. К. Д. Дондуа был мобилизован на преподавательскую работу. Лишь в 1922 г. он с отличными показателями окончил университет по факультету общественных наук (ФОН) и, по рекомендации Н. Я. Марра, был оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности. В 1922 г. он был также научным сотрудником основанного Н. Я. Марром Института яфетидологических изысканий АН СССР.

В 1922–1930 гг. К. Д. Дондуа преподавал грузинский язык в Институте живых восточных языков, а в 1925–1932 гг. в должности доцента преподавал грузинский язык на кафедре армяно-грузинской филологии ЯМФАКА ЛГУ. В 1932–1933 гг. он заведовал кафедрой кавказских языков при Ленинградском историко-лингвистическом институте (ЛИЛИ) [12, л. 7]. В 1924 г. К. Д. Дондуа получил квалификацию научного сотрудника 1 разряда Яфетического института АН, а в 1940 г. — звание ученого специалиста АН.

В 1933–1935 гг. К. Д. Дондуа находился в командировке в Институте кавказоведения Закавказского филиала АН СССР в Тбилиси, где он работал старшим ученым специалистом и руководителем сектора этнографии и фольклора, а также заместителем руководителя лингвистического сектора. В 1934–1935 гг. был профессором и заведующим кафедрой общего языкознания Тбилисского университета.

В 1935 г., уже в Ленинграде, К. Д. Дондуа и возглавил Сектор кавказских языков Института языка и мышления АН СССР в качестве старшего научного сотрудника. С сентября того же года он читал курс лекций по Грузии, а в 1936–1941 гг. заведовал кафедрой кавказской филологии филологического факультета ЛГУ [9, л. 84]. При нем, наряду с грузинской и армянской группами, была организована и горская группа. Кафедра стала многочисленной по составу, а программа — насыщенной и «многопредметной». Профессор К. Д. Дондуа вел курсы: «Введение в кавказскую филологию», «Грузиноведение» и др., В. Д. Дондуа — «Историю Кавказа», А. Н. Акуляниц и К. Н. Григорян — «Армянский язык» и «Историю армянской литературы», А. Н. Генко — «Общую фонетику горских языков», Р. М. Шаумян — «Лезгинский язык и литературу», Г. В. Турчанинов — «Кабардинский язык и литературу», Л. И. Лавров — «Этнографию Кавказа» [13, с. 15].

25 октября 1935 г. постановлением Президиума АН СССР К. Д. Дондуа была присуждена ученая степень доктора филологических наук за исследования по грузинской филологии и языку; 29 июня 1940 г. постановлением ВАК он был утвержден в ученом звании профессора по кафедре кавказской филологии ЛГУ; 23 апреля 1944 г. — избран членом-корреспондентом АН Грузинской ССР [14, л. 15].

В 1942 г. К. Д. Дондуа был эвакуирован в Ташкент, оттуда он переехал в Тбилиси, где в 1942–1944 гг. работал в должности профессора и декана Филологического факультета ТГУ, и в 1942–1945 гг. — заведующим сектором АН Грузинской ССР.

По возвращении в Ленинград в 1945 г. К. Д. Дондуа возобновил работу в Институте языка и мышления, где руководил объединенным сектором кавказских и иранских языков (до 1950 г.). В 1945 г. он возглавил также кафедру кавказской филологии воссозданного в 1944 г. Восточного факультета ЛГУ и руководил ее работой по 1949 г. Центр изучения кавказских языков в дальнейшем всецело переместился в республики, где к тому времени уже были созданы крупные научные центры и имелись мощные научные кадры.

По архивным данным в 1947/48 учебном году на кафедре обучались студенты по трем циклам: грузинскому, армянскому и горскому. Были группы лингвистов, литературоведов и экономистов, всего десять учебных групп на всех курсах.

Профессор К. Д. Дондуа, кроме названных выше курсов, в разные годы читал: грузинский язык (древний и современный), сравнительную грамматику, историю грузинской литературы (древнегрузинской и нового времени), спецкурсы по грузинской диалектологии и литературе [15, л. 73–83].

Сотрудниками кафедры были также: с сентября 1946 г. (0,5 ставки доцента) В. Д. Дондуа (1895–1969), автор более 70 научных трудов по кавказоведению, востоковедению и византинологии), он читал курсы: «Древнегрузинский язык», «Литературный грузинский язык», «Грузинская палеография», «История Грузии», «История грузинской литературы»; Г. Ф. Турчанинов преподавал: «Кабардинский язык» и «Литературу»; К. Н. Григорян — «Историю новоармянской литературы»; А. Г. Кобахидзе — «Грузинский язык (грамматику, современный грузинский язык, спецкурсы по грузинскому языку)», «Историю грузинской литературы (нового времени)»; И. П. Петрушевский (1898–1977) — «Монгольский период истории Кавказа» (1946/47 уч. год)⁶ [16, л. 49–53] и «Историю народов Кавказа» (в 1948/49 уч. год) [17, л. 95–106].

Еще в 1915 г. крупнейшие профессора В. В. Бартольд и Н. Я. Марр подали записку в Совет и ректору Петроградского университета об учреждении на ФВЯ четырех новых кафедр, в том числе кафедры «коренных горских языков», и обосновывали необходимость изучения языков Кавказа в России, в том числе с точки зрения практического значения [18, л. 1–2].

В конце 1980–1990-х годов декан Восточного факультета в 1961–1995 гг., член-корреспондент АН СССР, доктор филологических наук, профессор М. Н. Боголюбов (1918–2010; с 1990 г. — действительный член РАН, почетный декан и Председатель Диссертационного совета факультета) не раз ставил вопрос перед ректором о воссоздании кавказоведения на Восточном факультете ЛГУ, но вопрос так и оставался нерешенным. Распад СССР со всей очевидностью поставил на повестку дня вопрос о необходимости изучения языков народов Кавказа в востоковедных центрах и ВУЗах России.

В 1996 г. на Восточном факультете СПбГУ была основана кафедра Центральной Азии и Кавказа с циклами: история Ирана и Центральной Азии и история Турции и Кавказа. В том же году при Восточном факультете был создан Специальный Восточный факультет, на котором в 1999 г. был осуществлен набор слушателей на двух-

⁶ А. Г. Кобахидзе с 1945 г. занимал должность доцента кафедры.

годовой платный курс «Арменоведение». На платной основе желающие изучали и грузинский язык.

В 2002/2003 учебном году на кафедру иранской филологии Восточного факультета была принята первая группа студентов отделения Кавказоведения (армяно-грузинская филология), а в 2005/2006 учебном году — вторая группа⁷. На этих отделениях арменоведческие дисциплины читали: доцент Восточного факультета, кандидат исторических наук А. К. Шагинян — «География Армении», «История Армении», «Армянский язык (разговорный, пресса)», и внештатные преподаватели: доктор исторических наук К. Н. Юзбашян — «Введение в армянскую филологию», «Этнография Армении» и «Древнеармянский язык», кандидат филологических наук Мелкумян — «Армянский язык: фонетика, грамматика, лингвистика, разговорный»; кандидат филологических наук И. М. Усачева — «Древняя и средневековая армянская литература»; Л. С. Саркисян — «История новой и новейшей армянской литературы»; доктор филологических наук, профессор О. Дж. Джалилов — спецкурс «Иран и Кавказ (Иран и Армения) с древнейших времен до наших дней: политические, экономические и культурные отношения».

У последующих групп студентов на отделении История Кавказа (Армения) занятия вели: Советник ГК Армении в Санкт-Петербурге Т. Б. Балаян («Армянский язык», «История Армении» и спецкурс «Армения в системе международных отношений»); доктор исторических наук А. С. Мирзоян (Материальная культура Закавказья); Д. С. Мкртчян («Армянский язык» и «История армянской литературы»); В. А. Кагирова-Крылова («Армянский язык», «Введение в грабар»). Грузинский язык этим группам преподает ассистент Д. Кикнадзе, а персидский язык — кандидат исторических наук, доцент А. К. Алексеев и старший преподаватель Т. В. Моносова.

Дисциплины по Грузии преподавали: доцент Восточного факультета, кандидат исторических наук Г. С. Харатишвили («Введение в грузинскую филологию», «География Грузии», «Этнография и культура Грузии, История Грузии с древнейших времен до конца XVIII в.», «Грузинский язык» (разговорный, чтение исторических и этнографических текстов) и спецкурс «Иран и Кавказ (Иран и Грузия) с древнейших времен до наших дней (политические, экономические и культурные отношения)» и внештатные преподаватели: М. Ш. Квачадзе («Грузинский язык» (фонетика, грамматика, теоретическая грамматика, литературные образцы)); кандидат исторических наук, постоянный полномочный представитель парламента Грузии в межпарламентской Ассамблее государств СНГ П. А. Сургуладзе («История Грузии с конца XVIII в. до наших дней»); доктор исторических наук, профессор ТГУ, академик АН Грузии М. Д. Лордкипанидзе (три лекции по историографии и источниковедению Грузии); доцент (ныне профессор) ТГУ Д. Л. Менабде («История грузинской литературы V–XVIII вв.»); научный сотрудник СПбФ ИВ РАН (ныне Институт восточных рукописей РАН) кандидат филологических наук Т. Л. Никольская («История грузинской литературы XX–XIX вв.»).

Летом 2004 г. студенты этой группы, а в 2007 г. и студенты второй группы 5 недель обучались в летней картвелологической школе при ТГУ в Тбилиси, возглавлен-

⁷ В дальнейшем обе группы были переведены на кафедру Центральной Азии и Кавказа. При этом первой группе студентов специализация не была изменена, а вторая и последующие группы стали называться «История Кавказа (Грузия)», «История Кавказа (Армения)», «История Кавказа (Азербайджан)».

ной профессором Э. Хинтибидзе. Практика студентов была обеспечена по предварительному соглашению между ректором ТГУ академиком Р. В. Метревели и деканом Восточного факультета академиком И. М. Стеблиным-Каменским. Пребывание студентов в Тбилиси (обучение, проживание, питание, посещение памятников культуры в разных уголках Грузии) было обеспечено грузинским землячеством в Санкт-Петербурге «Иверия» и его руководителем Б. Д. Какабадзе. Группу сопровождала в Тбилиси и обратно доцент Г. С. Харатишвили.

В 2005/2006 учебном году две студентки первой группы проходили учебную практику-стажировку в Ереванском (сентябрь — декабрь) и в Тбилисском (февраль — май) госуниверситетах⁸. Два студента этой же группы окончили бакалавриат и стали первыми обладателями дипломов по специальности⁹. Со второй группой студентов, переименованной в группу «История Кавказа (Грузия)», занятия вели: доцент Г. С. Харатишвили (все указанные выше предметы и «Историография и источниковедение истории Грузии»); ассистент Д. Кикнадзе («Грузинский язык» (фонетика, грамматика, литературные образцы) и «История грузинской литературы»), доктор филологических наук профессор Л. С. Ермолаева («Грузинский классический текст V–XII вв.», спецкурс «Актуальные проблемы теоретической грамматики картвельских языков» и факультатив «Лингвистическая типология и картвельские языки»).

В 2008 г. планировалась длительная (на 1 семестр или на год) учебная практика-стажировка этой группы студентов в Тбилисский и Ереванский университеты. Но, к сожалению, из-за осложнившихся политических отношений между Россией и Грузией стажировка в Грузию не состоялась. Несколько студентов стажировались в Ереванском госуниверситете.

В 2004/2006 учебном году на кафедре Центральной Азии и Кавказа была принята группа студентов на отделение «История Кавказа (Азербайджан)». Ведущим преподавателем этой группы является доцент этой же кафедры, кандидат исторических наук Акиф Мамед оглы Фарзалиев, который ведет занятия по дисциплинам: «Введение в специальность», «География Кавказа», «История Кавказа (Азербайджан)», «Культура и этнография Кавказа», «Историография и источниковедение истории

⁸ В 2008 г. обе студентки успешно окончили магистратуру. В. А. Крылова окончила аспирантуру и в 2013 г. защитила диссертацию на степень кандидата филологических наук по арменистике.

⁹ 16 декабря 2005 г. Восточный факультет торжественно праздновал 150-летие своего основания в колонном зале Двенадцати Коллегий СПбГУ. После гимна страны почетный декан факультета, академик РАН, профессор М. Н. Боголюбов открыл юбилейный вечер. М. Н. Боголюбов говорил о прочной традиции, заложенной учеными и преподавателями-практиками на Восточном факультете, выразил благодарность прежним и действующему деканам, продолжающим эти традиции.

Декан факультета, профессор Е. И. Зеленев поздравил всех присутствующих с юбилеем и вручил юбилейные медали ректору и проректорам университета, профессорам Восточного факультета, генконсулам зарубежных стран, аккредитованных в С.-Петербурге. Ректор СПбГУ, академик РАН, профессор Л. А. Вербицкая в приветственной речи отметила уникальность Восточного факультета, на котором обучают примерно 100 языкам и диалектам народов стран Азии и Африки, ежегодно выпускающего высококвалифицированных востоковедов.

Были оглашены поздравления высокопоставленных чиновников, послов многих стран Азии и Африки, аккредитованных в РФ. С поздравительной речью выступили послы: Анголы, Индонезии, Турции, Эфиопии, генконсулы Азербайджана и Армении, ученые востоковеды из Москвы и С.-Петербурга, ученые из Грузии, выпускники факультета, работающие в Казахстане, Татарстане и др. Журнал «Санкт-Петербургский университет № 26–27 (3718–3719) от 15 декабря 2005 г. посвящен этому празднику.

Кавказа (Армения)», спецкурсы: «Османо-сафавидское соперничество за Южный Кавказ», «Кавказ и прикаспийский регион в XVI–XVIII вв.», «Этно-социальная ситуация на Кавказе в XIX–XX вв.», «Страны Южного Кавказа в системе международных отношений на рубеже XX–XXI вв.», «Организация туристской деятельности со странами Азии и Африки», «Азербайджанский язык» и другие.

Несколько групп студентов отделений: «История Кавказа (Азербайджан)», «История Кавказа (Армения)» и «История Кавказа (Грузия)» уже окончили факультет. Всем учебным группам студентов, кроме языка изучаемой страны как основной, преподаются персидский и английский языки. Студенты группы История Армении изучают и грузинский язык, группе История Кавказа (Грузия) преподаются и армянский язык, а группе История Кавказа (Азербайджан) — турецкий язык.

Два выпускника этих групп уже завершили обучение в аспирантуре и защитили кандидатские диссертации.

Сокращения

ЦГИА СПб — Центральный Государственный Исторический Архив Санкт-Петербурга

ЦГА СПб — Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга

ЦА СПбГУ — Центральный Архив С.-Петербургского государственного университета

Литература

1. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15772.
2. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15712.
3. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10494.
4. Метревели Р. Иване Джавахишвили и Тбилисский университет. Тбилиси, 1996.
5. Юзбашиян К. Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. М.: Наука, 1964. 158 с.
6. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 46040.
7. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 19537.
8. Мегрелидзе И. В. Иосиф Орбели. Тбилиси: Мецниереба, 1987. 206 с.
9. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 205.
10. Кононов А. Н. Восточный факультет Ленинградского университета // Ученые записки ЛГУ. 1960. № 296.
11. ЦА СПбГУ. Ф. 1. Личное дело кадров ЛГУ. Связка 1. Д. 525.
12. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1307.
13. Турчанинов Г. В. К. Д. Дондуа — ученый и человек // Дондуа К. Д. Статьи по общему и кавказскому языкознанию. Л.: Наука, 1975. С. 11–20.
14. ЦА СПбГУ. Ф. 1. Личное дело кадров ЛГУ. Св. 73. Д. 293.
15. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1240.
16. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1102.
17. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1415.
18. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11135.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2014 г.

Контактная информация

Харатишвили Генрико Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент.

Kharatishvili Genriko S. — Candidate of History, Associate Professor.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 392(510)+398.5(=512.212)

Е. Э. Войтишек, Д. С. Бочкарева

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЧИ ЦЗЫЦЗЯНЬ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ПРАВЫЙ БЕРЕГ РЕКИ АРГУНЬ»)¹

Новосибирский государственный научно-исследовательский университет,
Российская Федерация, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

В статье анализируются особенности фольклора эвенков Китая, рассмотренные на материале романа современной китайской писательницы Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргунь» (2005). Жанровые особенности этнопрозы дают основания анализировать роман не только как художественное произведение, но и во многом рассматривать его материал как ценный историко-этнографический и фольклорный источник.

Широко используя возможности фольклорных жанров (легенды, предания, мифы, сказки, приметы, песни шамана), Чи Цзыцзянь описывает обычаи и обряды эвенков. Подробно рассмотрена группа сюжетов, отражающих особое отношение народа к природе, к культу оленя, к охоте. Проанализированы некоторые ритуальные песни эвенкийских шаманов. Песни шамана, тесно связанные с главными событиями в жизни каждого человека, представляют важную часть фольклора эвенков, сложившуюся под влиянием шаманизма.

В контексте сравнительного анализа фольклорных мотивов народов Сибири и Дальнего Востока большое значение имеет группа похожих сюжетов, преданий и легенд, что свидетельствует о наличии длительных межэтнических и межкультурных контактов многих народов, населявших обширные территории Северной Азии. Библиогр. 17 назв.

Ключевые слова: фольклор, эвенки Китая, Чи Цзыцзянь, роман «Правый берег реки Аргунь», ритуальные песни шамана, этнопроза.

FOLKLORE MOTIVES IN THE CHI ZIJIAN NOVEL THE RIGHT BANK OF THE ARGUN RIVER

E. E. Voytishek, D. S. Bochkareva

Novosibirsk State University, 2, ul. Pirogova, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The paper analyzes the features of the folklore of Chinese Evenki, which were considered in the novel the Right Bank of the Argun river written by modern Chinese writer Chi Zijian (2005). The genre features of ethnic prose give grounds to analyze the novel not only as a piece of art, but also as material presenting valuable historical and ethnographic folklore source. Widely using the possibilities of folklore genres (legends, fables, myths, tales, superstitions, and shaman), Chi Zijian describes customs and traditions closely related to the oral folklore of Evenki. A group of plots reflecting the Evenki's special attitude

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (№ 33.702.2014).

to the nature, fire and fireside worship, and hunting is considered in detail. Shaman songs that are closely related to the main events in each human life are an important part of Evenk folklore, which was influenced by shamanism. In the context of a comparative analysis of folklore motives of Siberian and Far Eastern peoples, a group of similar plots, legends and fables is of great importance. This indicates to existence of long interethnic and cross-cultural contacts of many peoples populating waste territories of Northern Asia. Refs 17.

Keywords: folklore, Chinese Evenki, Chi Zijian, the novel "The Right Bank of the Argun river", ritual shaman songs, ethnic prose.

Чи Цзыцзянь (迟子建) — одна из наиболее известных писательниц современного Китая². Свою писательскую карьеру Чи Цзыцзянь начала в 1983 г. Ее наиболее известные произведения: романы «Под деревом» («树下», 2001), «Утренний колокол звучит до сумерек» («晨钟响彻黄昏», 1997), «Марионеточное правительство Маньчжоуго» («伪满洲国», 2000), «Ясная погода над облаком» («越过云层的晴朗», 2003), «Черный ворон, белый снег» («白雪乌鸦», 2010), «Правый берег реки Аргунь» («额尔古纳河右岸», 2005); сборники рассказов «Сказка об арктической деревне» («北极村童话», 1986), «Путешествие в ночи» («向着白夜旅», 1994), а также сборники прозы и очерков «迟子建文集» и «迟子建散文».

Чи Цзыцзянь по праву называют яркой звездой современной китайской литературы. Сегодня Чи Цзыцзянь — единственная писательница в Китае, которая имеет более трех литературных наград имени Лу Синя (в 1996 г. — первая премия за повесть «Хлев под луной»³ 雾月牛栏; в 1997 г. и в 2000 г. — вторая и третья премии за повести «Убирать пыль чистой водой» 清水洗尘 и «Все ночи во вселенной» 世界上所有的夜晚). Чи Цзыцзянь также двукратный лауреат премии имени Бин Синь⁴, обладательница премии имени Мао Дуня⁵, а недавно она была награждена специальной литературной премией в Австралии. Среди ее наград есть литературные премии за роман, короткий рассказ и повесть.

Несмотря на то что многие произведения Чи Цзыцзянь переведены на английский, французский, японский, итальянский и корейский языки, в России ее имя знакомо пока лишь специалистам в области современной китайской литературы и узкому кругу читателей по некоторым переводам ее произведений на русский язык⁶.

² Чи Цзыцзянь родилась в 1964 г. во время Праздника фонарей Юаньсяо 元宵节, или 灯节 дэнцзе, который отмечается 15 числа 1-го лунного месяца (детское имя — Индэн 迎灯, что буквально означает «встречать Праздник фонарей»). Получив педагогическое образование в провинции Хэйлунцзян, Чи Цзыцзянь в 1987 г. уехала в столицу и поступила в аспирантуру в Пекинском педуниверситете и в Институте литературы имени Лу Синя. После завершения учебы она работала в ассоциации писателей провинции Хэйлунцзян. Сегодня Чи Цзыцзянь занимает пост председателя этого творческого союза и является членом Союза писателей Китая.

³ Премия Лу Синя дается в номинации за лучшую повесть. На русском языке произведение опубликовано как рассказ «Месяц туманов» (пер. А. В. Неклюдовой).

⁴ Бин Синь (1900–1999) — поэтесса и детская писательница. Премия присуждается за достижения в детской литературе.

⁵ Литературная премия Мао Дуня, утвержденная в 1981 г., присуждается за лучшие романы. Премия является одной из наиболее престижных литературных наград в Китае.

⁶ Здесь уместно отметить переводческую деятельность петербургских синологов: рассказ «Горшок свиного жира» (пер. Е. А. Завидовской) в сборнике «Сорок третья страница. Китайская проза XXI века» (2011) и рассказ «Месяц туманов» (пер. А. В. Неклюдовой), опубликованный в сборнике «Месяц туманов. Антология современной китайской прозы» (2007).

Между тем творчество Чи Цзыцзянь характеризуется индивидуальной манерой и яркой жанровой спецификой этнопрозы, что дает возможность рассматривать ее произведения не только с точки зрения художественного вымысла, но и как ценный историко-этнографический и фольклорный источник. Так, отечественные исследователи отмечают, что Чи Цзыцзянь развивает национальную прозу [1, с. 41], и относят ее творчество к направлению «литературы родных краев» [2, с. 61].

Писательница, широко известная своей активной и принципиальной жизненной позицией, в своем творчестве часто обращается к теме малых народов, их самобытной культуре, к теме поисков гармонии в жизни современного общества. Для Чи Цзыцзянь любовь к родине — не абстрактное чувство, не обязательный атрибут гражданской позиции писателя: почти каждое ее произведение, начиная с самых ранних, отмечено яркой печатью национальной специфики. Родные места Чи Цзыцзянь — это северо-восток Китая, дикая природа Большого Хингана, извилистые горы и реки, густые леса. Писательница не только практически исключает из своего поля зрения тему города, но и часто показывает негативную сторону современной цивилизации, ее разрушительное влияние на природу, жизнь отдельного человека и даже на судьбу целого народа [3, с. 29].

Особое место в творчестве Чи Цзыцзянь занимает роман «Правый берег реки Аргунь», за который Чи Цзыцзянь в 2008 г. получила престижную в Китае литературную премию имени Мао Дуня, организованную Союзом китайских писателей. Члены литературной комиссии оценили роман как историко-поэтическое произведение, ставшее ярким событием национальной культуры.

В романе описывается вековая история жизни эвенкийского рода оленеводов и охотников, откочевывавших от Байкала на правый берег реки Аргунь. Эвенки 鄂温克族 *эвэнькэ-цзу* — этнос, который расселился не только на обширных землях Сибири и Дальнего Востока России, но и на территории Китая и Монголии. По мнению Н. Н. Чебоксарова, в Китае большинство эвенков живет в эвенкийском автономном округе Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия и в провинции Хэйлунцзян [4, с. 697]⁷.

По данным китайских исследователей, эвенки Китая представлены тремя группами. Первая группа — солоны 索伦族 *солунь-цзу*, проживающие по берегам реки Хайлар (их основное занятие — скотоводство и земледелие). Вторая группа — тунгусы 通古斯 *тунгусы*, проживающие в хошуне Чэнь-Барга-Ци (рус. Старая Барга, кит. 陈巴尔虎旗 *чэньбаэрхуци*) и занимающиеся кочевым скотоводством. Третья группа — эвенки, сохранившие оленеводство, которых китайцы называют якутами — 雅库特 *якутэ*. Все эти три группы объединены одним языком и общими традициями, поэтому в китайской литературе их принято называть эвенками 鄂温克族 *эвэнькэ-цзу* [6, с. 89].

По мнению отечественных ученых, эвенки Китая представлены четырьмя этнолингвистическими группами, которые объединены в две официальные национальности, проживающие в округе Хулун-Буир во Внутренней Монголии и в провинции Хэйлунцзян: ороконы и собственно эвенки (солоны, тунгусы-яко, хамниганы) [7, с. 11].

⁷ По материалам Д. П. Болотина, на начало 2000-х годов численность эвенков на территории Сибири и Дальнего Востока России составляла около 35, 5 тыс. человек, на территории Китая проживало около 30 тыс. человек, в Монголии — 3 тыс. человек [5, с. 21].

В романе «Правый берег реки Аргунь» описана как раз жизнь группы собственно эвенков, а точнее — оленных тунгусов-яко⁸. Несмотря на то что в Китае эту группу называют 雅库特 якутэ, фактически эвенки-яко не являются якутами. По мнению Е. Ф. Афанасьевой, это эвенки, чьи предки перекочевали из районов реки Лены в Якутии на территорию Китая после революции 1917 г. В настоящее время в КНР это единственная группа, которая сохранила оленеводство как традиционный вид хозяйствования [7, с. 12].

Чи Цзыцзянь наполняет роман описаниями природы, ритуалов, традиционного уклада жизни этого кочевого народа. По мнению литературоведа Чжун Вэй, роман «Правый берег реки Аргунь» — это «шкатулка, в которую писательница собрала сокровища традиционной культуры эвенков Китая» [8, с. 106].

Создавая картину жизни эвенков, Чи Цзыцзянь намеренно обращается к их богатому фольклору. На протяжении долгой истории жизнь эвенков была тесно связана с мифами, легендами, героическими сказаниями, песнями, которые сохраняют в себе накопленные знания этого этноса об окружающем мире⁹. Фольклор в романе выполняет, прежде всего, выразительную, эстетическую функцию, помогая писательнице создать подлинную картину традиционной жизни эвенков. Мифологические сюжеты и песни шамана, представленные в романе, отражают процессы эволюции представлений эвенков об окружающем мире, формирование на их основе определенных правил поведения, ритуалов, табу. Одновременно с этим фольклор (особенно через песни шамана) отражает внутренние переживания героев. Фольклорные сюжеты тесно связаны с судьбами героев романа: духи в эвенкийских мифах влияют на жизнь отдельно взятых героев романа и на жизнь всего племени.

Многие китайские критики и исследователи отмечают, что интерес Чи Цзыцзянь к народным обычаям и фольклору является неотъемлемой характеристикой ее творчества. Так, Ли Хунсю пишет, что роман Чи Цзыцзянь раскрывает богатство, таинственность и многообразие народной культуры эвенков через мифы, легенды и народные традиции, которые органично вписаны в повествование [9, с. 4]. Чжу Хэмэй в монографии, посвященной влиянию фольклора эвенков Аолугуя на фольклорную стихию романа «Правый берег реки Аргунь», отмечает, что Чи Цзыцзянь перед написанием художественного произведения специально изучала культуру, историю и традиции эвенков по книгам, сказкам, легендам. «Прочувствовав красоту устной традиции эвенков, она вплела фольклор в ткань своего романного повествования» [10, с. 4].

Действительно, народные предания эвенков Аолугуя¹⁰ имеют свою богатую традицию. Эта фольклорная стихия оказала немалое влияние на роман Чи Цзыцзянь

⁸ Слово *яко* (йэкэ) происходит от эвенкийского «якут». Е. Ф. Афанасьева связывает с ним понятия «якуты», «Якутия» [7, с. 13].

⁹ Этногенезу, этнической культуре и фольклору эвенков посвящены многие серьезные труды отечественных ученых (см. работы С. М. Широкогорова, А. О. Ивановского, К. М. Рычкова, А. И. Мазина, Г. М. Василевич, А. Ф. Анисимова, Е. Ф. Афанасьевой, М. Г. Турова, М. Г. Левина, В. А. Туголукова, В. В. Карлова, А. А. Алексеева, Д. П. Болотина, З. П. Соколовой, А. М. Кайгородова, Н. В. Лукиной, О. А. Поворознюк и др.) и китайских исследователей (см. работы Цюй Хун 屈红, Ван Мин 王明, Чжан Цзыюнь 张紫云, Лю Чуньлин 刘春玲, Хуан Фэн 黄峰, Бо Яньфэй 柏彦飞, Чжу Хэмэй 祝贺梅 и др.).

¹⁰ Аолугуя (敖鲁古雅) — пригород г. Гэнхэ во Внутренней Монголии. Самое отдаленное место проживания эвенков в Китае, где по сей день сохраняются народные промыслы и традиционное оленеводство.

и на тематическое разнообразие материалов, которые писательница включила в свое произведение. Кроме многочисленных легенд об охотниках и животных, есть предания, которые включают описания мифологических существ и духов, истории отдельных семей, брачные ритуалы и традиции, представления о добре и зле, исторические события и природные явления [10, с. 7].

Однако широкое использование фольклора в романе «Правый берег реки Аргунь» связано не только с художественными задачами писательницы, но и с биографией Чи Цзыцзянь: во многом интерес писательницы к фольклору вызван отдельными фактами ее детства, воспоминаниями о пребывании в деревне.

В одном из интервью на вопрос о том, как повлияло детство на ее творчество, Чи Цзыцзянь ответила, что «детство — это бессмертная звезда, которая освещает всю писательскую жизнь» [11]. Чи Цзыцзянь называет мифы и сказки своими первыми учителями литературы, сетуя при этом, что процесс глобализации постепенно стирает из народной памяти старые традиции, мифы и легенды, а сами люди разрушают природу, с которой когда-то жили в гармонии [12].

Собирая материал для романа «Правый берег реки Аргунь», Чи Цзыцзянь отправилась в места традиционных поселений эвенков. Время, проведенное писательницей вместе с эвенками, можно считать своеобразным опытом полевых этнографических и фольклорных исследований.

Фольклорные материалы, которые Чи Цзыцзянь включает в свой роман, весьма разнообразны: они представлены мифами и легендами о духах и божествах; сказками об охотниках и животных; народными преданиями об исторических личностях; мифами о происхождении племени (рода); легендами, объясняющими происхождение ритуалов; мифами и ритуальными песнями, рассказывающими о том, как шаман провожает душу умершего в загробный мир, и др. Весь фольклорный массив в романе по своей форме и жанровой принадлежности можно разделить на две большие группы. В первую группу входят жанры эпического фольклора (народные предания, мифы, легенды, сказки), вторую группу составляют ритуальные песни шамана [13].

Писательница неоднократно отмечает яркую особенность, находящую свое место и в ритуальной, и в повседневной жизни эвенков: «...почти каждый эвенк умеет петь, а звуки их песен часто безрадостны и унылы, как потоки слез... эвенки рождаются и умирают под звуки песен шамана» [14, с. 264].

Неслучайно писательница включает в роман около десяти ритуальных песен шамана. Наделяя их еще большим эмоциональным содержанием, писательница связывает содержание этих песен с судьбой героев романа — шаманов Ниду и Нихао.

От Ниду и Нихао нередко зависит не только жизнь отдельных героев, но и судьба целого рода. Ниду спасает от смерти девочку и отправляется на поиски ее души — *умай*, исцеляет смертельно раненного японского солдата. Нихао лечит больных детей, молится духам о дожде во время засухи и голода. Шаман должен оберегать свой род, он сталкивается со всеми бедами, которые выпадают на долю сородичей, поэтому судьба шаманов в романе очень трагична. Ниду провожает в другой мир душу женщины, которую он нежно любил, но с которой не мог быть вместе. Нихао за дарованные ей силы лишается своих детей, а потом жертвует собственной жизнью во время одного из ритуалов.

С помощью ритуальных песен, которые исполняют шаманы во время проведения ритуала прощания с душой умершего, Чи Цзыцзянь выражает внутреннюю боль, которую шаман переживает в одиночестве.

Наиболее трагична судьба Нихао — многодетной матери, которая, став новым шаманом племени, стала матерью для всех своих сородичей. Однажды в чум к Нихао принесли мальчика, который упал с высокого дерева. Нихао не могла оставить его без помощи, но за жизнь этого мальчика Нихао пришлось расплатиться жизнью собственного сына. Закончив камлания над больным ребенком, Нихао взяла в руки своего мертвого сына и спела ему последнюю песню:

Малыш, мой малыш,
Ты не должен отправляться в подземный мир.
Там нет солнца, там так холодно.
Малыш, мой малыш,
Ты должен попасть на небо,
Там есть свет,
Сверкающий Млечный путь.
Пусть тебя вскармливает Небесный олень [14, с. 141]¹¹.

Песня, которую поет Нихао, наполнена болью. С одной стороны, она исполняет свой долг. Нихао — шаман племени, и она знает, что все надеются только на ее помощь, поэтому она не может отказаться лечить больного мальчика. В то же время она мать, которая остро переживает потерю своего родного ребенка.

Песни шамана, выполняя экспрессивные функции, являются в то же время частью ритуальных действий, которые описываются в романе. Поэтому в песнях сохраняется связь с некоторыми традиционными представлениями и мифами эвенков.

Например, в песне Нихао есть отсылка к мифологическому сюжету о Небесном олене, распространенному среди эвенков, проживающих в пригороде Гэньхэ в поселке Аолугуя во Внутренней Монголии:

Млечный путь — это след на небе, который остается от саней Небесного оленя и от лыж охотника. Когда небесный дух создавал этот мир, тогда же создал оленя с шестью ногами. Этот олень бежал так быстро, что взлетал на небо. Среди людей не было человека, который мог бы его удержать. Тогда люди попросили Небесного духа поймать этого оленя. Небесный дух отправил одного героя-охотника изловить оленя. Охотник быстро бежал на лыжах за оленем, почти настигнул его, натянул лук и пустил стрелы по его ногам, однако олень по-прежнему быстро несся вдаль. Тогда охотник обратился к Небесному духу: «Обычному человеку не поймать этого оленя, преврати его в четвероногого оленя». Небесный дух исполнил пожелание, и тогда-то охотник, наконец, поймал быстрого оленя, а след от погони остался на небе и превратился в сияющий Млечный путь [15, с. 161]¹².

Олень является особо почитаемым животным для эвенков, оленеводство и охота всегда были традиционными занятиями эвенкийских мужчин. Когда умирал мужчина, часто приносили в жертву оленя, а рядом с захоронением оставляли ста-

¹¹ Фрагменты романа, включая песни шаманов и описание ритуалов и обрядов, даны в переводе Д. С. Бочкаревой.

¹² Пер. Д. С. Бочкаревой.

рые вещи: одежду, охотничий нож, посуду. Эвенки верят, что все эти вещи будут необходимы душе умершего человека в другом мире. Поэтому в своей песне Нихао сравнивает своего сына с культурным героем, легендарным охотником, тем самым показывая, что в другом мире ее сын станет отважным мужчиной.

Кроме песен шамана в романе большое место уделяется народным легендам и традиционным верованиям эвенков. Один из мифологических сюжетов романа рассказывает о происхождении охотничьих ритуалов, связанных с поклонением лесному духу Байнача 百那查.

Дух Байнача довольно часто появляется в мифах и сказках эвенков в качестве старца-помощника, когда герой встречается лицом к лицу с опасностью. Добродушный седобородый старец дает наставления, помогая герою преодолеть жизненные препятствия. Появление этого персонажа всегда таинственно, он часто легко подлетает к герою или неожиданно выходит из-за дерева. Старец обладает удивительной способностью предвидеть события, в его руках находится жизнь людей и природы. В эвенкийских мифах образ седобородого старца — это символ мудрости, предвидения, доброты, милосердия. Вероятно, изначальным прообразом этого старца является почитаемый у эвенков лесной дух-помощник Байнача [16, с. 92].

В романе «Правый берег реки Аргунь» приводится легенда, которая объясняет происхождение горного духа Байнача:

Давным-давно зимой вождь одного племени собрал охотников и отправился в горы на охоту зверя. Во время охоты они заметили, что из расщелины в большой горе раздаются какие-то странные звуки, похожие на звериный вой, охотники сразу же окружили гору и стали готовиться. Вождь спросил охотников племени: как вы думаете, сколько там зверей? Но никто из охотников не знал. Вдруг появился один добродушный седобородый старик, он не только сказал, сколько зверей на горе, но и сказал, что это за звери, сколько точно оленей, собак и зайцев находится на горе. Закончив говорить, старик повернулся и ушел, но никто ничего не заподозрил. В конце второго дня вождь приказал людям идти подсчитать пойманную добычу. На самом деле выяснилось, что старик был прав. Вождь повелел найти седобородого старца, но тот исчез, и следа не осталось. Тогда вождь подумал, что старик был горным духом, который распоряжался всеми животными. Поэтому на том дереве, из-за которого неожиданно появился старик, вырезали лицо седобородого старца. После этого случая охотники стали приходить к этому дереву и совершать обряды жертвоприношений [14, с. 41].

Миф о духе Байнача отражает формирование верований и обрядов, связанных с промысловой деятельностью, цель которых — обеспечить успех в охоте и рыболовстве. Кроме того, он показывает, что промысловая деятельность эвенков не только обеспечивала их существование, но и являлась источником развития религиозных представлений, основанных на осознании существования факторов, не зависящих от воли человека [13].

Отдельным сложным вопросом историко-этнографических и литературоведческих исследований можно считать фольклорные сюжеты и образы, заимствованные эвенками в процессе длительных контактов с коренными народами Сибири и Дальнего Востока. О. Б. Арчакова и Л. Л. Трифонова отмечают наличие в народном творчестве эвенков влияние якутского, бурятского, русского, китайского фольклора, а также фольклора других народов Севера и Дальнего Востока [17, с. 6].

Проявление этих культурных и бытовых контактов с соседними народами отражено и в романе Чи Цзыцзянь. Имеются в виду многочисленные примеры из китайского фольклора с характерным персонажем — белой лисицей-оборотнем; заимствования из преданий ороченов — о том, как олень научил эвенка останавливать кровь с помощью целебной травы; описания общения с русскими крестьянами, с которыми эвенки вели торговлю (эвенки называли их *андак* или *анда*, что означает «друг», «товарищ» — отсюда появилось понятие *андачить*, т. е. «торговать»)¹³, и многие другие.

Таким образом, Чи Цзыцзянь осознанно и целенаправленно использует в романе фольклорные мотивы, искусно вплетая в ткань повествования эвенкийские мифы, предания, песни шамана, народные приметы. При включении фольклорных элементов в роман Чи Цзыцзянь прибегает к прямому цитированию сюжетов, заимствованных из фольклора эвенков, а также активно использует художественно переработанные фольклорные мотивы. Такие приемы и подходы дают для современной литературы Китая новые образы и сюжеты, предоставляя возможности, связанные со сравнительными исследованиями мифологических сюжетов из фольклора сибирских и дальневосточных народов, включая ханьцев. Чи Цзыцзянь, сполна используя жанровую специфику этнопрозы, в своем творчестве поднимает актуальную тему сохранения традиций и этнической самобытности малых народов в условиях глобализации экономики и культуры.

Литература

1. Рябченко О. Н. Литература Северо-Востока КНР в период реформ // Ойкумена. 2009. № 3. С. 40–50.
2. Аюшеева Н. Г. Место «литературы родных краев» в творчестве современной китайской писательницы Чи Цзыцзянь // Вестник БГУ. 2010 (8). С. 61–64.
3. Ма Шуцзюань. Lun Chi Zijian xiaoshuo chuanguo zhong de tongnian qingjie [马淑娟. 论迟子建小说创作中的童年情结]. О детстве в произведениях Чи Цзыцзянь. 2011. 46 с.
4. Народы Восточной Азии [Peoples of East Asia] / под ред. Н. Н. Чебоксарова. М.: Наука, 1967. 1047 с.
5. Ду Дяньвэнь. Aoluguya ewenke — zhongguo zuihou de xunluren [杜殿文. 敖鲁古雅鄂温克 — 中国最后的驯鹿人 // 《文明》]. Эвенки деревни Аолугуя — последние оленеводы Китая // Пекин: Культура, 2001 (1). С. 88–95.
6. Афанасьева Е. Ф. Эвенки Китая // Тунгусо-маньчжурские этносы в новом столетии / материалы всероссийской конференции с международным участием. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. С. 11–21.
7. Чжун Вэй. Jianglun “Eergunahe youan” zhi shengming guan [钟玮. 简论《额尔古纳河右岸》之生命观 // 时代文学]. Об отношении к жизни в романе «Правый берег реки Аргунь» // «Современная литература», 2012 (4). С. 106–107.
8. Болотин Д. П. Происхождение амурских эвенков // Краеведение Приамурья. Периодический сборник. Благовещенск: Изд-во Благовещенского госпедуниверситета, 2008. № 3. С. 21–31.
9. Ли Хунсю. Lun Eergunahe youan. [李红秀. 论《额尔古纳河右岸》 // 文艺争鸣]. О романе «Правый берег реки Аргунь» // Споры о литературе и искусстве. 2007 (12). С. 4–9.
10. Чжу Хэмэй. Aoluguya ewenke-zu koutou chuantong dui “Eergunahe youan” chuanguo de yingxiang [祝贺梅. 敖鲁古雅鄂温克族口头传统对《额尔古纳河右岸》创作的影响]. Влияние фольклора эвенков Аолугуя на роман «Правый берег реки Аргунь», 2010. 65 с.
11. Чи Цзыцзянь. Yi ge zuojia de tongnian jingyang, keyi shouyong yi sheng [迟子建. 一个作家的童年经验, 可以受用一生] (Детский опыт писателя можно использовать всю жизнь) // 中国作家

¹³ Русские торговцы в романе именуются *анда* *аньда*: «Лолинский — русский торговец-аньда, каждый год, по меньшей мере два раза, он приходил в наше родовое стойбище» [14, с. 24].

网 (中华读书报) URL: <http://www.chinawriter.com.cn/2011/2011-05-31/107041.html> (дата обращения: 12.02.2014).

12. Чи Цзыцзянь. Zhe ge shidai hai xuyao shenhua ma? [迟子建. 这个时代还需要神话吗? // 迟子建散文 (人民文学出版社), (北京)]. Нужны ли в нашем веке мифы? // 道客巴巴 URL: <http://www.doc88.com/p-685404136955.html> (дата обращения: 24.11. 2013).

13. Войтишек Е. Э., Бочкарева Д. С. Этническая культура эвенков Китая (по материалам романа Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргунь») // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 5: Археология и этнография.

14. Чи Цзыцзянь. Eergunahe yoran [迟子健. 额尔古纳河右岸 (北京十月文艺出版社2006年1月)]. Правый берег реки Аргунь. Пекин: Шилюэ вэньи чубаньшэ, 2006. 278 с.

15. Ван Личжэнь. Ewenke-zu shenhua yangjiu [汪立珍. 鄂温克族神话研究 (中央民族大学出版社)]. Исследование мифологии эвенков. 2006. 339 с.

16. Ван Личжэнь. Ewenkezu yingxiong shenhua zhong de renwu xingxiang fengxi [汪立珍. 鄂温克族英雄神话中的人物形象分析 // 民族文学研究]. Анализ образов персонажей героического фольклора эвенков // Изучение народной литературы. 2009 (3). С. 91–93.

17. Арчакова О. Б., Трифонова Л. Л. Мифологические предания эвенков. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2006. 283 с.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2014 г.

Контактная информация

Войтишек Елена Эдмундовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник;
orient@lab.nsu.ru

Бочкарева Дарья Сергеевна — магистрант; orient@lab.nsu.ru

Voytishek Elena E. — Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Studies,
Humanitarian Faculty; orient@lab.nsu.ru

Bochkareva Darya S. — graduate student; orient@lab.nsu.ru

Е. Е. Завьялова

ЭФФЕКТ МЕРЦАНИЯ В НОВЕЛЛЕ ХУСРАВА БАБАХАНИ «РУСАЛКА»

Астраханский государственный университет,
Российская Федерация, 414056, Астрахань, ул. Татищева, 20А

В статье рассмотрены закономерности построения новеллы «Русалка» современного иранского писателя Хусрава Бабахани. Перечисляются основные изобразительные приемы, отсылающие к эстетике импрессионизма. Ведущий принцип структурной организации произведения определяется автором статьи как мерцание, под которым подразумевается ритмическое повторение сходных мотивов, образов, признаков на разных уровнях художественного текста. Библиогр. 2 назв.

Ключевые слова: иранская литература, новелла, Хусрав Бабахани, мотив, символ, художественная система, метаморфозы, мерцание.

THE FLICKER EFFECT IN THE NOVEL OF KHUSRAW BABAKHANI "MERMAID"

E. E. Zavyalova

Astrakhan State University, 20A, ul. Tatischeva, Astrakhan, 414056, Russian Federation

The research material was the mystic novel "Mermaid", created by contemporary Iranian writer Khusraw Babakhani (born 1959, Tehran). The purpose of research was the identification of patterns of building this prose miniatures. The article lists the main visual techniques which allude to the aesthetics of impressionism. The leading principle in the structural organization of works is defined by the author as flickering. The motive of flicker found in the descriptions of the water surface, air, fish scales and in the portraits of the main character — the mermaid. Dispersed glow is associated with mystery, mysticism, otherworldly reality. Landscapes painted by writer are very dynamic. Universal undulatory moving creates a phantasmagoric picture of continuous movement and transformation. The composition of the work is also based on the principle of flickering. Separate elements of the literary text, images, words are repeated. There are examples of sentences that contain contact pickups-tiebacks, their "graphic image" comparable with wave-like movement. "Fuzziness", semantic mobility is demonstrated on the trope level of the text, because in some cases the words are included at the same time in the statement and in the metastatement, relate to the living and nonliving, the clips link seemingly incompatible fragments. These juxtapositions allow us to talk about the idea of metamorphosis, which is characteristic for the mythological tradition. Vague, dynamic forms, transitions from one state to the other refer to the poetics of the irrational, to the idea of universal unity. Refs 2.

Keywords: Iranian literature, novel, Khusrav Babakhani, motive, character, artistic system, metamorphosis, flickering.

Материалом для исследования в данной статье стала фантастическая новелла «Русалка» современного иранского писателя Хусрава Бабахани (р. 1959). Цель принятых разысканий — выявление закономерностей построения этой прозаической миниатюры.

В ходе анализа новеллы мы пришли к выводу, что содержание «Русалки», а точнее ее образный ряд, дублируется на формальном уровне произведения путем воспроизведения сходных по принципу организации элементов. В результате дифференцированные и автономные части целого получают внутреннюю упорядоченность, согласованность. Текст произведения буквально «прошивается» системой парадигматических отношений, образуя в конечном итоге сложную целостную структуру. Докажем это.

I. Нарисованные в «Русалке» картины наполнены воздухом, прозрачным блеском, движением; все это характерно для живописи импрессионистов. Писатель передает нюансы солнечного освещения в его взаимодействии с водной поверхностью. См., например, как последовательно разворачивает он мотив сверкания в двух фрагментах из начала новеллы: «[река] ...блестела (I) и переливалась (II) на солнце, подобно длинному узкому шелковистому (III) ковру, на синем фоне которого был изображен иллюзорный, чарующий пейзаж с тысячами тысяч *скользящих* по нему *золотистых* (IV) цветов» [1, с. 115–116]; «на поверхности воды там всегда виднелась тонкая *маслянистая пленка нефти* (I). *Солнечные лучи разбивались* (II) о большие и маленькие *дрожащие нефтяные пятна* (III) и сияли (IV) *радужными отблесками* (V)» [1, с. 115].

Мы полагаем, что для характеристики изображенных Х.Бабахани пейзажей очень подходит лексема «**мерцать**» («светиться неровным, колеблющимся светом; слабо блестеть, отражая свет» [2, с. 535]). Способы воспроизведения мотива мерцания в описаниях водной поверхности многообразны: «...волнующиеся, *сверкающие* объятия [реки]» [1, с. 115]; «вода... *вздыхалась золотистым полугребнем*» [1, с. 116]; «...она [река] колыхалась короткими прерывистыми волнами под *водопадом солнечных лучей*. Казалось, что по воде *безостановочно движется* какая-то *огненная полоса*» [1, с. 118]. Принцип импрессионистического изображения используется и в ночных зарисовках: «...*дорожка лунного света*» [1, с. 126], «лунный свет *высвечивал* гребни волн. Они были светлыми, матово-серебристыми и состояли из *мельчайших частиц*. Когда же они опадали, их *свечение меркло* и растворялось в ночи. Вся река, насколько ее можно было охватить взглядом, была объята этой *игрой света и цвета*» [1, с. 124] и т. п.

В контексте раскрываемого вопроса важно, что свойство «мерцание» распространяется писателем и на другие объекты: воздух (в небе «то и дело *вспыхивали*... невидимые частички» [1, с. 116]), тела рыб («лунный свет *преломлялся* в чешуйках, словно в тысяче тысяч маленьких зеркал, и они *светились*» [1, с. 128]) и даже кровь («...кровь, которая была гуще воды и *блестела*» [1, с. 126]). Но чаще всего мотив мерцания встречается в описаниях русалки: ее хвоста («*золотисто-красного* цвета, красного и *золотистого*, *вперемешку*» [1, с. 119]), волос («цвета *золота* или расплавленного *металла* — нет, скорее цвета солнца» [1, с. 119]), лица («светлое и *сияющее*, как *луна*» [1, с. 125]), глаз (цвет которых «*переливался* от ярко-зеленого до темно-зеленого и до синего-пресинего» [1, с. 119]), а также ее подарка — ожерелья, составленного «из десятков одинаковых по величине *переливающихся* разноцветных раковин всевозможных оттенков...» [1, с. 122], раковин, «похожих на десятки крошечных *звездочек, сверкавших* на груди ночного неба» [1, с. 128]. Вода, луна, морская раковина — все это символы женственности, красоты, жизнеутверждающей силы; распространяемое ими свечение ассоциируется с тайной, мистикой, потусторонней реальностью, откровением.

II. Другое — «**физиологическое**» — значение лексемы «мерцать» актуализируется во фрагментах, связанных с описанием состояния героев новеллы. Мерцать — «производить частые колебательные движения; вибрировать» [2, с. 535]. Примечательно весьма частое для столь небольшого по объему произведения упоминание слова «сердце». Сердце «разрывается» [1, с. 117], «замирает» ([1, с. 121, 125], «сжи-

мается» [1, с. 126], «конвульсивно сжимается» [1, с. 118]. С одной стороны, налицо устойчивые обороты, традиционно определяющие эмоциональное состояние персонажей. В то же время необходимо отметить главенствующую в подобных словосочетаниях семантику физического — мышечного — сокращения, т. е. опять-таки мерцания. Х. Бабахани неоднократно передает переживания героев с помощью «овнешненных» описаний, обращаясь к воспроизведению физиологических реакций на стрессовую ситуацию. См., например: «Он [’Али] часто дышал» [1, с. 117], «’Али несколько раз глубоко и шумно вздохнул. Его грудная клетка, словно сухая и хрупкая картонная коробка, раздулась и опала» [1, с. 117].

Последняя цитата особенно знаменательна, потому что совмещает «анатомическую» характеристику («грудная клетка... раздулась... опала») с образным сравнением («словно сухая и хрупкая картонная коробка, раздулась... опала»). Прилагательное «сухой» означает и отсутствие влаги (применительно к материалу, картону), и худощавость, обнаженность, омертвелость, вкупе со словом «хрупкая» сообщая образу главного героя признаки слабости, уязвимости, незащищенности. При этом заключительная часть фразы («раздулась и опала») в равной степени может быть отнесена как к определяемому объекту («грудная клетка»), так и к определителю («картонная коробка»); в последнем случае неживой предмет обретает антропоморфические признаки. «Нечеткость», семантическая подвижность формулировки порождает своеобразную интерференцию, при которой слова входят одновременно в высказывание и в метавысказывание, относятся к живому и неживому. По сути, это то же мерцание, только **на тропеическом уровне** текста.

Жанр новеллы предполагает остросужетность, и «Русалка» весьма динамична. Активно не только повествование о событиях, сам окружающий мир предстает перед читателем в явлениях и процессах. И в этом контексте вновь стоит возвратиться к описаниям реки. Х. Бабахани подчеркивает: «Вода в реке была спокойной». И тут же, в следующем предложении, отмечает: «Шаловливые *танцующие* волны слегка *бороздили* поверхность воды, на полотне которой с каждой волной *вырисовывался* завиток, вслед за ним *появлялся* другой — и так они *шли один за другим* до самого берега. *Движение* волн в ночи было необычайно захватывающим и очаровывало» [1, с. 124]. Прочитируем еще несколько фрагментов: «...она [река] *колыхалась* короткими *прерывистыми* волнами» [1, с. 118], «волны *обрушивались* на лодку и *захлестывали* ее» [1, с. 128], «*волнующиеся*... объятия [реки]» [1, с. 115], «*волнение* на реке» [1, с. 128] (в последних примерах писатель в очередной раз использует полисемию: движение волн сопоставляется с сильной тревогой, душевным беспокойством героев — их волнением).

С волнами сравниваются волосы русалки. Вновь стоит отметить необычайную динамичность описаний: «Ее волосы мягко *двигались* вслед за волной и сами становились *волнистыми*» [1, с. 119], «...прядь ее волос *все время скользила* по ее лицу» [1, с. 119], «Копна взъерошенных волос, запутавшихся в ячейках сети, *как волна*, как облако, *закрывала* временами лицо» [1, с. 125]. Глаза девушки не просто движутся — они «*скользят*... словно белок яйца... словно большая капля масла на воде...» [1, с. 119]. Подвижны даже дома в городе: «здания и магазины... *плывут* в... *мареве*» [1, с. 115]. Заметим: строения «плывут», глаза «скользят», словно «на воде». Это всеобщее волнообразное движение создает фантасмагорическую картину непрерывного перемещения и превращения.

III. На принципе мерцания основана и сама композиция художественного текста. Следует отметить частые случаи контактных **повторов-подхватов**. См.: «'Али же, как всегда, *заплыл* очень *далеко*. Так *далеко*, что теперь казался просто пятнышком. Мы с Бехзадом *далеко* не *заплывали*, держались у берега, где было неглубоко» [1, с. 115]; «Так громко и с таким радостным подъемом звучали непонятные вызывавшие *дрожь* слова, что это заставляло *содрогнуться*» [1, с. 125]; «'Али был хорошим *пловцом*. Мы не знали, когда и где он научился *плавать*. Он будто родился *пловцом*» [1, с. 115]. Тавтологию позволительно объяснить сказовыми интонациями новеллы: повествование ведется от лица школьника, которого охватывает беспокойство, ведущее к повторениям слов, — это смысловая функция подхватов. Но «графический рисунок» подобных «возвращений» вполне можно соотнести с волнообразным движением и с мерцанием.

В тех случаях, когда одинаковые элементы текста повторяются через более длинные интервалы, целесообразно вести речь о **рефренах**. Перечислим наиболее важные из них.

1. Образ цементных ступеней, на которых после купания греются герои новеллы: «на ведущих к реке цементных ступеньках» [1, с. 115], «на цементных ступеньках» [1, с. 122], «на цементную ступеньку» [1, с. 117], «на шершавых цементных ступенях» [1, с. 115]. Своей статичностью, тяжеловесностью, грубостью они противостоят большинству других элементов художественной картины мира, представленной в произведении Х.Бабахани. Цемент — один из древнейших строительных материалов искусственного происхождения, и упоминание этой цивилизационной реалии приносит в произведение идею стандартизации, механистичности, рационализма.

Небезынтересно, что с указанным образом соотносится мотив окаменения, появляющийся при обрисовке основных персонажей «Русалки»: «Его ['Али] лицо посинело, а слабые мышцы его щек *затвердели*, будто *окаменели*» [1, с. 117]; «...я был парализован. Мышцы мои *затвердели* и *онемели*» [1, с. 126]; «...мы сидели с Бехзадом, как два *каменных* изваяния» [1, с. 126]; «оцепенев, точно *камни*» [1, с. 127].

2. Еще одним знаком цивилизации является образ маслянистой жидкости, пропитавшей борта кораблей, разлитой по воде. Засаленность неоднократно отмечается как один из наиболее типичных признаков промысловых судов: «Это были *грязные* пропитанные *маслом* деревянные суда» [1, с. 121]; «Эта шхуна походила на пропитанную *маслом* черную стену крепости страшных великанов-дивов» [1, с. 124]; «...через стену их пропитанной *маслом* крепости» [1, с. 126]; «...за черным *промасленным* бортом шхуны» [1, с. 128]. «На поверхности воды там [у берега] всегда виднелась тонкая *маслянистая* пленка нефти» [1, с. 115]. От этой грязи в реке тяжело заболевает русалка [1, с. 120].

Парадоксальным, на первый взгляд, кажется тот факт, что в описаниях самой героини новеллы также присутствуют сравнения с маслом: «У нее глаза были как будто... как будто *маслянистые*» [1, с. 119]; они «спокойно скользили, <...> словно большая капля *масла* на воде...» [1, с. 119].

3. Образ крови. Впервые он упоминается в тексте как бы «от противного»: рассказчик с Бехзадом разглядывают ошеломленного дрожащего 'Али, ожидая увидеть на его теле следы ужасных укусов акулы, но не находят «ни единого пятнышка *крови*» [1, с. 116]. Это служит своеобразным предвестием убийства русалки, свидетелями которому приятели становятся позднее: «С того места, где мы были, мы легко

могли различить *кровь, кровь*, которая была гуще воды и блестела; *кровь*, которая вырывалась наружу, текла к морю и сливалась с ним» [1, с. 126]. Ниже повествователь вновь упоминает про отданную «на волю волн» [1, с. 127] кровь морской пери, изображает «дрожащую *окровавленную* руку» чудесной девушки [1, с. 127] и «*окровавленный*» [1, с. 128] рот большого тунца, оказавшегося на борту шхуны вместо волшебного существа (о том, что это преобразившаяся пери, свидетельствуют копыя, все так же торчащие из тела и хвоста рыбыны). Финальным аккордом, в очередной раз возвращающим к теме убийства, звучит описание реки: после всего произошедшего каждый раз, когда приятели приходят к берегу и глядят вдаль, им видится вода, обогренная «*кровью*» [1, с. 128].

Во всех приведенных примерах повтор сходных мотивов, образов, признаков придает стройность композиции произведения, текст приобретает особую структурированность. Скерепы связывают, казалось бы, принципиально несовместимое: «дрожащие нефтяные *пятна*» [1, с. 115] и фигурку пловца, кажущуюся на воде «черным *пятнышком*» [1, с. 115, 121]; «мистическую *дымку*» [1, с. 115], исходящую от плавающего асфальта, «*пелены* какого-то тумана» на реке [1, с. 125] и «тонкую *пелену* смерти» [1, с. 128] на уцелевшем глазе умирающей рыбыны. Живое каменеет, а каменное становится живым. Повествователь упоминает про «влажное лицо» [1, с. 127] реки, «стан» [1, с. 128] ночи, а грудь главного героя, протагониста сравнивает с «картонной коробкой» [1, с. 118].

Перечисленные «сближения» позволяют говорить об идее метаморфозы, столь характерной для мифологической традиции. Расплывчатые, динамичные формы, переходы из одних состояний в другие отсылают к поэтике иррационального, к мысли о всеобщем единстве Вселенной. Не случайно новелла завершается возвращением к описанию подарка русалки — ожерелья из раковин. В исламе считается, что витая раковина ловит звук и усиливает его, чтобы в целостности донести наставительное слово Всевышнего. Переливающиеся раковины подаренного украшения похожи «на десятки крошечных звездочек, сверкающих на груди ночного неба» [1, с. 128]. Эти последние слова новеллы Х. Бабахани вновь актуализируют мотив мерцания, связывая его с темой тайны, вечности и Божественной истины.

Литература

1. Бабахани Х. Русалка / пер. с перс. Е. К. Ивановой // Современная иранская проза: антология иранского рассказа: в 2 т. / отв. ред. И. А. Алимов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. Т. 1. С. 115–128.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2014 г.

Контактная информация

Завьялова Елена Евгеньевна — доктор филологических наук, доцент, профессор;
zavyalovaelena@mail.ru

Zavyalova Elena Evgenievna — Doctor of Philology, Associate Professor, Professor;
zavyalovaelena@mail.ru

Ю. А. Кузнецова

ТРАДИЦИЯ АНТИУТОПИИ В ДРАМЕ ГАО СИНЦЗЯНЯ «ДРУГОЙ БЕРЕГ»

Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, 11-1

В пьесе «Другой берег» (1986) Гао Синцзянь (1940), яркий представитель экспериментального театра КНР начала 1980-х годов, представил своеобразную антиутопию, в которой со всей очевидностью определяется точка невозврата к компромиссным, осторожным решениям в плане выбора и разработки «чувствительных» тем, которые можно наблюдать в его прежних пьесах «Абсолютный сигнал» (1982), «На остановке» (1983) и «Дикарь» (1985). Драматург, наследуя и трансформируя жанр антиутопии, создает социально-философскую трагедию недостижимого другого берега — мира иллюзорного, но одновременно имеющего свой прототип в обществе, где властвует диктатура масс. В статье анализируются механизмы функционирования жанра антиутопии в пространстве пьесы и предлагается интерпретация ее центральных образов в формировании многоуровневого конфликта произведения. Библиогр. 12 назв.

Ключевые слова: традиция, антиутопия, драма, власть, личность, массы, бегство, Другой берег.

TRADITION OF ANTI-UTOPIA IN GAO XINGJIAN'S PLAY "THE OTHER SHORE"

J. A. Kuznetsova

IAAS, 11-1, ul. Mokhovaya, Moscow, 125009, Russian Federation

Gao Xingjian (1940), an outstanding representative of experimental theatre in China at the beginning of the 80s, in his drama "The Other Shore" (1986) displays an original anti-utopia. In terms of the subject matter the play marks the point of no return to treading carefully with "sensitive" topics, as it could be seen in his previous plays "Absolute Signal" (1982), "The Bus Stop" (1983) and "The Wild Man" (1985). The playwright followed the genre of anti-utopia and transformed it into a socio-philosophical tragedy — an illusionary world rooted in a society ruled by masses. The paper explores specific functioning of anti-utopian genre within the play and interprets its pivotal figures based on how they form the play's multilayered conflict. Refs 12.

Keywords: tradition, anti-utopia, drama, power, personal identity, masses, escape, the Other shore.

Если жанр утопии¹ в литературе Китая — это традиция не менее богатая, чем европейская², то прецеденты создания антиутопии, по сути, практически отсутствуют: с некоторыми (серьезными) оговорками к ней можно отнести: «Дневник сумас-

¹ «Утопия в качестве литературного жанра описывает художественную реализацию мечты об идеальной политико-социальной модели мира, исходящей из критики существующих отношений и основанной на принципе надежды. Устойчивый набор художественных черт жанра: замкнутость пространства, ограниченность места действия, дидактичность, акцентуация общественного, а не личного начала, некая абстрактность, обобщенность в структурировании реальности» [1, с. 11].

² Утопия как комплекс устремлений к идеальному социальному устройству оформилась в произведениях европейской литературы: Т. Мор «Утопия» (1516, написана в жанре публицистики), Т. Кампанелла «Город солнца» (1623), Ф. Бэкон «Новая Атлантида» (1627), С. Сирано де Бержерак «Иной свет» (1657), Э. Кабе «Путешествие в Икарию» (1840), У. Моррис «Вести ниоткуда» (1891) и др.; материалы по данному вопросу в китайской литературе см. [2, с. 177–193]; Д. Фоккена на объемном материале китайской утопической художественной, философской и социально-политической литературы исследует генезис и развитие концепта идеальной страны/политической системы от Конфуция до Мао Цзэдуна, от «Персикового источника» Тао Юаньмина (365–427 гг.) до «Чудесного острова» Линь Юйтана (1955) [3].

шедшего» (1918) Лу Синя и «Город кошек» (1933) Лао Шэ. Причины этого кроются в том, что для создания и утверждения жанра антиутопии необходимы определенные условия, детерминированные не только авторским мироощущением, но и самим историческим моментом. Антиутопические/дистопические сюжеты приходят в литературу в конце XIX — начале XX вв., в эпоху стремительного развития науки и тревожного предчувствия социально-политических и военных катаклизмов, когда идея обретения земного рая обратилась в весьма осязаемую формулу леворадикальных революционных преобразований; антиутопия как литературный жанр, помимо всего прочего, требует наличие свободы художественного слова, чего с 1930-х годов в Китае не наблюдалось в силу систематического давления на литературу идеологии КПК. В этом смысле идея антиутопии — достояние современной художественной мысли европейской цивилизации, которая критически переосмысляет мечту утопий. В 1930-е годы на западе появляется целый ряд романов-предупреждений гротескно-сатирического характера и антиутопий: «Самодержавие мистера Паргема» (1930) Г. Уэллса, «У нас это невозможно» (1935) С. Льюиса, «Война с саламандрами» (1936) К. Чапека, «О дивный новый мир» (1932) О. Хаксли и др.; в 1949 г. выходит культовый роман Дж. Оурэлла «1984».

Современное филологическое знание как на Западе (М. Hillegas, G. Kateb, Ch. Walsh), так и в России (В. А. Чаликова) предприняло попытки развести понятия позитивной утопии (антиутопии) и негативного его аналога (дистопии). Структурные особенности первой заключаются в диалектическом отрицании идеала утопии: ее пессимизм и гротескно-сатирическая образность, куда вливается серьезный элемент фантастики, отталкиваются от будущего сомнительного счастья, которое предстает в виде «принудительного арифметического благополучия социальной единицы, переставшей быть личностью». Например, в романах Е. Замятина «Мы» (1920) и О. Хаксли «О дивный новый мир» фиксируется идеал утопии как он, отчасти, виделся французским социалистам-утопистам А. Сен-Симону, Ш. Фурье, Э. Кабе — «беспорочный» мир материального достатка и равенства (или внеконфликтной классовости, основанной на евгенике), но с поправкой на «оборотническую» природу любого мыслимого идеального конструкта, который на практике оборачивается в свою противоположность. Залогом существования мира, искусственно отгороженного от любого непредусмотренного вмешательства и запрограммированного на монолинейное потребление гарантированного «счастья», становится отсутствие уникальной личности, таящей в себе хаос творчества и способной подорвать наличествующий порядок. В связи с этим герои антиутопий несут в себе скрытый анархический заряд, они принципиально опасны своим внутренним диссидентским потенциалом, стремящимся к открытой форме протеста. Герой Хаксли требует права на несчастье: на старость, уродство, бессилие, права на сифилис и рак, на недоедание, на вшивость и тиф; героиня Замятина мечтает «содрать с людей цивилизацию и выгнать голыми в леса. Пусть научатся дрожать от страха, от радости, от бешеного гнева, от холода, пусть молятся огню» [4]. Антиутопия, будучи антижанром, вступает с утопией в пародийные отношения, в художественном плане здесь происходит замена знаков с «положительного» на «отрицательный»: пародируется морально-дидактическая риторика утопии, представляющая картины всеобщей любви, единства и равенства людей, живущих в мире счастья и материального достатка [5, с. 13]. Из этого описания литературной специфики жанра антиутопии очевидно то, что

он по сути — метафора высокой степени индивидуального сознания, стремящегося защитить себя от проектов «тотальной» общественной гармонии, обособиться от других в своем жизненном пространстве.

Дистопия фокусируется на изображении будущего социально совершенного зла; но исходит она из критики наличествующей реальности, которая или уже порождает неприемлемые социальные отношения, или заключает в себе все предпосылки для порождения монструозного бытия. В связи с этим дистопия не пародирует идеал утопии, «она — не враг рая, точнее, она не может решиться на обличение рая, когда на земле — ад, не может иронизировать над добродетелью перед лицом торжествующего порока» [6, с. 49].

Гао Синцзянь выстраивает свою пьесу «Другой берег» (彼岸 Биань) в рамках диалогического взаимодействия антиутопии и дистопии, в этой заданной системе художественных координат драматург отталкивается от данности прошлого КНР (начало 1930-х — конец 1970-х годов), в частности от дискурса «Культурной революции» — утопического проекта создания Нового Китая, закончившегося масштабным экономическим и культурным кризисом; и от перешедшего в 1980-е годы комплекса коллективизма, идеологии «служения народу». Гао пользуется «оптикой» дистопии лишь в качестве отправной точки, на этом ее функция исчерпывается. Антиутопия обнаруживает себя двояко: в ревизии сюжета обретения земного рая/другого берега как в виде осязаемого общего счастья, так и в форме трансцендентного идеала; в аксиологической переакцентуации ролей частного лица и коллектива. Гао уходит от создания детально прорисованной модели политического режима тоталитарного государства, в фокусе его внимания многоуровневое исследование механизма давления и влияния массового сознания на сознание индивида через художественную взаимосвязь классических героев данного жанра: Человека, Массы и фигуры-Лидера.

Гао выстраивает свою пьесу на проблеме самостоятельности человеческого мышления в условиях ее внешнего ограничения; драматург представил нового героя — человека, «спасающегося бегством» от толпы в надежде сохранить свое Я³. Новаторские приемы подхода к формированию и определению нового героя (субъекта) через отношения взаимоисключающих, противоположных категорий личной свободы-ответственности/подчиненности толпе и круговой поруки, посредством проецирования вовне «запутанного лабиринта» его подсознательных страхов и желаний в китайской литературе в означенное время квалифицировались как табуированные. «Поиск нового субъекта в мире безликой толпы, — по замечанию Н. К. Хузиятовой, — обозначил рубеж между доктринальной литературой и новой литературой периода “реформ открытости” <...> между свободой и несвободой, между типажом как клеточкой социализированной группы и личностью, выделившейся из толпы и отстаивающей свое “я”, личностью, тесно связанной с автором и конкретными особенностями его мировосприятия как творящего субъекта» [7, с. 4–5].

«Открытая форма» драмы представляет сюжет как монтаж разрозненных, прерванных элементов, обладающих разным объемом, но по своему содержанию повторяющих в различных вариациях главную тему «бегство Человека от Толпы».

³ Здесь можно говорить о субжанровой разновидности антиутопии — эупсихии, выстроенной на страхе героя потерять свою личность, где жажда самоутверждения оборачивается отношением к равенству как к злу.

Мы проанализируем базовые единицы-сцены в их последовательности, с тем чтобы а) увидеть, как традиция литературного жанра антиутопии выражается в драматической ткани; б) определить своеобразие «персонажной сферы» (термин В. Е. Хализева), в) выявить природу существующих конфликтов.

Прелюдия к переходу на Другой берег

В «Другом берегу» получил дальнейшее развитие саморефлексирующий театр, который Гао представил в своих предыдущих пьесах («Дикарь», «Монолог»), во многом опираясь на традиции эпического театра Брехта. Вместе с определенными театральными приемами метадрамы⁴, имманентными самому тексту, а не внесенными в представление извне режиссером, форма углубляла проблему властного дискурса, направляя ее в русло экзистенциальной драмы человека.

В первой сцене-преамбуле устанавливалась квазиреальность пространства репетиции: актеры начинали упражнение-игру с веревками, которая постепенно обретала черты, имитирующие механизмы связи людей в социуме, где есть подавляемые и подавляющий. Веревка превращалась в символ авторитарной силы, в инструмент контроля и подчинения, с ее помощью актер стремился обозначить специфику межличностных отношений посредством физического влияния на своего партнера.

Использование «фрейма», рамочной организации композиции, позволило драматургу подготовить зрителей к восприятию антиутопии «другого берега»: его идейное наполнение указывало на вневременное, метафизическое существование проблемы власти и неизбежной покорности ей. Правда, Гао со всей осторожностью обходит этот вопрос: в ремарках к пьесе он сосредотачивается на сценическом воплощении метатеатральной конструкции. По его замечаниям, она представляет гибкую возможность развить пластику актеров, их воображение; когда в начале происходит преднамеренная фиксация на иллюзии происходящего, а в конце эта иллюзия полностью рассеивается: «Актеры начинают болтать между собой, на сцену доносятся разные шумы: крик ребенка, шум заводящегося мотора, звук капающей воды из крана, где-то воеет серена скорой помощи. / Какой милый котенок / Я где-то тебя уже видел... / Почему ты уходишь? / Пьеса скучная, мне не интересно. / Какие у тебя планы на завтра? / Как насчет того, чтобы поужинать вместе? (Занавес)» [8, с. 92].

Актеры также обладают дополнительным резервом времени для того, чтобы войти и выйти из своих ролей. Концептуально пояснения Гао к «Другому берегу» больше похожи на квинтэссенцию, извлеченную из манифестов Арто в книге «Театр и его Двойник» и идей Ежи Гротовского о «бедном театре». Это послесловие в виде заметок к пьесе — обычная практика для драматурга — обнаруживает его желание скорее рассуждать о внешней стороне драмы, нежели говорить о ее весьма провокативной идейной составляющей. Предположительно, такое нарочитое отвлечение от содержания свидетельствует о мощном субверсивном потенциале смыслообра-

⁴ Метадрама выстроена вокруг рефлексии о структуре спектакля; она отражает модернистскую идею о театрализации пьесы, в ее основе заложен поиск нового сценического языка, основанного на принципе актуализации игровых концепций. Здесь совершается артикуляция отношений между актером и его ролью, реальностью и иллюзией. Примером может послужить драматургия Б. Брехта, Л. Пиранделло, Ж. Ануя, С. Беккета, Ж. Жене и др., где многогранно формулируются игровые концепции восприятия действительности.

зов драмы: видимо, драматург хотел вывести за пределы усиленного внимания саму идею насилия над индивидуальностью и тем самым защитить свое произведение от потенциальной угрозы цензуры и запрета. Таким образом, семантика фрейма, несмотря на пояснения драматурга, прежде всего остается в границах проблемы властного дискурса, а не предлагает решения для развития актерского мастерства. Более того, текст весьма проницаем для обозначенной нами интерпретации:

Актер, играющий с веревками. Я прошу вас взять этот конец веревки. Видите, таким образом, между нами устанавливаются отношения. До этого Ты был Ты, а Я был Я. Но когда между нами веревка, мы оказываемся связаны друг с другом, мы превращаемся в Ты и Я. Если мы оба побежим в разные стороны, то я буду сдерживать тебя, а ты меня. Мы как два кузнечика, привязанные к одной нити, — оба не можем убежать друг от друга.

Если я переброшу эту веревку на спину и потяну еще сильнее, ты будешь как мертвая собака. Случится то же самое, если ты обрешь контроль над веревкой: ты сможешь управлять мной, словно бы я был тягловой лошастью [8, с. 12–13].

Важно отметить, что те сравнения, которые генерируются в процессе игры, движутся от внешних ассоциаций анималистического характера к телу, далее — к сфере языка и мыслей: «Связанные веревкой, мы словно мухи, попавшие в паутину, или пауки. Веревка подобна нашим рукам, или нашим импульсам, она словно язык, она подобна нашим взглядам, подобна нашим мыслям» [8, с. 15]. Такая логика и порядок выстраивания сравнений указывают на полное проникновение и заполнение физического и ментального полей человека множеством разнообразных нитей-отношений с другими. Эта исходная данность не может быть нарушена или изменена, так как она есть основа миропорядка на уровне функционирования коллектива, где абсолютная автономность индивида немыслима, следовательно, исключена из программы⁵.

Помимо того, что в первой сцене фрейма определяется основная тема пьесы — неизбежность быть управляемым или управлять кем-то, невозможность изменить этот двусторонний тип отношений будучи частью коллектива, — через нее, как через призму, преломляются последующие сцены-картины. В результате раскрывается обширное интерпретационное поле для зрителей, где точкой отчета и важной опорой для толкования смыслов драмы становится именно символическое действие игры с веревками.

Художественный мир антиутопии

Картина перехода актеров-персонажей через реку в поисках Другого берега располагается на границе рамочного пространства: этот акт трансцендентального характера отделяет события репетиции, заложенные во фрейме, и маркирует начало представления.

⁵ Несколько коротких, но предельно емких по своему содержанию строк, определяющих характер данного явления, написала Мэйбел Ли в своем предисловии к роману «Чудотворные горы»: «Существование другого решает проблему одиночества, но поселяет в сознание человека беспокойство, потому что в любых отношениях заложены определенные формы борьбы за власть. Это экзистенциальная дилемма» [9].

В вечном поиске и устремлении человека к идеальному обществу существует серьезное недовольство имеющимся положением вещей. Поэтому игра с веревками, предположительно, может быть развернутой метафорой мира, который людей тяготит и угнетает, побуждает их искать альтернативу вне заданного образа существования. Вопрос, который ставит драматург и проверяет его всем возможным набором ситуаций в своей драме, касается экзистенциальной философии личности и обращается к проблеме свободы индивида от абсурдного мира, где ему навязываются определенные стереотипы мышления и поведения.

В системе художественной образности драмы первостепенным значением обладает Другой берег — аллюзия, отсылающая нас к буддийской философии, согласно которой человек может перейти от берега страданий к берегу просветления путем совершенствования в себе шести добродетелей-парамит: щедрости, нравственности, терпеливости, мужественности, способности к созерцанию и мудрости. Далее, переправа через реку, если мы обратимся к символике мировой культуры, предлагает нам широкий круг значений: от вод забвения реки Стикс к христианской культуре, где через крещение водой даруется новая жизнь во Христе. В любом случае, это действие упраздняет прошлый чувственный опыт, определяет рубеж, за которым чистое сознание готово вместить в себя новое содержание: примечательно, что в пьесе персонажи в темных водах теряют свой язык и память. Оказавшись на неизвестном берегу — пространстве между оставленным и искомым-недостижимым мирами, — они на время становятся лишь пустыми бессознательными формами, в которые божество не вдохнуло еще разумную жизнь. Принципиальная невозможность людей осуществить задуманное, остановка на полпути в неведении, без языка, без ориентиров — это фатальная несводимость умозрительного представления об идеале к его реализации, проекции вовне, когда он неминуемо подвергается искажениям. Затем она раскроется в трагической «прикрепленности» людей к своему прошлому — к памяти о прежнем мире, и табула rasa вновь наполнится привычным содержанием прежнего порядка.

Женщина — своеобразная архетипическая фигура Матери-прородительницы — возвращает людям знание языка, тем самым оживляя их. Но в языке проявляется сфера коллективного бессознательного: глубинная природа человека, которая неподвластна «перекодированию», тяготеет к заложенному в ней инстинкту насилия и стадности. В процессе реконструкции языка в пьесе каждый персонаж, его высказывания, поведение предопределяются анонимными общими понятиями и интересами. По мнению Генри Чжао, «Другой берег» недостижим, так как люди должны использовать язык, чтобы создавать связи; сам язык разрушает индивидуальное мышление, потому что основывается на социально принятых кодах. Другими словами, «взаимодействовать с другими людьми означает быть втянутым в связи принуждения и насилия»⁶ [10, с. 139]. Язык в пьесе, с одной стороны, выполняет

⁶ Г. Чжао ясно определяет проблему, которую интуитивно чувствовал Гао и к осмыслению которой подошел в художественном мире пьесы, — вопрос репрессивной функции языка, детально разработанный в неклассической философии структуралистами (Ж. Лаканом, Р. Бартом, Ж. Дерридой). Согласно Д. Э. Гаспарян, сложность вызвана тем, что опыт мысли и опыт слова разлажены уже с самого начала. Ибо мысль (внутреннее переживание) свершается как индивидуальный внутренний опыт, но слова, в которые мы могли бы его упаковать, всегда уже экстериоризованы и социализованы (языковой код) — это не мои слова, но слова Другого. Механизм десубъективации вступает в свои права через речь: «говорить» — значит, растворившись в языке, перестать быть собой. См.: [11, с. 296–310].

функцию объединения персонажей в Толпу, закрепощает их в монолитной области конформизма, а с другой — становится настоящим оружием в их руках. Теперь «безликие они» могут извращать объективный смысл событий и лепить из податливой словесной реальности те смыслы, которые, как им кажется, отражают действительность происходящего:

Толпа. Она коварная, она учит нас словам, чтобы потом разговаривать с нашими мужьями и соблазнять их. Она кажется доброй и милой, но, кто знает, может, она развратница. Она пытается соблазнить наших мужей! Она сеет раздор среди наших братьев!

Женщина — жертва не столько своего дара людям — языка, сколько своей индивидуальности, погибает, задушенная толпой. То, что изначально дано как благо (речь как способность общения друг с другом), переходит в свой отрицательный предел: закрепляется в форме деиндивидуализированных реплик, повторяемых множеством, и выполняет охранную функцию от индивидуально осмысленного вмешательства. Поэтому выражаемое толпой удивление касательно содеянного и отчуждение всех от убийства посредством редуцируемых вопросов и ответов — способ восстановить равновесие внутри. Не-я эквивалентно не-мы, что автоматически приводит к аннулированию преступления — рассеиванию конкретной личной ответственности в абстракции круговой поруки. Таковы первые штрихи в психологическом портрете толпы, где все поступки отчуждаемы от отдельно взятого человека посредством пространства других.

— Мертва. Мертва? Мертва? Она мертва! Поспешно отступают от трупа. Ты убил ее? Ты?

— Нет, он начал.

— Ты первый закричал! Я делал как вы, а вы все кричали. Кто первым закричал «хватите ее, разденьте ее, задушите ее»?

— Мы все кричали. Я кричал, потому что ты был первым. Я кричал, потому что вы все кричали.(...) Я не делал этого. Я тоже. Я тоже. Я тоже этого не делал. Я тоже этого не делал. Не я. Не я.

— Я не делал этого [8, с. 20].

На этом этапе драматург выводит на первый план главного героя пьесы — Человека, для оформления оппозиции толпа-индивидуальность — это типичный ход в построении антиутопии, когда, с одной стороны, требуется показать силу большинства (политической системы, корпорации и т.д.), с другой — бесконечно малую личность, обладающую критическим мышлением и осознающую себя в категориях я-другой-другие. В драме Гао осознание Человеком того факта, что он не хочет существовать в толпе, что «смешение нечистой и спокойной совести», которое позволяют себе остальные, для него неприемлемый компромисс с самим собой, есть причина конфликта антиутопии. Однако следует оговориться, что сама суть конфликта не в восстании против большинства: для Человека важно принципиальное отмежевание от других, выход в пространство своего собственного жизненного поиска и спасение себя от неусыпной опеки толпы. Слабый сомневающийся герой, обретающий свою индивидуальность в бегстве от навязываемой ему роли Мессии, в антиутопии представляет собой яркую антитезу герою-борцу.

Человек. Мы убили ее, к чему эти вопросы? Это ты, он, я и мы все вместе. На этом пустынном берегу она дала нам язык, но мы не знали, что к нему нужно относиться с осторожностью, она принесла нам мудрость, но мы не знали, как ей воспользоваться.

Толпа. Нам нужен лидер, как стаду овец нужен пастух. Мы последуем за тобой.

Человек. Я ненавижу вас, я ненавижу себя <...> куда я вас поведу? Я даже не знаю, куда сам хочу пойти [8, с. 21].

Далее весь событийный ход драмы будет выстраиваться как физическое и метафизическое бегство героя за пределы коллективной воли. В наборе ключевых сцен, фрагментарных по сути, но целостных по объему художественной идеи, представленной в них, реализуется авторская позиция, ироничная по отношению к традиционному для китайской литературы соцреализма корпусу нравоучительных текстов. К его интегральным характеристикам можно причислить тенденциозность, идейность и до неправдоподобия идеализированные характеры главных положительных героев. С начала 1960-х годов прославление в лозунгах и художественных произведениях подвигов образцовых солдат и рабочих, в ряду которых звучали имена Лэй Фэна [雷锋], Чжан Сыдэ [张思德], Оуян Хая [欧阳海], Ван Цзе [王杰], Ли Вэньчжуна [李文忠] и др., показавших беззаветную преданность партии, идеологии Мао и своему народу, превратилось в стандартную практику выхолащивания индивидуальности из культурного пространства страны. Антикарнавал драмы Гао пародирует эту «дурную» утопию, мифологизирующую реальность, представляющую искаженную картину единого верного, героического пути, по которому следуют основные герои — ведущий и ведомые.

В своей пьесе Гао демифологизирует эти отношения: инструментарий иносказательных тропов активно используется в создании мрачного зрелища, где Человек и Толпа неизменно со-пребывают в ситуациях экзистенциального выбора или личного действия — ответственности или пассивного подчинения. Обратимся к сцене игры в карты, обладающей таким же аллегорическим смыслом, что и игра в веревки: они сходятся в своей состязательной сущности, где по правилам победа закрепляется за физической/психологической силой авторитета. Сила авторитета Ведущего игру в карты заключена в убеждении каждого из участников игры в его честности, в то время как он сам, обладая привилегией устанавливать правила, нарушает их. Козырная карта, пики, в руках у Ведущего — она же и единственная во всей колоде: людям осталось вынимать некозырные карты и проигрывать, не осознавая, что исход предопределен и выбора у них никогда не было. Связанные вместе властным обманом, они подчиняются воле этой темной фигуры, закрывая свои лица белыми листами бумаги — исчезновение личности и ее интеграция в массу себе подобных оформляется в тексте метафорой белого листа — пустого места. Позиция Человека, ментально дистанцировавшегося от остальных, проявляется как желание сохранить свою целостность, откуда проистекает способность здравомыслия и критической оценки происходящего, но личный выбор становится глубоко вторичным фактом, когда жизнь Человека подвергается угрозе. Страх по-иному расставляет приоритеты: толпа, рассерженная тем, что он отказывается принимать некозырную карту за козырную, ложное за действительное — как их уверил Джокер, а они с готовностью поверили⁷, — насильно заставляет несогласного принять их сторону:

⁷ «Как только язык переходит в акт говорения, он немедленно оказывается на службе у власти.

Мужчина. Но я помню... эта карта... она не была козырной...
 Послушная девочка. Ты не можешь сделать из пик некозырную карту. Что с тобой? Пожалуйста, подумай.
 Мужчина. Может, это и были пики...
 Послушная девочка. Тогда почему ты сказал, что это была не козырная карта?
 Мужчина. Я думаю, что возможно, она была не козырной...
 Послушная девочка. Но то, что возможно, необязательно правда.
 Толпа. Мы не хотим никаких «возможно»! Мы хотим «да» или «нет»! (Они бьют себя в грудь и топают ногами). Говори! Громче! Тебя не слышно! Ты должен сказать однозначно!
 Мужчина. Пи...это были...пики...(падает на колени) [8, с. 30].

Для Гао множество априори является негативным понятием⁸, вбирающим в себя устойчивые характеристики двух взаимносообщающихся моделей поведения: толпа, представляющая угрозу, уничтожающая и стирающая лица тех, кто не включен в ее структуру, и толпа, управляемая — уничтожаемая, поработанная фигурой-Лидером. Аллегория в данном случае раскрывается как миниатюра общества тоталитарного типа со всеми главными персонажами: а) фигурой-Лидером, б) языком манипуляций, творящим метаморфозы с объективной реальностью, в) массой людей с единым кодом поведения, г) одинокой личностью, сокрушенной страхом.

Когда в пространство Человека вторглась воля других, а язык показал свою несостоятельность в описании действительности, метафизическое бегство героя в пьесе превращается в то новое пространство, где смыслы обнаруживаются за пределами озвученного, в минималистическом стиле оформления диалогов, где пустоты вербального общения восполняются «разговором» рефлексирующего сознания. Так, психологический портрет главного персонажа конструируется посредством сложной и многомерной структуры его под/сознания, где преференция отдана суггестивности образов. Технически эта проблема решается через инкорпорирование в текст сцены холодного самонаблюдения 静观 (цзингуань: сама идея была позаимствована драматургом из медитативных практик чань-буддизма), оформленной в параллельно действующих фигурах монаха, нараспев читающего «Алмазную сутру», и героя, погруженного в ритм самосозерцания. Этот композиционный прием — художественная находка драматурга⁹ — позволяет обнажить те изломы жизни Человека, которые опосредовали желание бегства не столько на внешнем (категоричное отрицание толпы), сколько на глубоко личном (попытка уйти от мучительных страстей своего Я) уровне.

В нем с неотвратимостью возникают два полюса: полюс авторитарного утверждения и полюс стадной тяги к повторению» [12, с. 549].

⁸ Перефразируя Сунь-цзы, можно сказать: природа/сущность толпы изначально злая (чжунсин бэнь э, 众性本恶).

⁹ Гао предлагает медитацию как альтернативу сну в силу концептуально важного для всей пьесы обстоятельства: сновидец не преследует иных целей, кроме сна, в то время как медитация не цель, а средство достижения цели. Волевое устремление героя совершить тот трансцендентный акт перехода, который закончился радикальной неудачей в первой картине, находит свое выражение в ситуации сосредоточенной рефлексии, самоуглублении, которая по сути должна стереть границу между субъектом и объектом и освободить героя от желаний, страданий и привязанностей.

Однако стоит заметить, что по своей функции онейросфера (особая художественная реальность, характеризующаяся образностью, конкретно-чувственной формой, символической насыщенностью и множеством вариантов интерпретации) оказывается в пьесе тождественна медитации.

Механизм продуцирования образов медитирующего сознания Человека тождествен логике появления и смены сновидческих образов, трансформация которых заключается в раскрытии потенциала наполняющей их доминантной эмоции. Она ведет к разрушению исходного образа, сопровождающегося рождением нового — принадлежащего уже другому сновидению. Обрывочные воспоминания Человека — ссора и разрыв с отцом, первая любовь, желание женского тела и его недоступность, первое столкновение с насилием и первая ложь — перетекают одно в другое, связанные именно логикой доминантной эмоции душевной боли. Пороговое состояние медитации оперирует языком символов и, подобно сну, требует дешифровки увиденного. Интерпретационный круг значений художественных образов отца, плачущей девушки, стены, у которой избивают героя, в воспоминаниях сводится к видимому и чувствуемому миру насилия — он цепко держит Человека, замыкает его в одиночестве и мучениях, не предоставляя возможности выхода вовне. Экзистенциальный конфликт, эксплицируемый в ситуации невозможности личного спасения, выводит проблему достижения трансцендентного идеала/утопии за пределы временных и пространственных категорий человеческой жизни, что переводит пьесу из регистра социальной в регистр духовной антиутопии.

В финальных сценах личная трагедия недостижимости Другого берега, эта центристская сила, подавляющая героя, качественно изменяется в центробежный импульс волевого преобразования реальности. Но самочинная акция Человека по переустройству мира демонстрирует полную обреченность подобных намерений. Сложная метафорика заключительной части изоморфна иносказательной образности всей пьесы и свидетельствует об уклонении драматурга от описаний в реалистическом модусе в пользу символически насыщенной субстанции текста, что, в свою очередь, позволяет ему вывести драму на уровень философской абстракции. Обращение к тексту пьесы дает достаточно оснований для вышеобозначенных теоретических заключений.

Alter-ego героя — его Тень — передает ему ключи от двери; за ней под черными покрывалами Мужчина обнаруживает манекены. Он расставляет их по определенной схеме, затем меняет ее, все больше и больше погружаясь в работу. Он быстро движется между манекенами и в какой-то момент оказывается зажатым между ними, превращаясь в составную часть той схемы, которую сам выстроил. Между тем куклы оживают и перестают повиноваться ему — удручающее воплощение нового мира оказывается репрессивным и бунтующим по отношению к своему создателю (репликация в ином ключе темы поиска идеала и обретения на практике контридеала; сравните в первой части драмы две конфликтующие идеи: стремление людей к земному раю и их природную невозможность его достижения). Ключ к потайной двери, открыв которую, Мужчина чувствует себя словно Создатель, оживляющий бездушную материю, оказывается ключом к пониманию того, что ничего нельзя изменить: за этой дверью-рубежом громоздятся изломанные, искаженные контуры утопического идеала. Лишь после долгих усилий Мужчине удастся «выползти оттуда, как червяку», оставляя за собой толпу оживших манекенов, с ужасным шумомдвигающихся по кругу.

Заключительная сцена с манекенами выражает недоверие драматурга к слову, образы самодовлеют и вымещают за свои пределы гипотетический монолог героя. Гао заявляет сюжет с запретным содержанием, в котором однозначная критика кон-

кретного исторического момента, как это наблюдается в жанре «дум о прошедшем» (фаньсы 反思), а еще раньше — в «литературе шрамов» (шанхэнь вэньсюэ 伤痕文学), преодолевается и замещается рефлексией, устремленной к онтологической проблеме человека: разладу между бытием идеальным и реальным — что находит свое выражение в художественном языке антиутопии.

С этой позиции Гао осуществляет переход от традиционного осмысления травматического переживания «Культурной революции» в художественных произведениях предшественников к освоению нового типа героя и конфликтных ситуаций. Драматург подключает инструментарий символистской драмы, чтобы расширить диапазон интерпретационного поля смыслов, заложенных в пьесе: конструируемая социально-духовно-философская антиутопия постулирует мир и находящегося в нем героя в виде неразрывной взаимосвязи социального насилия и потерянного слабого индивида, не имеющего возможности не только физического бегства, но и трансцендентного спасения от навязанного и ощущаемого как зло миропорядка.

Литература

1. Шадурский М. И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: проблемы жанровой поэтики и семиосферы. М.: ЛКИ, USSR, 2007. 162 с.
2. Воскресенский Д. Н. Литературный мир средневекового Китая. М.: «Восточная литература» РАН, 2006. 622 с.
3. Fokkema D. Perfect Worlds. Utopian Fiction in China and the West. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2011. 448 с.
4. Замятин Е. Мы. URL: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0050.shtml
5. Русская теория: 1920–1930-е годы. Материалы 10-х Лотмановских чтений / сост. и отв. ред. С. Зенкин. М.: Изд-во РГГУ, 2004. 318 с.
6. Чаликова В. А. Утопия и свобода. М.: Весть-ВИМО, 1994. 184 с.
7. Хузиятова Н. К. Модернистские тенденции в творчестве китайских писателей 1980-х годов как поиск идентичности в контексте глобализации: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 226 с.
8. Gao Xingjian. Bi'an. Taipei: Lianhe Wenxue, 2001.
9. Lee M. Preface to Soul Mountain. URL: <http://www.austlit.com/gao/soul-mabel-lee.html>
10. Zhao H. Gao Xingjian and Chinese Theatre Experimentalism. London: School of Oriental and African Studies, 2000. 230 p.
11. Гаспарян Д. Э. Введение в неклассическую философию. М.: Росспэн, 2011. 400 с.
12. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2014 г.

Контактная информация

Кузнецова Юлия А. — аспирант; juliacaesar27@mail.ru

Kuznetsova Yulia A. — post graduate student; juliacaesar27@mail.ru

Ю. А. Куприянова

ОБРАЗ НОВОЙ ЖЕНЩИНЫ КИТАЯ СЕРЕДИНЫ XX века В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧЖАН АЙЛИН

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Исследование посвящено анализу произведений одной из четырех величайших китайских писательниц XX в. — Чжан Айлин (1920–1995). Практически во всех работах Чжан, более известной на Западе как Эйлин Чан, главным действующим лицом является современная жительница крупного мегаполиса, ежедневно сталкивающаяся с меняющейся действительностью и социальными противоречиями Республиканского Китая. Работы писательницы отражают изменения в положении женщины в семье и обществе в XX в., повествуют о непростых судьбах новых женщин Китая. Богатое наследие писательницы помогает по-иному взглянуть на проблему женского движения середины XX столетия: увидеть то, о чем умалчивали сборники законов и идейно окрашенные киноленты. Библиогр. 19 назв.

Ключевые слова: китайская литература, литературный образ, Китайская Республика, социальные конфликты, гендерная история, Чжан Айлин.

EILEEN CHANG'S NOVELS: THE IMAGE OF THE CHINESE NEW WOMAN IN THE MIDDLE OF THE 20th CENTURY

Yu.A. Kupriyanova

National Research University Higher School of Economics,
20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation

The article examines series of novels written by the one of the most popular Chinese women writer of the 20th century — Eileen Chang. The author analyzes social and cultural changes taking place in the later period of Chinese Republic. Through the detailed analysis of Chang's novels it can be seen that practically in all her works the main protagonist is a modern woman living in the big city and trying to play a new role in the family and society. The stories of numerous female characters help us to reveal main social conflicts and contradictions of Chinese society of 1940s. Sophisticated female characters show that in many ways Chinese woman was unable to adjust to rapid social change. While during the study period many city women acquired the new right to education and work, obtained a new legal status, their minds still continued to be subordinate to the old Confucian ideology. Refs 19.

Keywords: Chinese literature, literary character, Republic of China, social conflicts, women studies, Eileen Chang.

Чжан Айлин — одна из самых известных китайских писательниц XX в. Первая половина ее жизни, вплоть до иммиграции в США в 1955 г., прошла в крупнейшем городе Восточной Азии того времени — Шанхае. Начав публиковать произведения еще в подростковом возрасте, по-настоящему знаменитой она стала в 23 года. Первую популярность в среде шанхайских интеллектуалов ей принесли повести «Любовь, разрушающая города» [1] и «Записки о золотом замке» [2], а вышедший сборник «Новеллы» лишь закрепил ее статус литературного гения. Последовавший спустя год сборник «Пересуды» [3], впервые изданный в 1945 г., также как и другие книги Чжан, был раскуплен всего за несколько дней. Почти на десятилетие Чжан Айлин стала признанной королевой в культурных кругах Шанхая и Гонконга. Но ей было не суждено долго купаться в лучах славы. В предисловии ко второму изданию сборника «Чуаньци» она написала пророческие слова о том, сколь мимолетна слава: «Да, стать известной

нужно как можно раньше, иначе не испытаешь всей радости от этого. Скорее, скорее, немного промедлишь, уже опоздал, опоздал!» [цит. по: 4, р. 284]. После переезда писательницы в США в материковом Китае ее быстро забыли: ее творчество совершенно не соответствовало идеям и задачам строительства молодой КНР.

В первые два сборника Чжан Айлин вошли очерки и эссе, затрагивающие вопросы творчества, культуры мегаполиса, быта горожан. В «Пересудах» Чжан «увековечивает виды и звуки оккупированного Шанхая и Гонконга, перемежая их изучением городской культуры, литературных течений, домашних привычек и исторических событий» [5]. Многие из описанного было свойственно жизни именно этих двух культурных центров и не находило отражения в других частях страны в тот период. Лео Ли в книге «Шанхайский модерн» говорит о творчестве писательницы как о воплощенной действительности Шанхая: «Шанхайский модерн неотделим от Чжан Айлин, ее работы полностью растворяются в нем» [6, р. 95]. При этом Ли Оуфань — известный китайский литературный критик и исследователь современной культуры Китая, указывает на то, что работы Чжан застали период постепенного угасания ярких особенностей городской культуры Шанхая, поэтому ее произведения могут служить своеобразным завершением, подведением итогов развития шанхайского стиля в культуре, искусстве, стиле жизни горожан докоммунистического Шанхая [4, р. 290]. Чжан Айлин зафиксировала на страницах своих произведений ускользающую историю полуколониального мегаполиса. Она назвала свой второй сборник «люянь», что обычно переводится на русский язык как «сплетни», «пересуды». Однако, как заметила Николь Хуан в своем предисловии к английскому переводу сборника, у этого понятия существует и другая коннотация: «Сама писательница вкладывала иной смысл в данную фразу, которая может быть переведена еще и как “текущие слова” — нечто, созданное на злобу дня, не способное сохраниться надолго» [7, р. 11].

Атмосфера полуколониальных мегаполисов, явившаяся результатом взаимодействия культур Востока и Запада, наложила значительный отпечаток как на художественные, так и на публицистические работы Чжан Айлин. Объектами творчества писательницы становились, как правило, простые горожане, которые жили бок о бок с ней в атмосфере суеты и шума столицы, чаще всего это были женские персонажи. В очерках раскрывается ее женский мир, аналогичным образом, читая повести и рассказы, читатель знакомится с калейдоскопом характеров и судеб героинь разного возраста, достатка и социального происхождения, которые пытаются найти свой жизненный путь, балансируя между довлеющей традицией и новыми веяниями культуры. В работах писательницы сильно ощущается дух времени. На страницах произведений разворачиваются истории о *новых женщинах* Китая первой половины XX в.

Важной особенностью женских образов, о которых писала Чжан Айлин, является их тесная связь с биографией писательницы. Многие черты характера и бытовые ситуации, в которых оказываются героини, не являются плодом авторского вымысла, а отражают жизненный опыт самой писательницы или ее ближайшего окружения. Сильное влияние на женские портреты, созданные Чжан в повестях и рассказах, оказали родная мать и мачеха писательницы, юные одноклассницы, получившие престижное западное образование в Женском колледже Святой Марии, прогрессивные студентки Гонконгского университета и ее шанхайские подруги — Су Цин и Янь Ин. Все эти реальные женщины, встретившиеся на пути писательницы, сформиро-

вали в ней определенное восприятие женщины поздней Китайской Республики, что нашло непосредственное отражение в художественных образах.

Пороки старого общества постоянно фигурируют в сюжетах романов. В ее книгах о жизни китайских женщин в столичных городах 30–40-х годов XX в. встречаются истории семей, где дочь в выборе своего жизненного пути вынуждена по-прежнему руководствоваться волей отца или братьев, хотя это и противоречит новому законодательству и духу времени. Судьбы героинь раскрываются через конфликт с будущим супругом, которого выбирают для них члены семьи в погоне за материальной выгодой или повышением социального статуса. Во многих произведениях описываются сложные внутрисемейные отношения, в которых отцы, братья, а порой и матери девушек воспринимают их как дорогой товар, который нужно выгодно продать: «Дочери — это затратные статьи для семьи; это товар, на котором ты теряешь свои деньги; но при этом красивые дочери не всегда так плохи» [8, р. 193]. Писательница показывает, что под нажимом родственников удивительным образом сама женщина порой воспринимает себя и свое тело как товар, как капиталовложение, которое может помочь ей лучше устроить собственную судьбу [9].

Для многих женских персонажей брак — это не союз любящих сердец, а прежде всего — гарантия материального благополучия, возможности удовлетворять свои желания за чужой счет. Героиня повести «Оковы» [10] тратит всю свою жизнь, чтобы получить свидетельство о браке. Подобны ей и одна из сестер романа «Связь длиною в полжизни» [11] по имени Гу Маньлу, и героиня «Повести о золотом замке» [2] Цао Цицяо. Законный брак для этих женщин — лишь средство достижения материального благополучия без ущерба для собственной репутации. Героиня повести «Любовь, разрушающая города» Бай Люсю после первого неудачного замужества стремится к новому браку, но не ради любви, а ради материальной независимости. Ее будущий жених по фамилии Фань, понимая истинные мысли молодой женщины, говорит в одной из сцен: «Ты ведь всецело полагаешь, что замужество — это не что иное, как долгосрочная проституция...» [1, с. 225]. Цао Цицяо на протяжении своей жизни заводит множество знакомств, живет с разными мужчинами, но каждый раз не достигает желаемой развязки, оставаясь в статусе любовницы. Более того, она препятствует свадьбе по любви собственной дочери, настаивая, чтобы та в вопросе брака руководствовалась разумом (или расчетом), а не чувствами. В конечном счете, мать толкает дочь на тот же путь, что прошла сама. Создавая образы этих героинь, для которых брак в идеальной своей форме представляется выгодной денежной сделкой, писательница показывает, насколько сильно женщина по-прежнему была зависима от воли мужчин, а точнее, от их способности дать ей желаемое: «Женщины постоянно забывают одну важную вещь: все их образование непрестанно учит, что нужно быть крепкой духом, сопротивляться всем соблазнам внешнего мира, а они же напротив растрачивают свои жизненные силы на то, чтобы испытать все эти соблазны. Современный брак стал своего рода страховкой, страховкой, изобретенной женщиной» [12, р. 15].

Отношение современных женщин к браку ярко показано в романе «Связь длиною в полжизни» [11], который рассказывает о судьбе двух сестер, проживающих в Шанхае. Судьбы героинь совершенно противоположны, однако обе не могут найти счастья в личной жизни. Старшая сестра, Маньлу, алчна и порочна, любыми методами стремится к обеспеченной жизни. В одной из сцен она поучает младшую сестру, Маньцзин: «Женщина в любом случае должна выйти замуж. И это твоё счастье, ес-

ли ты можешь выйти за того, кто нравится тебе». Мать и тетя Маньлу и Маньцзин в суете домашних дел предстают постоянно размышляющими лишь об одном вопросе: как бы выдать замуж младшую дочь, так как на старшую у них уже давно нет никаких надежд. Свою репутацию она запятнала, работая с юности танцовщицей, в связи с чем родным не приходится рассчитывать на выгодную партию.

В одной из сцен романа две сестры ссорятся из-за того, что старшая постоянно жалуется на свою жизнь, но не готова развестись со своим новым богатым мужем Хунцаем, ибо тогда ей не на что будет жить и снова нужно будет искать себе богатого покровителя. Маньцзин осуждает сестру, так как из-за «жалких денег» она совершенно потеряла веру в себя. Маньлу негодует, так как несколько лет назад именно ради этих «жалких денег» ей пришлось в юном возрасте оставить учебу и пойти работать танцовщицей, чтобы содержать овдовевшую мать и брата с сестрой. Таким образом, писательница показывает, что именно денежный вопрос становится роковым для многих современных женщин в вопросе выбора своего пути.

Еще одной проблемой китайского общества, на которую обращает внимание писательница, является сохранение института младших жен, формально переставшего существовать еще в начале XX в. Чжан Айлин показывает новые формы, которые обрела данная традиция в современном обществе. Прежний обычай, при котором наложницы проживали совместно со старшей женой в одном доме, в городах практически перестал встречаться. Всего несколько раз писательница описывает девушек, которые живут под одной крышей с законной женой, пребывая в статусе наложницы (*сяо лаопо*). Чаще мы можем видеть героинь, которые по разным мотивам соглашались на неофициальные связи с мужчиной, живя в отдельном доме. Некоторые такие женщины, как например вдова Дунь Фэн из рассказа «Снисходительное отношение» [13] или же Бай Люсу, пытаются найти новое счастье после неудачного первого брака: «На что уж я старомодна, и то скажу: если первый раз выходишь замуж по воле родителей, то второй — по собственному желанию!» [1, с. 228]. Их обеих тревожит мысль о том, что отношения не закреплены официальным браком, но перед лицом одиночества они готовы довольствоваться и ролью сожительницы: «В общем, долгое время удерживать мужчину, не имея штампа в паспорте, дело чрезвычайно трудное, болезненное и практически невозможное. Но была, не была! Люсу признавала, что Фань Лююань был милым, он дарил ей волшебные переживания, в то время как ее целью было материальное благосостояние. Она знала, что за последнее может быть покойна» [1, с. 230]. Разведенная женщина в то время едва ли могла рассчитывать на повторное замужество, поэтому мотивы этих героинь вполне понятны. Они предпочитали не иметь штампа в паспорте, нежели оставаться одиночками до конца дней. В описаниях данных героинь проглядывается позиция автора: Чжан явно симпатизирует им. Подобная ситуация была близка ей, возможно, в силу того, что перед глазами был пример собственной матери, которая после развода с мужем отправилась за границу устраивать личное счастье. Спустя несколько лет она вернулась в Шанхай уже с неким американцем, который жил вместе с ней до их повторного отъезда из Китая.

В работах писательницы мы можем видеть и другую сторону данного явления: часть юных девушек соглашается на роль любовниц даже невзирая на то, что они имеют все шансы для благополучного брака. С одной стороны, они не хотят ответственности, а с другой — стремятся выйти из-под власти родных, иметь покровителя и опору: «Сейчас в обществе таких девушек слишком много, соблазненные день-

гами...» [14, р. 228–229]. Таковой представляется одна из юных студенток из «Канона души» по имени Лин Цин: «Бедняжка Лин Цин, она же мне ровесница! Она не понимает этой опасности. Если она будет с моим отцом, у нее не будет никакого законного статуса, никаких гарантий...От нее все отвернутся» [14, р. 228]. Данные слова представляются явным преувеличением: на самом деле распространенность этого явления в среде горожан говорит скорее о снисходительном отношении общества к подобному явлению. Главный герой этого рассказа Фэн И, начав внебрачные отношения с одноклассницей собственной дочери, не считает свои действия предосудительными: «Сейчас в обществе обычные люди не столь радикальны. Лин Цин не придется тяжело. Ты же сама сказала: у меня есть деньги и положение...» [14, р. 232]. Интересно, что вскоре после написания «Канона души» и самой писательнице довелось побывать в роли любовницы. На момент ее знакомства со своим первым мужем Ху Ланьчэном он был старше ее на 15 лет и уже имел семью. Юную Чжан Айлин это не остановило. Удивительным образом она частично повторила судьбу женщины, которая в детстве вызывала у нее глубочайшее отвращение, — своей мачехи. У отца писательницы еще до развода с женой была любовница, которую он вскоре привел в дом в статусе новой жены. В отличие от госпожи Хань из «Канона души», законной супруги Фэн И, которая терпит любовные связи мужа и не устраивает скандалов, реальная жена Ху Ланьчэна, узнав о юной любовнице, тут же подала на развод. Таким образом, Чжан и Ху стали законными супругами. Впрочем, брак не был счастливым: спустя год, летом 1945 г., обвиненный в пособничестве японцам, супруг писательницы бежал из Шанхая и был вынужден скрываться. Однако это не помешало ему заводить новые отношения с женщинами, в то время как Чжан Айлин еще долго пересылала ему средства на жизнь [15, р. 30–31].

Издание официальных законов о браке, регламентировавших процедуры развода и раздела имущества, привело к многочисленным изменениям в семейной жизни шанхайцев с начала 1930-х годов. Женщины получили право голоса в решении семейных вопросов. Они могли требовать от мужа развода, повторно выходить замуж и не зависеть материально от супруга. Тема отстаивания женщиной своих прав в семье не раз упоминается в произведениях автора. В повести «Любовь, разрушающая города» родственники разведенной Бай Люсу при любом удобном случае намекают на то, что ей бы следовало вернуться в семью мужа, а не обедать свою старую мать и братьев. В ответ на замечание молодой женщины о том, что с момента официального развода прошло уже 8 лет, ее брат возражает: «Что ты по любому поводу законами голову морочишь! Законы, они каждый день меняются, а правила приличия важнее. Что неизменно, так это “три начала и пять постоянных принципов”! Пока ты жива, ты — член их семьи» [1, с. 197]. Читая финал повести, мы можем видеть, что писательница явно выражает симпатию женщинам, отважившимся на разрыв отношений с недостойным супругом: «Четвертая госпожа решила-таки развестись с Четвертым господином, и виновницей всего этого негласно считали Люсу. Ведь Люсу вышла замуж после развода, да еще и удачно, неудивительно, что окружающие решили последовать ее примеру» [1, с. 197].

Вместе с тем Чжан Айлин вовсе не идеализирует последствия расторжения брака. Мотив одиночества женщины в городе и ее неспособности иметь нормальную семью постоянно присутствует в работах писательницы. *Новая женщина* Китая оказалась способной обеспечить себя самостоятельно, однако писательница постоянно

говорит о том, что это не сделало ее счастливее: «...страдает от этого снова женщина, я вот очень боюсь становиться сильной, где же такой женщине найти подходящего спутника?» [16]. Одинокой в конечном счете остается главная героиня романа «Связь длиною в полжизни» Гу Маньцзин, от одиночества пытается сбежать молодая учительница начальных классов У Суйюань в «Блокаде» [17].

Реже всего в своих произведениях Чжан описывает женщин, которым знакома настоящая любовь. Характерно, что в богатом наследии писательницы практически не находится историй о счастливой любви. За исключением рассказа «Любовь, разрушающая города», финал которого можно назвать вполне счастливым, в остальных произведениях отношения героев, основанные на искренних чувствах, заканчиваются трагично. В романе «Связь длиною в полжизни» старшая сестра Маньлу любви предпочитает состоятельную жизнь, младшая — Маньцзин, на протяжении всего романа демонстрирует стойкость характера. Она отказывается выйти замуж за своего возлюбленного, по причине того, что его родители неуважительно отзываются о ее сестре — бывшей танцовщице. По мнению их семьи, работа танцовщицы достойна осуждения, более того, бросает тень и на саму Маньцзин, которая могла попасть под влияние «распутной» сестры. При этом Маньцзин в искреннем негодовании говорит о том, что на ее взгляд, гораздо менее достойным является поведение отца жениха, который, живя в другом городе, имел связи со многими танцовщицами, при этом в настоящее время проживает отдельно от семьи, с одной из своих младших жен. Тем самым автор показывает, что даже в середине XX в. в китайском обществе сохранялась двойственность в отношении норм поведения женщины и мужчины. По замыслу Чжан Айлин, высокоморальная главная героиня романа обречена на страдания в условиях нового времени. Даже несмотря на бедность, в которой она живет, Маньцзин отказывается стать младшей женой богатого предпринимателя Чжу Хунцяя, женатого на ее сестре. Едва зарабатывая себе на хлеб преподаванием, она так и остается одинокой.

В нескольких своих произведениях Чжан описывает искреннее чувство симпатии между героями, которое так и не перерастает в нечто большее по причине того, что молодым людям не хватает силы воли и мужества бороться за свою любовь. Писательница показывает, что и девушки, и молодые люди предпочитают по-прежнему идти на поводу у собственных родных, нежели брать судьбу в свои руки. В одном из очерков под названием «Любовь» Чжан описывает двух симпатизирующих друг другу молодых людей, которые в решающий момент не находят нужных слов: «Она ничего не ответила, и он более ничего не сказал, задержался ненадолго, и оба разошлись... А после эту девочку мошенники-родственники продали в наложницы в другую деревню, много раз еще перепродавали, довелось пережить ей много ужасов, стала старой, но все еще помнила тот случай, часто про него заговаривала, про тот весенний вечер, про молодого парня под персиковым деревом у задней калитки» [18].

Отчасти схожим сюжетом навеяна и судьба героини рассказа «Чай с жасмином» [19] Фэн Било. Ее сын Чуань Цин, главный действующий персонаж, одержим болезненной идеей того, что он должен был родиться и вырасти в семье своего университетского профессора Янь Цзые. Вместо этого он рос с жестоким, ненавидящим его отцом, который все свободное время посвящал курению опиума в компании наложницы. О собственной матери Фэн Било парень помнит очень мало, но злится на нее за малодушие. Знает, что она не любила его отца, была несчастлива в браке и рано умерла: «В год своего замужества Фэн Било исполнилось 18 лет. Перед помолвкой

было время, когда она хотела пойти учиться. Но в столь консервативной семье, какой была семья Фэн, разумеется, это было невозможным» [19, р. 94–95]. В доме своих двоюродных сестер Било знакомится с Янь Цзые, студентом второго курса. Молодые люди симпатизируют друг другу, однако сваты, посланные от семьи Янь, получают отказ под предлогом того, что их экономическое положение не соответствует статусу семьи Фэн. Зная о взаимности чувств Било, Янь Цзые попытается уговорить ее сбежать с ним за границу, однако девушка не решается на столь рискованный шаг. В результате юный студент отправляется учиться в другую страну, а Било вскоре выходит замуж и умирает.

Как показывает автор, неспособными на настоящие чувства оказываются спустя 20 лет и дети этих героев. Чуань Цин испытывает симпатию к дочери своего профессора Янь Цзые, но параллельно с этим ненавидит ее, так как считает, что он должен быть на ее месте. Сама девушка также испытывает к нему чувства, однако вместе с этим полагает, что учеба и будущая карьера гораздо важнее, чем общение со столь замкнутым и несовременным молодым человеком. Их любви препятствуют уже не родственники, а их собственные психологические проблемы, порожденные современным обществом.

Еще одним рассказом, посвященным теме искренних отношений между мужчиной и женщиной, является «Канон души». Но и здесь писательница дает весьма странную интерпретацию современной городской любви: она изображает юную студентку Сяо Хань, одержимую влечением к собственному отцу. Любящих женщин в рассказе две: это сама Сяо Хань и ее мать. Госпожа Хань олицетворяет собой женщину с традиционным воспитанием, воспринимающую брак как единственное свое предназначение. Любовью она называет служение и верность. Она готова терпеть измены мужа, его холодность и равнодушие, но не устраивает скандалов, чтобы не разрушить семью. Она знает о странном влечении дочери к отцу, но не способна ничего с этим поделать, потому что ее учили быть «добродетельной женой и хорошей матерью», что она и делает всю свою жизнь. Госпожа Хань лишь надеется, что дочь не совершит ее ошибок и не выйдет замуж без любви, но поразительным образом именно юная и прогрессивная Сяо Хань возражает ей: «Брак, в котором есть любовь, — несчастный. Ты и сама знаешь!» [15, р. 237]. Для Сяо Хань любовь — это чувство защищенности и надежности, которое ей дает отец. Она не хочет покидать родное гнездо, лишаться заботы и ласки, к которым привыкла с детства. Сяо Хань не замечает ухаживаний своих ровесников, их внимание лишь тешит ее самолюбие. Но она не готова отдавать взамен, не способна на искренние чувства, на ответственность за свою судьбу. Она стремится быть любимой и защищенной, но боится полюбить другого мужчину, кроме отца. Таким образом, Чжан Айлин вновь и вновь изображает женские персонажи, которые не готовы к принятию самостоятельных решений, предпочитают полагаться на чужие решения, в глубине души жалея себя и ропща на судьбу.

Несмотря на различия в характерах героинь, которых создает автор, многих из них сближает общая черта: стремление к материальному благополучию. Мало кто из героинь в жизненных поступках руководствуется искренними чувствами. Любящие женщины, такие как Гу Маньцзин, растворяются в общей массе. Отсутствие счастливых любовных финалов лишь указывает на то, что в обществе, описанном Чжан Айлин, места для настоящих чувств не остается. Она демонстрирует ту пропасть, которая существовала между реалиями жизни в крупных городах страны

и идеями общественных деятелей движения за новую культуру. В очерке «О женщинах» она говорит о том, что, несмотря на прогрессивное образование в лучших традициях Запада, многие горожанки в душе так и оставались непросвещенными: «Недостатки женщины полностью результат окружающей действительности, и даже не смотря на то, что теперь уже женщины наравне с мужчинами имеют доступ к высшему образованию, как же получается, что порой демонстрируют они худшие свои стороны, строптивы и мнительны, как и их прабабки?» [12, р. 16]. Мир, в котором обитают эти персонажи, — это не простое противопоставление черного и белого, новой культуры Китая и традиционных догм. Это не просто истории, повествующие о женских персонажах, стремящихся к равноправию и справедливости, и мужских героях, мечтающих и далее угнетать своих дочерей и жен. Напротив, характер каждой героини очень противоречив. Зачастую именно женщины своим поведением демонстрируют приверженность традиции, они живут в плену предрассудков, словно нарочно вынуждая своих мужей и отцов идти привычным путем. Героини Чжан Айлин продолжают жить, основываясь на многовековой «рабской психологии».

Литература

1. Чжан Айлин. Любовь, разрушающая города // Пограничный городок. Китайская проза XX века. СПб.: Каро, 2013. С. 193–239.
2. Zhang Ailing. Jin suo ji // Zhang Ailing. Chuanqi. Beijing, 2000. P. 3–45.
3. Zhang Ailing. Luiyan. Guangdong, 1997. 217 p.
4. Li Oufan. Shanghai modeng — yi zhong dushi wenhua zai shanghai 1930–1945. Beijing, 2001. 353 p.
5. Zhang Ailing. Xie shenme. URL: <http://sanwen.ru/2012/06/24/chzhan-ajlin-o-chem-pisat/> (дата обращения: 10.01.2014).
6. Lee L. Shanghai Modern: The Flowering of a New Urban Culture in China, 1930–1945. Cambridge MA, 1999. 436 p.
7. Huang N. Introduction // Chang E. Written on water. New York, 2004. P. IX–XXVII.
8. Zhang Ailing. Boli wa // Zhang Ailing. Chuanqi. Beijing, 2000. P. 193–206.
9. Jiang Xinzhen. Fated Futures: Females in Eileen Chang's Fictions // Hongguang renwenxue bao. 2004. N 1. P. 1–9. URL: <http://web.hk.edu.tw/~humanities/journa/1–15.pdf> (дата обращения: 10.01.2013).
10. Zhang Ailing. Lian huan tao // Zhangkan. Taipei, 2005. P. 11–79.
11. Zhang Ailing. Ban sheng yuan. URL: <http://book.kanunu.org/book3/7110/index.html> (дата обращения: 10.01.2014).
12. Zhang Ailing. Tan nvren // Tiandi. 1944. N 6. P. 15–17.
13. Zhang Ailing. Liu qing // Zhang Ailing. Chuanqi. Beijing, 2000. P. 292–312.
14. Zhang Ailing. Xin jing // Zhang Ailing. Chuanqi. Beijing, 2000. P. 207–238.
15. Suiyue Ruge. Shanghai de jinzhì yue. Beijing, 2011. 234 p.
16. Zhang Ailing. Su Qing. Guanyu funv, jiating, hunyin zhu wenti. 1945. URL: <http://book.kanunu.org/book3/7108/155456.html> (дата обращения: 10.03.2013).
17. Zhang Ailing. Fengsuo // Zhang Ailing. Chuanqi. Beijing, 2000. P. 272–286.
18. Zhang Ailing. Ai. URL: <http://www.bwsk.com/mj/z/zhangailing/dsld/016.htm> (дата обращения: 10.10.2013).
19. Zhang Ailing. Moli xiangpian // Zhang Ailing. Chuanqi. Beijing, 2000. P. 86–107.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2014 г.

Контактная информация

Куприянова Юлия Андреевна — кандидат исторических наук, доцент; yukupriyanova@hse.ru
 Kupriyanova Yulia A. — Candidate of History, Associate Professor; yukupriyanova@hse.ru

П. С. Тептюк

МОТИВ ОБМАННОЙ СВАДЬБЫ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБСКИХ МАКАМАХ

Библиотека Российской академии наук,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, 1

Сборники арабских макама, особенно те, что были составлены в период позднего средневековья, в большинстве своем мало изучены отечественной и зарубежной арабистикой. Введение в научный оборот неисследованных ранее текстов макама позволяет рассматривать эволюцию макамного жанра как типологическое явление с более объективных позиций. В результате подобных изысканий было выяснено, что несколько произведений, по времени написания значительно отдаленных друг от друга, имеют в своей сюжетной основе схожий мотив. Как показано в статье, существует разная трактовка этого мотива в произведениях жанра макамы, что, вероятно, отражает соответствующие изменения в арабской назидательной литературе и литературном каноне, с которыми макама неразрывно связана.

В статье проводится сравнительный анализ трех произведений из жанра макамы и теневого театра, принадлежащих перу ал-Ҳарӣрӣ (XI в.), ал-Маузилӣ (XIII в.) и ал-‘Аббаса (XVI в.), но при этом имеющих в своей сюжетной основе вариацию редкого для изысканной художественной прозы мотива — обманную свадьбу. Особенностью анализа является не предпринимавшееся прежде в отечественной арабистике проведение параллелей между позднесредневековой макамой и теньвым театром. Библиогр. 11 назв.

Ключевые слова: Арабская литература, макамы, ал-Ҳарӣрӣ, ал-Маузилӣ, ал-‘Аббас.

FRAUDULENT MARRIAGE IN THE MEDIEVAL ARABIC MAQĀMA

P. S. Teptyuk

Library of the Russian Academy of Sciences, 1, Birzhevaya liniya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Collections of the Arabic Maqāmāt, especially those that were composed in the Late Middle Ages, have been little explored in the national and foreign Arabic studies. Introduction for the scientific use of previously unstudied maqamat texts allows us to consider the evolution of the Maqāma genre as a typological phenomenon from more objective point of view. As a result of such research it was found that several works, considerably distant from each other by dates of their creation, are based on a similar literary motif. As it shown in the article, there are different interpretations of this motif in Maqāma genre, which could be considered as reflections of respective changes in Arabic didactic literature and literary canon, which are inseparably connected with maqāma. The author conducts a comparative analysis of three works from the Maqāma genre and Shadow plays, written by al-Ḥarīrī (11th cent.), al-Mauṣilī (13th cent.), al-Abbās (16th cent.), which are based on the variation of the rare in the Arabic fine fiction motif — fraudulent marriage. Special feature of the article is a comparative analysis of the Late Medieval Maqāma and Shadow plays, which was not undertaken in national Arabic studies previously. Refs 11.

Keywords: Arabic literature, maqāmāt, al-Ḥarīrī, al-Mauṣilī, al-Abbās.

Сборники арабских макама, особенно те, что были составлены в период позднего средневековья, в большинстве своем мало изучены отечественной и зарубежной арабистикой¹. Введение в научный оборот неисследованных ранее текстов макама позволяет рассматривать эволюцию макамного жанра как типологическое явление с более объективных позиций. В результате подобных изысканий было выяснено,

¹ См. обширный список авторов макама у Я. Хямен-Аттилы [1, с. 368–410], в котором все же отсутствуют упоминания некоторых позднесредневековых авторов.

что несколько произведений, по времени написания значительно отдаленных друг от друга, имеют в своей сюжетной основе схожий мотив. Как будет показано далее, существует разная трактовка этого мотива в произведениях жанра макамы, что, вероятно, отражает соответствующие изменения в арабской назидательной литературе и литературном каноне, с которыми макама неразрывно связана.

Хотя мотив обмана с использованием свадебной темы, равно как и любовная тема, кажутся не самыми типичными для сборников макам, у классиков жанра в различных вариациях они все же изредка встречаются: например, у ал-Харйрй в Ширазской макаме (№ 35) хитрец и пройдоха Абӯ Зайд выпрашивает у слушателей деньги на свадьбу дочери, хотя невеста в его стихах-прошениях на самом деле означает запечатанный сосуд с вином, а свадебная церемония — возлияния в компании собутыльников [2, с. 162–164]; у ал-Хамазāнй в Бишрийской макаме (№ 51) главного героя Бишра ал-‘Абдй из чувства мести обманывает собственная жена (она была схвачена им при разбойничьем набеге на караван), говоря ему, что дочь его дяди по отцу несравненно превосходит ее красотой, отчего Бишр ввязывается в опасную для жизни авантюру, желая заполучить красавицу [3, с. 202–208]. Что касается народной литературы, то, например, в сказке «О Далиле хитрице и Али-Зейбаке» из «Тысячи и одной ночи» встречается еще одна вариация обмана с использованием свадебной темы: Далила сводит ничего не подозревающего сына купца, желающего найти невесту, с уже замужней женщиной, надеющейся забеременеть, и ловко их обирает [4, с. 374–461].

В данной публикации рассматриваются три произведения, подходящие для сопоставления встречающихся в них мотивов. Это «Васитская» макама (№ 29) Абӯ Муҳаммада ал-Қасима ал-Харйрй (1054–1122) [2, с. 133–139], схожая с макамой пьеса «Тайф ал-Хайāl» Муҳаммада ибн Дāнийāла ал-Мауҗилй (1248–1311) (№ 2)² и «Египетская» макама (№ 6) ал-‘Аббāса [7, л. 27а–30а]. Таким образом, мы рассматриваем произведения XI, XIII и XVI вв.

Здесь следует пояснить, почему в этот ряд включен египетский драматург Ибн Дāнийāл, не упоминающийся в научной литературе как автор макам. И. В. Тимофеев, защитивший диссертацию по творчеству ибн Дāнийāла, считает, что «макама является основным жанровым источником пьес Ибн Дāнийāла, тем литературным фундаментом, на котором они возникли» [8, с. 13]. По мнению И. В. Тимофеева, «зависимость пьес Ибн Дāнийāла от макамной прозы проявляется в том, что именно ею подсказаны основные сюжеты, мотивы и ситуации, встречающиеся в пьесах» [8, с. 23]. При этом наибольшее число общих черт пьесы Дāнийāла обнаруживают при сопоставлении именно с макамами ал-Харйрй. Я. Хямен-Аттила отмечает, что хотя «пьесы Ибн Дāнийāла и не принадлежат к жанру в полной мере, в средневековой литературе они назывались макамами» [9, с. 385]. Связующим звеном между тремя обозначенными выше авторами также служит высказывание самого ал-‘Аббāса. В предисловии к своему сборнику³ ал-‘Аббāс упоминает некоего автора макам, ал-Мауҗилй, который, по словам ал-‘Аббāса, на поприще макамы раньше него «промышлял» и «стрелял, да [в цель] не попал, и не достиг следования образцу» [7, л. 2а].

² Оригинальный текст см. у P. Kahle [5]. В данной публикации была использована работа И. В. Тимофеева, в которой дано краткое содержание пьесы [6].

³ Сборник макам ал-‘Аббāса (XVI в.) известен по рукописям В 66 (ИВР РАН) и N. F. 26 (Австрийская национальная библиотека) [9, с. 112–113; 10].

То есть ал-‘Аббасу были известны макамы некоего ал-Маусилі, которые, по его мнению, оказались неудачной попыткой следования макамному канону, безусловным образцом которого для ал-‘Аббаса являлся сборник ал-Харйрй [7, л. 1b–2a]. Вероятно, речь здесь идет именно о Ибн Данийале ал-Маусилі, поскольку он является единственным известным средневековым литератором с подобной нисбой, произведения которого имели большое сходство с макамой. Как будет показано далее, наличие схожего мотива в макамах ал-Харйрй, Ибн Данийала и ал-‘Аббаса в достаточной мере подтверждает это предположение.

Пьесы ал-Маусилі являются литературной обработкой представлений для арабского кукольно-теневого театра (хайāl аз-зйлл), в которой простонародные балаганные речи изложены литературным языком и адаптированы для круга образованного общества адибов, к которому принадлежал ал-Маусилі. В них видна попытка объединить сюжеты из литературы о нищих (адаб ал-кудйа) с «адабной» манерой повествования, что до этого было успешно осуществлено в макамах ал-Хамазанй и ал-Харйрй. Примечательно, что ал-‘Аббас, живший в XVI в., упоминает Ибн Данийала (XIII в.) именно как автора макам, а не театральных пьес, что свидетельствует об их восприятии как адабных произведений⁴ в образованной среде того времени.

До наших дней дошли лишь три небольшие пьесы Ибн Данийала, сюжет одной из них разворачивается вокруг обманной свадьбы. Эта пьеса названа по имени повествователя — «Тайф ал-хайāl», который неизменно сопровождает главного героя — знатного молодого распутника и пьяницу эмира Виṣала.

Экспозиция начинается с монолога эмира Виṣала, из которого становится известно о его пристрастии к вину и любовным приключениям. Основное действие разворачивается вокруг аферы с женитьбой, когда эмир Виṣал решает обзавестись семьей, устав от распутной жизни. Для этого он оплачивает услуги сводни Умм Рашйд. Будучи очарованным рассказом о прелестях будущей супруги, эмир Виṣал поспешно устраивает свадьбу, однако сняв с невесты покрывало, он обнаруживает девицу с безобразной внешностью. В итоге свадьба оканчивается тумакami и оплеухами, которые злосчастный жених отвешивает невесте и гостям⁵. Вдобавок выясняется, что сводня-мошенница вскоре скончалась, так и не вернув деньги за оказанную «услугу». Из-за этих событий Виṣал испытывает душевное потрясение, которое в конечном счете приводит его к раскаянию и он, попрощавшись со своим спутником Тайф ал-Хайалем, отправляется в паломничество в Мекку, чтобы искупить прежние грехи [8, с. 8]. Таким образом сюжет пьесы «Тайф ал-хайāl» представляет собой сатиру на сватовство и женитьбу и построен на комедийном приеме брачного мошенничества, когда герой в финале получает совсем не то, о чем был уговор.

В сборнике ал-‘Аббаса имеется небольшое количество макам, в которых используются нетрадиционные сюжеты, в классических сборниках до этого не встречавшиеся. К ним относится «Египетская макама» (№ 6), в вульгарном сюжете которой⁶

⁴ Определение адабной литературы и о ее связи с жанром макамы см. статью П. С. Тептюка [11].

⁵ Здесь видна разница в эстетике классических макам и пьес для арабского теневого театра, в сюжетах которых изобилуют непристойные детали, снижающие образы и ситуации.

⁶ В работе Я. Хямен-Аттилы вульгарными называются макамы, в которых используется диалект арабского языка, а не его литературная форма [1, р. 335–339], но в этой классификации тип сюжета не имеет значения.

мы наблюдаем вариацию мотива обманной свадьбы, задействованного в пьесе Ибн Дāнийāла и в «Васитской» макаме ал-Харйрй.

Рассказчик Абӯ-л-Хайр, повстречав главного героя Абӯ-л-Фадла во время путешествия, узнает очередную историю о его приключениях: прибыв в Каир без средств к существованию, Абӯ-л-Фадл бродит по нему наугад в поисках пропитания. Там его встречает сводня, которая предлагает ему остепениться и жениться на ее дочери. Абӯ-л-Фадл не верит в столь выгодное для него предложение и просит показать девушку, чтобы убедиться, что его не обманывают. Увидев красавицу воочию, он с радостью соглашается на брак, однако в брачных покоех, после обряда бракосочетания и церемонии снятия покрывала с невесты, взору Абӯ-л-Фадла предстает не та, которую ему показали, а пожилая дева, полная изъянов. Поняв, что его обманули, Абӯ-л-Фадл при помощи вульгарной уловки (притворное половое бессилие), избегает пут неугодного ему брака и уплаты денежной компенсации за развод. Хитрость и изворотливость Абӯ-л-Фадла вызывают восторг и восхищение у рассказчика Абӯ-л-Хайра.

В «Васитской» макаме ал-Харйрй также присутствует мотив обманной свадьбы, только в качестве сводни-мошенницы выступает сам главный герой, т. е. Абӯ Зайд. Узнав о денежных затруднениях своего друга ал-Хариса ибн Хаммама (повествователь), Абӯ Зайд предлагает ему жениться на состоятельной невесте и тем самым решить все свои проблемы, на что тот с радостью соглашается. Во время свадебного празднования Абӯ Зайд угощает гостей сладостями, смешанными с наркотиком, и, дождавшись, пока все потеряют сознание от наркотического опьянения, бессовестно обворовывает их и благополучно скрывается с места преступления.

Примечательно, что и у ал-Харйрй, и у ал-‘Аббāса, в отличие от пьесы Ибн Дāнийāла, женитьба выступает в качестве легкого и быстрого решения материальных затруднений центральных персонажей, а свадьба совершенно не связана с любовной темой. Однако во всех трех рассматриваемых произведениях «женихи» становятся жертвами обмана и ничего не приобретают.

Эмир Виṣāl в пьесе Ибн Дāнийāла играет роль молодого богача, который мог себе позволить столь недешевое на мусульманском Востоке предприятие, как женитьба, однако неясным остается, откуда у героев ал-Харйрй и ал-‘Аббāса, по сюжету являвшихся бедняками, оказались средства для уплаты выкупа (махра) за невесту. Так, у ал-‘Аббāса, например, Абӯ-л-Фадл выплачивает тысячу динаров [7, л. 28a], в то время как перед свадьбой он прибывает в Египет без единого гроша [7, л. 28b].

Очевидно, что авторы рассматриваемых произведений ставят перед собой различные художественные задачи: ал-Харйрй искусно описывает дерзость и изворотливость, характерные для средневековых плутов (его главный герой-«сват» получает выгоду от своих проделок); Ибн Дāнийāл порицает общественные пороки, придавая им комедийный характер (его главному герою воздается за порочный образ жизни), ал-‘Аббāс демонстрирует хитрость и красноречие своего героя (явно положительно), умение найти выход в сложной для него ситуации.

Можно предположить с большой долей вероятности, что ал-‘Аббāс заимствовал мотив обманной свадьбы из пьесы Ибн Дāнийāла, облачив его в высокохудожественную форму, присущую макаме ал-Харйрй (у ал-‘Аббāса и Ибн Дāнийāла сюжет разворачивается в Каире). В макамах ал-‘Аббāса плутовство никогда не переходит в откровенное мошенничество, характерное для макама ал-Харйрй, поэтому, веро-

ятно, он отдает предпочтение более привлекательной с нравственной точки зрения версии, представленной в пьесе Ибн Данийāла.

Выбор ал-'Аббāса, как нам кажется, является примером «отторжения» одной из основных идей классической макамы — постклассические авторы макама не желали изображать аморального в плане поведения героя в качестве центрального персонажа, выходящего триумфатором из любой сомнительной с моральной точки зрения ситуации.

Литература

1. *Hāmeen-Anttila J. Maqama: a History of a Genre.* Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. 502 p.
2. *ал-Харири Абу Мухаммед аль-Касим.* Макамы / пер. с араб. В. М. Борисова, А. А. Долининой, В. Н. Кирпиченко. М.: Наука, 1987. 267 с.
3. *ал-Хамазани Бади' аз-Заман.* Макамы / пер. с араб. А. А. Долининой, З. М. Ауэзовой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 228 с.
4. Тысяча и одна ночь: Собрание сказок: в 8 т. / пер. и ком. М. А. Салье, ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2007.
5. *Kahle P. Three Shadow. Plays by Muhammad Ibn Ddnyal.* E. J. W. Gibb Memorial, New Series 32. Cambridge: E. J. W. Gibb Memorial, 1992. 184 p.
6. *Тимофеев И. В.* Творчество египетского литератора XIII в. Мухаммада Ибн Даниала: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ ИСАА, 1975. 24 с.
7. Макамы ал-'Аббаса // Фонд ИВР РАН. Рукопись В 66. 97 лл.
8. *Тимофеев И. В.* Творчество египетского литератора XIII в. Мухаммада Ибн Даниала: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ ИСАА, 1975. 24 с.
9. *Халидов А. Б.* Каталог арабских рукописей Института народов Азии АН СССР. Вып. I–II. М.: ИВЛ, 1960. Вып. I. Художественная проза. 135 с.
10. *Тептюк П. С.* Макамы ал-'Аббāса как памятник позднесредневековой арабской художественной прозы: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: ИВР РАН, 2014. 230 с.
11. *Тептюк П. С.* Вариативность макамого канона в позднем средневековье («Законоведная макома ал-'Аббāса», XVI в.) // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 4. С. 69–75.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2014 г.

Контактная информация

Тептюк Павел Сергеевич — младший научный сотрудник; sunhealth@yandex.ru

Teptyuk Pavel S. — junior researcher; sunhealth@yandex.ru

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 745

Ю. Г. Лемешко

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ НАРОДНОЙ КАРТИНЫ «И ТУАНЬ ХЭ ЦИ» РЕГИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА ТАОХУАУ

Амурский государственный университет
Российская Федерация, 675027, Благовещенск, шоссе Игнатьевское, 21

Статья посвящена анализу народной картины «И туань хэ ци» регионального центра Таохуау. Няньхуа, произведенные в этом региональном центре, известны во всем мире, они имеют длительную историю своего развития. Картина «И туань хэ ци» является репрезентативной и самой популярной среди всех сюжетов центра Таохуау. Автор предлагает ее детальное описание и анализирует художественные особенности. Библиогр. 10 назв. Ил. 2.

Ключевые слова: Народное искусство Китая, няньхуа, ксилографические картины, региональный центр Таохуау по производству традиционных ксилографических картин.

PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC COMPREHENSION OF NEW-YEAR PICTURE “YI TUAN HE QI” OF TAOHUAWU REGIONAL CENTER

Yu.G. Lemesko

Amur State University, 21, Shosse Ignatyevskoye, Blagoveschensk, 675027, Russian Federation

Taohuawu woodblock printing in Suzhou has a long history and worldwide reputation. The article deals with the analysis of Taohuawu new year picture “Yi tuan he qi” (“Perfect Harmony”).

During Qing dynasty this picture was influenced by the art of Chinese regional centers for production of traditional nianhua that was located in Shandong province, Hunan province, Jiangsu province. The print, also entitled “Harmony Results in Good Fortune”, is an influential and widespread tradition masterpiece among woodblock prints at Taohuawu.

The image was created by the Ming dynasty Emperor Zhu Jiansheng under the influence of Chinese religious syncretism and reflects the philosophical aspects of spiritual culture. The author of the article gives a detailed description of this picture and analyses its artistic characteristics.

As the New Year approached the Taohuawu woodblock prints are used to decorate homes and perform essential family rituals. Present day the circular composition of new year picture “Yi tuan he qi” symbolizes of the family will live together harmoniously, happily and satisfactory on the occasion of the Spring Festival and in the New Year. Refs 10. Figs 2.

Keywords: Folk art of China, nianhua, woodblock printing, Taohuawu regional center of production of traditional woodblock printing.

В павильоне города Сучжоу, представляющем особенности «китайской Венеции» на Экспо-2010, на двери импровизированного дома была наклеена знаменитая няньхуа «И туань хэ ци» («壹團和氣») [1]. Теме преемственности традиций в современном Китае, раскрывающей вопрос о необходимости сохранения народного искусства изготовления няньхуа, уделяют чрезвычайно много внимания. В случае со знаменитой картиной «И туань хэ ци» можно утверждать, что она долгое время была и продолжает быть востребованной благодаря своей социокультурной специфике: она не только символ регионального центра Таохуау, но и символ города Сучжоу.

Изучение любой народной картины требует искусствоведческого анализа, при этом необходимо философское осмысление тем и сюжетов. Как известно, эстетические исследования апеллируют и к требованиям художественной практики, и к законам философии. Народная картина-няньхуа — это не только вид декоративно-прикладного искусства, это способ кодирования миропонимания и передачи его в отдельно взятом сюжете. Вопросы, связанные с проблемой определения, какой именно сюжет является репрезентативным для региональной школы, предполагают использование сравнительно-исторического метода исследования искусства. Обращение к исторической перспективе позволяет определить общие тенденции роста популярности или забвения той или иной народной картины. В свою очередь, изучение причин популярности народных картин, ежегодно продаваемых огромными тиражами, помогает выявлять доминантные особенности духовной культуры китайцев.

История художественного наследия регионального центра Таохуау (桃花坞) города Сучжоу описана в статье «Сучжоу — старейший центр китайских народных картин» [2]. Это одна из последних публикаций выдающегося специалиста в области изучения китайской народной культуры академика Б.Л.Рифтина. Ученый в свойственной ему манере изложения, анализируя огромное количество научного материала, представленного в трудах исследователей Европы и Японии, опираясь на последние работы китайских коллег, в хронологической последовательности дает развернутый анализ развития региональной южной школы по изготовлению народных картин. Кроме того, в статье предложена классификация тематики картин XVII–XVIII вв., которая сохранялась вплоть до начала XX в. Тематика сучжоуского регионального центра широко варьировалась, Б.Л.Рифтин выделил 25 тематических групп [2, с. 356], среди сюжетов самых популярных картин были и сюжеты, отражающие местную специфику, и сюжеты, производимые другими региональными школами.

Кроме регионального центра Таохуау рассматриваемая нами картина «И туань хэ ци» (современная версия названия — «Полная гармония», «Полная идиллия») в конце XIX — начале XX вв. издавалась тысячами экземпляров в мастерских провинции Шаньдун (潍县杨家埠 уезд Вэйсянь, район Янцзябу), провинции Хунань (滩头 уезд Таньтоу), провинции Цзянсу (扬州 город Янчжоу) и др. Автор книги «Китайские классические няньхуа» [3] относит рассматриваемый сюжет к благопожелательным картинкам (吉祥年画 цзисян няньхуа). Хо Цинлянь отмечает, что в каждой региональной школе прослеживаются свои художественно-стилевые решения. Основная стилистическая вариативность оформления рассматриваемой нами картины заключается в смене надписи «И туань хэ ци» («壹團和氣») на «Хэци чжисян» («和

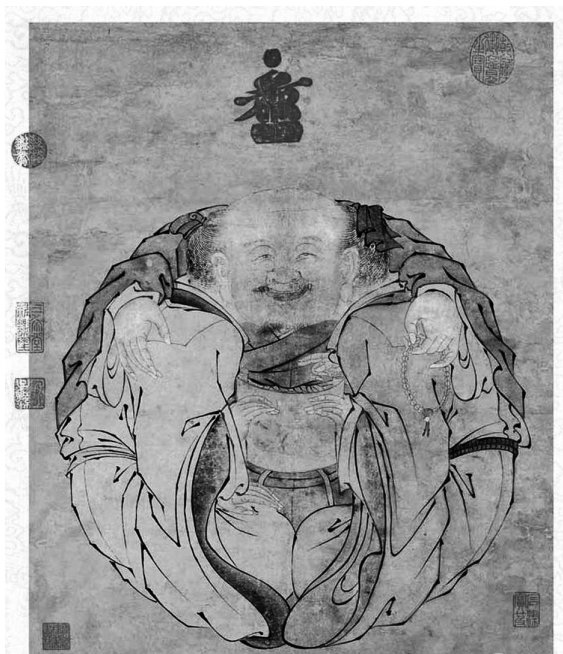

Рис. 1. Картина «И туань хэ ци ту» (壹團和氣圖), выполненная в 1465 г. императором Чжу Цзяньшэнем.

Рис. 2. Народная картина-няньхуа «И туань хэ ци ту» (壹團和氣圖) регионального центра Таохуау (конец XIX — начало XX вв.).

气致祥», дословно: согласие приносит счастье) [3, с. 173]. Факт широкой популярности этого сюжета в региональных центрах провинций Шаньдун и Хунань отмечен в книге Шэнь Хуна «Поездка за новогодними картинами в Таохуау», посвященной сучжоуским *няньхуа* [4, с. 126].

Картина «*И туань хэ ци*», выполненная в печатнях Таохуау, в свое время была описана академиком В. М. Алексеевым, который в 1909 г., путешествуя по Сучжоу, приобрел *няньхуа*, изготовленные местными мастерами. На основании внутренней и внешней семантики картины «*И туань хэ ци*» (壹團和氣) В. М. Алексеев перевел ее название — «Единым клубком, в ладном духе!», предлагая следующее объяснение, которое мы сочли необходимым воспроизвести в полном авторском варианте:

Жирный выше всякой меры мальчик гиперболически изображен в виде круглого куска мяса с головой и руками. *Сяньшэн*, описывая картину, объясняет это намерение художника так: «Нарочно нарисован округлый человек и уподоблен “округлой” полноте ладного духа. Это заимствование формы для сообщения мысли». Лицо толстяка расплылось в приветливую улыбку. Одет он в роскошный халат, на котором обильно вышиты разные узоры, в том числе, конечно, и пион. На шее у него «замок ста семейств», т. е. коллективный подарок друзей отца, символизирующий коллективное благопожелание, которое здесь сформулировано как: «достичь [моему сыну] степени *чжуанъюаня* [первого из первых на дворцовом экзамене]». Мальчик держит в руках развернутый свиток, на котором написано: «Целиком всей [нашей] компании и [семье] лада и мира!

Сверху, из вычурной гирлянды, опускаются по бокам две параллельно орнаментированные корзины с цветами, а в центре персик и лимон «пальцы Будды», что дает ребус: *фо* (*фу*) — счастье-долголетие. Подражанием древнему почерку на плодах начертаны два знака *жуи* — «по желанию», т. е. в общем изображена формула: «Счастья, долгих лет — сколько угодно! [5, с. 240].

Сравнивая картину из коллекции В. М. Алексеева и *няньхуа*, приобретенную автором статьи в Таохуау в 2010 г. в мастерской Гу Чжицзюня (顾志军), приходим к выводу о том, что очевидны стилистические изменения сюжета в сторону его упрощения. Ксилографическая картина, выполненная в конце цинской династии (1644–1911) и впоследствии тиражируемая в период Китайской республики, приняла следующий вид: вся благопожелательная символика исчезла, осталось только круглое бесформенное тело в цветном халате со свитком в руках «壹團和氣».

Необычный персонаж, его трансформации во времени, существование картины в диахронически и территориально различающихся вариантах стали импульсом для изучения этой картины в современном Китае. Наше полное осмысление этой *няньхуа* было бы невозможным без обращения к статьям китайских ученых, в которых они делают акцент на отражении идеи религиозного синкретизма посредством представленного на картине образа.

Образ «жирного выше всякой меры мальчика», так ярко описанный В. М. Алексеевым, сегодня может быть интерпретирован по-другому. Остановимся лишь на основных моментах, позволяющих внести некоторые уточнения. Большинство авторов научных работ пишут о том, что прототипом для *няньхуа* из Таохуау стала картина с таким же названием — «*И туань хэ ци ту*» (壹團和氣圖), выполненная в 1465 г. восьмым минским императором Чжу Цзяньшэнем (朱见深, 1447–1487, девиз правления «Совершенные перемены» 成化) [6, с. 56].

Картина была написана через год после того, как шестнадцатилетний принц после многочисленных дворцовых интриг стал императором Китая. Чжу Цзяньшэнь в двухлетнем возрасте был лишен титула наследника, более семи лет по приказу родного дяди он провел под домашним арестом. После смерти отца, императора Чжу Цичжэня (朱祁镇, 1427–1464), дважды всходившего на престол, молодой император стал управлять страной. В последние годы его правления реальная власть перешла в руки евнухов, императорский двор погряз в коррупции, армия жестко расправлялась с крестьянскими восстаниями. Историки считают, что лучшие качества добродетельного монарха Чжу Цзяньшэнь смог продемонстрировать лишь в первые годы своего правления [7]. Примером тому служит картина «И туань хэ ци» (壹團和氣), в которой он воплотил идею о необходимости соединения даосизма, буддизма и этико-политической конфуцианской доктрины. Намеренно оставим рассуждения о том, чем руководствовался молодой Чжу Цзяньшэнь — искренним желанием упорядочить государство и содействовать его гармоничному существованию (на этом делают акцент авторы статей) или это был традиционный ход, гарантирующий поддержку легитимности власти.

Картина, выполненная императором, сегодня хранится в музее Гугун, на ней изображен бодхисаттва Майтрея, в руках у него четки (рис. 1). Майтрея сидит, скрестив ноги, что придает округлые формы всему рисунку. При внимательном рассмотрении картины в драпировках рукавов большого халата можно заметить еле различающиеся силуэты даосского монаха, которого Майтрея обнимает правой рукой, и ученого, представляющего конфуцианство, его бодхисаттва заключил в объятия левой рукой. О принадлежности персонажей к даосизму и конфуцианству говорят их головные уборы — шапочка даоса и повязка ученого. Так в единении трех тел, слиянии представителей буддизма, даосизма и конфуцианства, Чжу Цзяньшэнь воплотил свое видение гармонии и порядка в Поднебесной. Тела на картине образовали единый круг, что вполне логично, поскольку круг, будучи культурной универсалией любой цивилизации (образы солнца, луны, колеса, плода, семени, зрачка и т. п.), давно перестал быть просто художественным символом. Изображение замкнутого круга в китайском искусстве всегда содержало только положительные коннотации, во-первых, это определялось идеей отождествления круга с Небом, во-вторых, круг обозначал полное единение, полную гармонию, полное изобилие. Позднее в буддийской архитектуре и искусстве круг ассоциировался с перерождениями и перевоплощениями.

Император Чжу Цзяньшэнь сомкнул в круг три учения, призвав своих подданных к духовному единению. Китайские исследователи отмечают, что импровизация монарха была связана с идеей религиозного синкретизма, при этом он заимствовал сюжет знаменитой картины «Ху си саньсяо ту» (досл.: «Трое у ручья улыбаются тигриному рыку», «虎溪三笑图»). Авторство картины не установлено, предполагают что она была написана Ши Кэ (石恪, годы жизни неизвестны), художником, жившим в эпоху Пяти династий (907–960), позднее эту легенду воспроизвел сунский живописец Ли Гунлинь (李公麟, 1049–1106). На картине изображены талантливейший поэт Тао Юаньмин (陶渊明, 365–427), выдающийся даос Лу Сюэцин (陆修静, 406–477) и знаменитый буддийский монах Хуэй Юань (慧远, 334–416). Согласно преданию, их встреча состоялась в горах Лушань, в монастыре Дунлиньсы (东林寺), основанном Хуэй Юанем. Провожая гостей, буддистский монах неожиданно для се-

бя перешел с ними через горный ручей, чего раньше никогда не делал, поскольку боялся тигра, живущего за ручьем. Но сейчас Хуэй Юань был под впечатлением приятного знакомства, встречи и беседы, во время которой каждый проникся идеями собеседника. Оказавшись вдали от монастыря, они услышали рев тигра, поэт, даос и буддийский монах, не испугались, они лишь улыбнулись... и разошлись каждый в своем направлении, сожалея о том, что у них не было возможности узнать друг друга раньше [8]. Учитывая разницу в возрасте участников встречи, вероятно, это всего лишь легенда, основанная на том, что в разное время все они были отшельниками, странствовали в живописных горах Лушань, где занимались изучением канонов и самоусовершенствованием.

Минский император сопроводил свою картину надписью «台三人以为壹, 达壹心无二, 望彼此之是非, 蔼壹团之和气», общий смысл которой сводится к следующему: «На картине трое, но можно их принять за одного. Они достигли единения мыслей. Надеюсь, уравнивая друг друга, будут пребывать в единстве и согласии» [6]. Отсюда становится понятен источник происхождения названия картины «И туань хэ ци» (壹團和氣) — «находиться в согласии и мире». Необходимо отметить, что с точки зрения эстетических норм оригинальную картину Чжу Цзяньшэня можно рассматривать как образец портретной живописи.

Над головами трех персонажей — красная печать, на первый взгляд ее значение понять практически невозможно. По мнению авторов статьи, посвященной исследованию картины «И туань хэ ци» (壹團和氣), красная печать представляет собой слияние иероглифов 如 жу и 意 и, составляющих слово 如意 жу'и, имеющее значение «исполнение желаний». Это вписывается в сложившиеся традиции благопожеланий, когда составной иероглиф мог заключать в себе целую фразу. Самыми распространенными примерами являются ненормативные иероглифы с большим количеством черт, передающие пожелания финансового благополучия «Чжаоцай цзиньбао» 招财进宝 или «Хуанцзинь ваньян» 黄金万两, а также иероглиф двойного счастья 囍, связанный с проведением свадебных обрядов [9, с. 98]. В статье ученые отмечают, что идея о составном иероглифе, образованном слиянием 如 жу и 意 и, является лишь их частной версией. Однако это объясняет появление слова 如意 жу'и «исполнение желаний» на китайских народных картинах-няньхуа, изготовленных в цинский период.

Картина «И туань хэ ци» (壹團和氣), созданная императором, не могла быть представлена широкому кругу лиц, о ее существовании знали немногие, тем не менее ее семантика была широко заимствована народными мастерами. Авторы статьи «Анализ категорий духовной культуры на основе сюжетов няньхуа из регионально-го центра Таохуау» предполагают, что об императорском свитке, пронизанном идеей религиозного синкретизма, могли узнать в мастерских Сучжоу еще в конце минской династии. На тот момент были налажены связи между столицей и экономически развитыми районами Китая, которые гарантировали не только торговый, но и культурный обмен [6, с. 56]. Первоначальный сюжет картины «И туань хэ ци» (壹團和氣) трансформировался на протяжении трех столетий, соответственно он был упрощен, впоследствии об авторстве знали единицы, и только надпись на свитке в руках толстяка напоминала о картине, хранящейся в императорском дворце. Трансформация сюжета была обусловлена спецификой народной религии, представляющей собой особый тип духовной культуры Китая. Простому крестьянству, которое являлось

массовым покупателем дешевых картинок, была ближе и понятнее идея о полной гармонии. Массовое искусство, будучи прагматически ориентированным, вступило в диалог с высоким искусством и адаптировало сюжет, выдвинув на первый план другие ценности. Однако наблюдаемая трансформация не означает искажения заложенной в оригинале художественной и философской идеи, упрощения эстетической ценности.

Возвращаясь к образу «круглой, полной гармонии», претерпевшему заметные изменения, следует сказать, что китайские ученые склонны полагать, что на *няньхуа*, выполненной в конце династии Цин (рис. 2), изображена улыбающаяся пожилая дама, а не девушка-подросток. В пользу первой версии говорят серьги, их следует рассматривать как статусное украшение, которое могли носить только взрослые женщины [10, с. 29]. На лице пожилой дамы — глубокие морщины, губы ярко накрашены. На ее шее замок с благопожеланием вечной жизни: *жи тун чуньюэ* (日同春月), в руках свиток — «*И туань хэ ци*» (壹團和氣).

Смена благопожелательных надписей на замке вполне закономерна. Возможно, что на картине цинского периода из коллекции В. М. Алексеева изображен мальчик, надежда семейства, которому пророчат получение ученой степени и должности, что отражает благопожелание — «достичь [моему сыну] степени *чжуанъюаня* [первого из первых на дворцовом экзамене]» (перевод В. М. Алексеева). Замок долголетия (*чанминсо*, 长命锁) на персонаже рассматриваемой нами картины не помогает прояснить ситуацию, так как в цинском Китае он мог служить как оберегом для ребенка, так и украшением для взрослой женщины.

Скрытая семантика народной картины «*И туань хэ ци*» (壹團和氣) регионального центра Таохуау требует дальнейшего философского осмысления. Теоретическое изучение этой картины, основанное на применении современных подходов и концепций, позволит определить художественные представления разных периодов китайской истории и понять систему абстрактных идей, скрытых в улыбке «дамы из Сучжоу».

Литература

1. Zhang Xiaochun. Suzhou chuantong meishu yuansu shibo Suzhouguan shejizhongde yunyong // Suzhou jiaoyu xueyuan xuebao. 2011. Vol. 28, № 3. P. 52–55.
2. Рифтин Б. Л. Сучжоу — старейший центр китайских народных картин // Проблемы литератур Дальнего Востока: Материалы IV научн. конф. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. Т. 2. С. 344–367.
3. Zhongguo jingdian nianhua. Ho Qinglian zhu / Zhengzhou: Henan wenyi chubanshe, 2010. P. 291.
4. Shen Hong. Taohuawu nianhua zhi lu. Changchun: Jilin renmin chubanshe, 2010. P. 233.
5. Алексеев В. М. Китайская народная картина: Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. М.: Наука, 1966. 260 с.
6. Huang Yongfei, Liu Shaoniu. Taohuawu nianhua tica renwen jingshen qiangyi — yi nianhua «Yi tuan he qi» wei li // Zhongyang meishu xueyuan. 2008, № 11. P. 55–57.
7. Beijing Gugong: Zhongguo zui zaode manhua — Ming Chenghua huangdi «Yi tuan he qi tu» // Сайт электронного журнала «Тай шэн» <https://news.google.ru/nwshp?hl=ru&tab=wn> (дата обращения: 15.09.2013).
8. Jia Xiaoming. Cong «Yi tuan he qi tu» kan Zhongguo mingdaide «Sanjiao heyi» // 2013.04.25 Renmin zhengcebao.

9. *Bian Peng, Chen Jiandong*. Nianhuazhongde «Yi tuan he qi» yu «He he er xian» kao — jian tan «He he» guannian // Nanjing yishu xueyuanbao. 2009, № 2. P. 96–99.

10. *Bian Peng, Chen Jiandong*. Nianhua «Yi tuan he qi» tuxiang chukao // Meishu daguan. 2009, № 4. P. 28–29.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2014 г.

Контактная информация

Лемешко Юлия Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент; ulemeshko@mail.ru

Lemeshko Yulia G. — Candidate of Philology, Associate Professor; ulemeshko@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

УДК 94(510)«1949/1962»

П. П. Николаев

ИНДИЙСКИЙ ФАКТОР КАК КЛЮЧЕВОЙ АСПЕКТ КИТАЙСКО-БУТАНСКИХ И КИТАЙСКО-СИККИМСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1949–1962)

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В статье исследуются роль и место Бутана и Сиккима в контексте внешней политики КНР в 1949–1962 гг. Автором была сделана попытка выявить изменения в позиции китайского руководства в отношении указанных государств на фоне постепенного роста напряженности в китайско-индийских отношениях. Библиогр. 12 назв.

Ключевые слова: КНР, Китай, Бутан, Сикким, Индия, Тибет, внешняя политика, пограничное урегулирование.

INDIA AS THE KEY FACTOR IN CHINA-BUTAN AND CHINA-SIKKIM RELATIONS (1949–1962)

P. P. Nikolaev

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article examines the role of Butan and Sikkim in the context of China's foreign policy in 1949–1962. The author has attempted to identify changes in the position of Chinese authorities towards these countries against the backdrop of a gradual rise of tension in Sino-Indian relations. Refs 12.

Keywords: PRC, China, Butan, Sikkim, India, Tibet, foreign policy, border settlement.

К началу 1950-х годов на политической карте мира появились два новых крупных государства — Республика Индия и Китайская Народная Республика. За рассматриваемый в статье период (1949–1962) отношения двух этих стран претерпели ряд радикальных перемен.

В первые месяцы после провозглашения КНР с целью демонстрации своей лояльности СССР китайские власти развернули агитационную кампанию против правительства Дж. Неру, которое рассматривалось советским руководством как «империалистическое». Тем не менее, понимая опасность конфронтации с Индией в период Корейской войны (1950–1953) и в особенности кампании по так называемому «освобождению» Тибета, китайские руководители приняли решение пойти на сближение с Индией и в апреле 1950 г. установили с ней дипломатические отношения.

Стороны признали наличие ряда оставшихся от прошлого проблем в двусторонних отношениях и пришли к согласию сесть за стол переговоров с целью их окончательного разрешения. Итогом переговоров 1953–1954 гг. стало «Соглашение между Индийской Республикой и Китайской Народной Республикой о торговле и сообщении между Тибетским районом Китая и Индией» от 29 апреля 1954 г. Кроме урегулирования вопросов трансграничной торговли и сообщения, стороны заявили в данном соглашении о необходимости строить свои отношения на основе «пяти принципов мирного сосуществования» («панча шила»)¹. Соглашение 1954 г. открыло новый этап в китайско-индийском взаимодействии. Между странами начался активный культурный и научный обмен, выросли показатели торгового сотрудничества, стороны оказали взаимную поддержку и выступили единым фронтом по ряду острых вопросов мировой политики. Тем не менее, со временем стали активизироваться противоречия двух стран по тибетскому вопросу и пограничной проблеме. Индия рассматривала политику КНР как излишне жесткую и тоталитарную в отношении тибетского населения и периодически поднимала тибетский вопрос в переговорах с китайским правительством, что воспринималось Китаем как однозначное вмешательство во внутренние дела. Особенно острыми стали разногласия сторон по данному вопросу после подавления Народно-освободительной армией Китая (НОАК) беспорядков в Тибете в марте 1959 г. и бегства Далай-ламы в Индию.

Не менее беспокоящей проблемой в двусторонних отношениях стал пограничный вопрос. Дж. Неру не признавал наличия территориально-пограничного спора с КНР, в то время как китайская сторона заявила прямо об этом в 1959 г. Попытки дипломатического разрешения пограничной проблемы окончились неудачей. С августа 1959 г. на китайско-индийской границе стали происходить инциденты с человеческими жертвами с обеих сторон. В итоге крупнейшие государства Азии, исчерпав все средства мирного урегулирования пограничной проблемы, прибегли в октябре 1962 г. к войне, победителем из которой вышла китайская сторона. С этого времени между странами началась затяжная «холодная война».

Взаимоотношения двух «азиатских гигантов» влияли на отношения каждого из них с соседними странами, которые в свою очередь должны были решить для себя, чью сторону занять в ходе эскалации китайско-индийского пограничного конфликта. В этом контексте представляют интерес отношения КНР с двумя формально независимыми, но имеющими тесные связи с Индией гималайскими монархиями — Сиккимом и Бутаном. Таким образом, целью данной статьи является анализ политики КНР в отношении двух указанных государств в контексте нарастающего конфликта с Индией.

Заявленная цель продиктовала и отдельные задачи исследования. Основной из них было выявить изменения в китайской позиции по поводу «особого статуса» (протектораты Индии) Бутана и Сиккима на фоне постепенного роста напряженности в китайско-индийских отношениях. Кроме того, автор ставил задачу проанализировать военно-стратегическое значение рассматриваемых стран для КНР накануне и в ходе пограничной войны с Индией. Таким образом, в данной статье гималайские монархии выступают объектами внешнеполитической активности КНР,

¹ Они заключаются: 1) во взаимном уважении территориальной целостности и суверенитета; 2) во взаимном ненападении; 3) в невмешательстве во внутренние дела друг друга; 4) в равенстве и взаимовыгоде; 5) в мирном сосуществовании.

характер и степень интенсивности которой напрямую зависели от ряда факторов, основным из которых был, безусловно, индийский.

Хронологические рамки статьи выбраны также не случайно и отражают убеждение автора, что позиция Китая в отношении Бутана и Сиккима менялась в прямой зависимости от динамики китайско-индийского взаимодействия. На протяжении 1950-х годов руководство КНР признавало контроль Индии над указанными государствами. Тем не менее, уже в 1960 г. Китай стал предпринимать дипломатические усилия по налаживанию прямого диалога с гималайскими монархиями в обход Индии.

Основными источниками для данной статьи стали так называемые Белые книги индийского правительства, в которых собрана китайско-индийская дипломатическая переписка в рассматриваемые годы, публикации газеты «Жэньминь жибао» и сообщения информагентства «Синьхуа».

Кроме этого, для выполнения заявленных в статье задач автор использовал работы таких исследователей, как Л. Е. Роуз [1], К. Раджеш [2], Т. Пулоз [3] и др. В работах указанных авторов преимущественно изучаются индо-сиккимские и индо-бутанские отношения, а КНР в этой связи рассматривается как один из факторов формирования этих отношений. В данной статье автор стремился в центр исследования поставить именно КНР и ее взгляд на «особые отношения» Индии с гималайскими монархиями.

* * *

После провозглашения в 1947 г. независимости Индии индийскому руководству удалось за два года достигнуть договоренности с гималайскими монархиями, прежде всего с Бутаном и Сиккимом, об их особом статусе по отношению к правительству Дж. Неру. В частности, в соответствии с индо-сиккимским соглашением 1947 г. Сикким стал протекторатом Индии с правом индийского руководства контролировать его внешнюю политику, оборону и связь, а Королевство Бутан по индо-бутанскому соглашению 1949 г. признало обязанность координировать с правительством Дж. Неру свою внешнюю политику и импорт вооружения.

Китайское руководство поначалу негативно восприняло подписание Индией указанных договоров с Бутаном и Сиккимом. Китайская пресса призывала даже вынести вопрос отношений Индии с гималайскими монархиями на рассмотрение ООН. «Правительство Неру не имеет никаких полномочий на объявление какого-либо государства своим протекторатом», — заявляла газета «Жэньминь жибао» после подписания Индией договора с Бутаном в августе 1949 г. [4].

В 1950 г. началась Корейская война. В том же году операция по «освобождению» Тибета вступила в активную фазу. В складывавшейся сложной военно-политической обстановке китайскому руководству было невыгодно противостояние с соседними странами. В целях налаживания мирных и стабильных отношений с Республикой Индия китайская сторона прекратила критику правительства Дж. Неру за его «экспансионистский» курс по отношению к гималайским монархиям. На протяжении 1950-х годов руководство КНР регулярно подчеркивало, что учитывает особые отношения двух рассматриваемых государств с Индией и не пытается устанавливать какие-либо контакты с ними в обход правительства Дж. Неру.

В 1954 г. произошел первый зафиксированный документально инцидент на китайско-индийской границе в Бара Хоти (кит. Ужэ). С середины 1950-х годов стало разворачиваться сопротивление тибетцев китайской администрации. Так как в 1954 г. стороны заключили Соглашение, в котором была зафиксирована договоренность о налаживании двусторонних отношений на основе «пяти принципов мирного сосуществования», руководство КНР воздержалось от обнародования сведений об указанном инциденте и о возможном подстрекательстве тибетцев со стороны Индии.

Вместе с тем в китайской прессе в 1955 г. появилось сообщение об осуществлении антикитайской пропаганды в среде тибетцев со стороны западных миссионеров, якобы действующих на территории Бутана и Сиккима. Кроме этого, Сикким с Бутаном использовались, по информации из данного сообщения, как перевалочный пункт для заброски «антикитайских элементов» в Тибет [5].

Таким образом, исходя из данного сообщения, китайские власти рассматривали гималайские монархии в середине 1950-х годов как источники угроз государственной безопасности КНР, что должно было стать тревожным сигналом для Индии, осуществлявшей широкий контроль над внутренней и внешней политикой этих стран. Тем не менее, индийская сторона, насколько известно автору, никак не прокомментировала данное сообщение «Синьхуа».

Частично опасения китайской стороны, что Сикким и Бутан могут стать плацдармом для подготовки отрядов тибетских сепаратистов, были обоснованы: большинство населения указанных стран исповедует буддизм, и потому недовольство, выказанное частью тибетцев китайским властям после «освобождения» Китаем Тибета, нашло сочувствие не только среди жителей Сиккима и Бутана, но даже среди представителей политической элиты гималайских монархий.

Так, в апреле 1959 г., сразу после мартовских беспорядков в Тибете и бегства Далай-ламы из Лхасы, руководитель Сиккима (чогьял) во время визита в Японию заявил, что собирается создать «фонд помощи тибетцам». Со слов чогьяла, приведенных в сообщении «Синьхуа», «КПК присвоила имущество религиозных учреждений» Тибета, «нарушила буддистские законы», «не пощадила даже женщин и детей». Сиккимский монарх предложил также Далай-ламе политическое убежище в своей стране.

Обращает на себя внимание тот факт, что в сообщении «Синьхуа», в котором была приведена речь чогьяла Сиккима, такое отношение принца к тибетской проблеме объясняется авторами статьи тесными отношениями с Индией [6]. Впервые китайская сторона указала на негативное влияние, оказываемое Индией на сиккимскую внешнюю политику. С этих пор любые направленные, по мнению китайского руководства, против КНР высказывания и действия руководителей гималайских монархий трактовались Китаем как сделанные под давлением Индии. В том же ключе, например, интерпретировалась встреча чогьяла с Далай-ламой в Миссури 10 мая 1959 г.

Вместе с тем Китай не оспаривал контроль Индии над рассматриваемыми странами, что следует из китайско-индийской дипломатической переписки по пограничной проблеме.

Что касается Сиккима, то Китай не имел официальных территориальных претензий к этому государству, так как признал англо-китайский договор 1890 г. по раз-

граничению с княжеством. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в указанном договоре был применен принцип водораздела, к которому апеллировала Индия и который в то же время отвергался китайской стороной во время двухсторонних пограничных переговоров.

С Бутаном дело обстояло иначе. Еще на картах, изданных в первой половине 1950-х годов, можно было заметить, что китайская сторона изобразила границу с Бутаном вразрез с представлениями индийского правительства, протест в отношении чего был выражен 21 августа 1958 г. в ноте Республики Индия в МИД КНР. В ней индийская сторона требовала объяснить, почему в 95-м выпуске журнала «Чайна пикториал» от июля 1958 г. была напечатана карта, на которой в китайскую территорию были включены весь район Ташиган и часть территории на Северо-Западе Бутана [7].

В ответной ноте китайского правительства от 3 ноября 1958 г. и ответном письме Чжоу Энляя от 23 января 1959 г. было заявлено, что китайское правительство еще не изучало пограничный вопрос с Индией, который, безусловно, существует, и пока не направляло специалистов для проведения исследования спорных территорий, поэтому оно не может выпускать новые карты, и вынуждено руководствоваться картами, изданными до 1949 г. [7].

Из этого следует, что Китай воспринимал Бутан в 1958–1959 гг., в период нарастания конфликта с Индией, как часть индийской территории и готов был обсуждать пограничный вопрос с индийским руководством. В противном случае руководители КНР могли заявить, что не желают обсуждать спорные участки китайско-бутанской границы с третьей страной. Это автоматически означало бы непризнание Китаем индо-бутанского договора 8 августа 1949 г. о контроле Индии над внешней политикой королевства. Такое развитие событий могло сильно осложнить китайско-индийские отношения на данном этапе.

Вместе с тем, китайские пограничные патрули регулярно пересекали признаваемую не только Бутаном, но и Сиккимом пограничную линию с Тибетом. Кроме этого, китайцы при полном попустительстве Индии заняли восемь анклавов в восточной части Тибета, находившиеся с XVII в. под управлением бутанского правительства. Бутанские чиновники были полностью выдворены с их территории.

В этой связи неудивительно, что политическая элита обеих стран выступала за усиление сотрудничества с Индией в деле укрепления северных границ. Например, сиккимский лидер дважды по собственной инициативе посещал Индию (в 1959 и 1960 гг.²) в целях координации усилий по защите северной границы протектората [1, р. 40]. А Бутан в 1961 г. подписал с Индией Совместное соглашение об обороне, по которому на территории этой страны был размещен контингент индийских войск [2, р. 176].

Однако надо отметить, что лидеры Бутана и Сиккима нередко пытались сыграть на китайско-индийских противоречиях и получить тем самым большую независимость от Индии, вынудив ее при этом вкладывать больше средств в свои экономики.

Видимо, именно исходя из этих соображений представители бутанских правящих кругов делали заявления о готовности войти в прямой контакт с китайской стороной. Так, бутанский монарх заявил 30 января 1961 г.: «Бутан — суверенная и не-

² Во время своего второго визита в ноябре 1960 г. глава Сиккима принц Палден Тондап предложил Дели помочь в создании отдельного сиккимского батальона [1, р. 40].

зависимая страна. И если Бутан пожелает, то он может вести прямые переговоры с Китаем» [3, р. 205]. Тем не менее, под давлением Индии данные установки так и не были закреплены во внешнеполитическом курсе рассматриваемых стран.

В первое время после эскалации тибетского вопроса и пограничного конфликта в китайско-индийских отношениях китайское руководство не отказывалось от курса на признание «особых отношений» Индии с гималайскими монархиями. Так, когда с 1959 г. стали появляться ноты протеста индийского правительства о притеснениях индийских граждан в Тибете, включая граждан Бутана и Сиккима [7], Китай не отказался обсуждать данный вопрос в отношении бутанцев и сиккимцев, дав этим понять, что он признает контроль Индии над внешней политикой указанных государств.

Аналогичной позиции придерживалось китайское правительство, когда Индия потребовала восстановления контроля Бутана над анклавом около Кайлаша — священного для паломников Индии места, доступ к которому был закрыт для иностранцев в 1960 г. [7]. На пресс-конференции 25 апреля 1960 г., комментируя указанную проблему, Чжоу Эньлай заявил, что Китай «не имеет требований к Бутану и между сторонами нет спора... китайское правительство... глубоко уважает существующие отношения Индии с Сиккимом и Бутаном» [8, с. 280].

Однако по мере углубления китайско-индийских противоречий позиция Китая стала меняться. Первые тревожные сигналы стали появляться уже в 1960 г. Так, например, в сборнике речей Чжоу Эньлая за 1960 г. под названием «Победа пяти принципов мирного сосуществования», составленном по результатам поездки главы правительства КНР по ряду стран Южной и Юго-Восточной Азии, была напечатана карта, где Бутан был закрашен цветом, который обозначал «страны, действующие совместно с социалистическими государствами». Кроме этого, по словам бутанского премьер-министра, китайское руководство предложило ему в 1961 г. провести прямые переговоры о границе, заключить дипломатические отношения и предоставить Бутану крупную экономическую помощь [9, р. 321].

Китайская группа экспертов на переговорах по границе после апрельской встречи Чжоу Эньлая и Дж. Неру в 1960 г. была против включения в окончательный вариант отчета тех вопросов, которые касались границ с Бутаном и Сиккимом.

Примерно в этот же период китайские руководители предложили некоторым политикам Сиккима создать Конфедерацию гималайских государств [10, р. 72]. И хотя данный факт не имеет документального подтверждения, достаточно четко обозначилась перемена в политике Пекина на признание «особого» статуса Бутана и Сиккима по отношению к Индии.

Особый интерес Китая к гималайским монархиям и изменение его отношения к их политическому статусу в начале 1960-х годов могли быть вызваны соображениями военно-стратегического характера [11, р. 61]. Особенно это проявилось в отношении Сиккима, через территорию которого открывается прямой путь в уязвимый для безопасности Индии район коридора Силигури, ведущего вглубь индийской территории. К октябрю 1961 г. китайцы установили двенадцать пограничных постов вдоль границы с Сиккимом [11, р. 61], что указывало на стратегическую важность китайско-сиккимского пограничного участка для КНР.

Неудивительно, что Китай проводил активную разведку сиккимской территории. Так, к апрелю 1962 г. Индия направила пять нот протеста о нарушении КНР воздушного пространства над Сиккимом [12].

Вместе с тем, несмотря на концентрацию военных формирований на границе с гималайскими монархиями, как с китайской, так и с индийской стороны, столкновений в период китайско-индийской пограничной войны октября — ноября 1962 г. на участке китайско-бутанской и китайско-сиккимской границы зафиксировано не было.

Таким образом, в начале 1960-х годов руководство КНР стало отходить от своей позиции на признание контроля Индии над гималайскими монархиями и предпринимать усилия по их изоляции от Индии. Учитывая уязвимое положение Индии в районе южнее этих монархий (так называемый Силигурийский коридор), нетрудно догадаться, что проникновение китайского влияния в Бутан и тем более в Сикким болезненно воспринималось в Индии и вело лишь к дальнейшему обострению пограничного конфликта между двумя крупнейшими азиатскими державами.

Литература

1. *Rose L. E.* India and Sikkim: Redefining the Relationship // *Pacific Affairs*. 1969. Vol. 42. Spring, N 1. P. 32–46.
2. *Rajesh K.* Bhutan's security scenario // *Contemporary South Asia*. 2004. Vol. 13. 2. P. 171–185.
3. *Poulose T. T.* Bhutan's External Relations and India // *The International and Comparative Law Quarterly*. 1971. Vol. 20. Apr., N 2. P. 195–212.
4. *Ke Sijing.* Nihelu zhengfu bianbudao tongbing Xizang de yinmou // *Renmin ribao*. Beijing, 07.09.1949 // Сайт Академии социальных наук КНР, посвященный 50-летию освобождения Тибета. 2000. URL: http://www.cass.net.cn/zhuanti/2009xizang50/show_News_1.asp?id=20 (дата обращения: 24.01.2011).
5. *Niboer he Xizan gzhengfu caiqu cuoshi xianzhi waiguoren zai tong Zhongguo pilin diqu* // *Xinhuashe*. Beijing, 03.07.1955 // Сайт Академии социальных наук КНР, посвященный 50-летию освобождения Тибета. 2000. URL: http://www.cass.net.cn/zhuanti/2009xizang50/show_News_1.asp?id=1428 (дата обращения: 23.01.2011).
6. *Renminribao*. Beijing, 24.04.1959 // Сайт Академии социальных наук КНР, посвященный 50-летию освобождения Тибета. 2000. URL: http://www.cass.net.cn/zhuanti/2009xizang50/show_News_1.asp?id=2563 (дата обращения: 24.01.2011).
7. Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China 1954 –1959 // WHITE PAPER I (1954–1959). Ministry of External Affairs, Government of India. Extracts. P. 51. URL: http://www.claudearpi.net/maintenance/uploaded_pics/WhitePaper1.pdf (дата обращения: 27.01.2011).
8. *Zhou Enlai waijiao xuanji*. Beijing, 1990.
9. *McLane C. B.* Chinese Words and Chinese Actions // *International Journal*. 1963. Vol. 18. Summer, N 3. P. 310–326.
10. The Sino-Indian Border Dispute // Section 2 (1959–1961) of the CIA working paper. 19 August 1963. Approved for release in May 2007. P. 72.
11. *Sihna P. B., Athale A. A.* History of the Conflict with China, 1962. New Dehli: History Division of the Ministry of Defence, Government of India, 1992. 474 p.
12. *Xinhua*. Beijing, 14.04.1962. URL: http://www.cass.net.cn/zhuanti/2009xizang50/show_News_1.asp?id=4427 (дата обращения: 24.01.2011).

Статья поступила в редакцию 30 июля 2014 г.

Контактная информация

Николаев Павел Петрович — аспирант; dao4000@mail.ru

Nikolaev Pavel P. — Post graduate student; dao4000@mail.ru

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Н. Н. Дьяков

АРАБИСТИКА И ИСЛАМОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ. О XXVII КОНГРЕССЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА АРАБИСТОВ И ИСЛАМОВЕДОВ В ХЕЛЬСИНКИ

Вот уже более полувека ведущим центром арабистики и исламоведения в Европе выступает Европейский союз арабистов и исламоведов (Е. С. А. И.) — *Union Européenne des Arabisants et Islamisants (U. E. A. I.)*.

Основанное в 1962 г., это объединение европейских арабистов и исламоведов успешно развивает научную и научно-просветительскую деятельность, позволяя ученым практически всех стран Европы, а также России глубже знакомиться с научными изысканиями своих коллег во всех сферах ближневосточных штудий.

Одна из главных задач Е. С. А. И. — сохранять и популяризировать востоковедное наследие Европы. Это объединение с полным правом может считаться главным хранилищем востоковедных традиций Старого Света. В отличие от других международных организаций ориенталистов, Союз подчеркнуто сторонится столь популярной и острой сегодня геополитической проблематики, будучи фактически закрытым для участия политологов и политиков от востоковедения.

Первый учредительный конгресс организации проходил в сентябре 1962 г. в испанской Кордове — некогда величественной столице арабского эмирата, а с 929 г. даже халифата омейядских властителей мусульманской Испании.

У истоков объединения европейских арабистов и исламоведов стояли такие известные ученые, как М. Аркун, Н. Барбур, К. Босворт, И. Гольциер, Й. Ваарденбург, У. Монтгомери Уотт, П. Какиа, Т. Левицки, А. Мартель, У. Маделунг, Х. Килпатрик, Т. Гарсиа Фигерас, Ф. М. Пареха, А. Попович, А. Фодор и др.

Практически с самого начала своей деятельности Е. С. А. И. широко сотрудничал с востоковедами СССР, а теперь и РФ. Сотрудничество с ленинградскими/петербургскими востоковедами всегда играло существенную роль в мероприятиях Е. С. А. И. В числе первых и поистине почетных членов Союза немало имен видных отечественных востоковедов, в том числе и уже покинувших этот мир: О. Ф. Акимов, С. М. Бабаев, В. И. Беляев, М. Н. Боголюбов, А. Б. Халидова, а также продолжающих трудиться на ниве востоковедения О. Г. Большакова, А. А. Долининой, О. Б. Фроловой, Т. И. Султанова, М. А. Родионова, Е. А. Резвана, А. А. Хисматулина и др.

Автору этих строк впервые довелось участвовать в конгрессе Е. С. А. И. в 1994 г. Это была первая представительная встреча европейских ближневосточников на берегах Невы. Своим успехом она во многом была обязана усилиям и энтузиазму Е. А. Резвана, в то время сотрудника ЛО ИВ РАН. Впервые выступив тогда с высокой трибуны Е. С. А. И. и став его членом, автор

продолжил сотрудничество с этой организацией, по возможности принимая участие в ее мероприятиях.

В 1998 г. это был конгресс на востоке Германии, проходивший в университетах городов Галле и Виттенберга. Эта встреча позволила нашим коллегам вновь встретиться со старинными друзьями и партнерами — арабистами бывшей ГДР. В их числе был известный немецкий востоковед и этнограф, профессор Лейпцигского университета Лотар Штайн, чьи труды, переведенные на русский язык еще в СССР, пользовались популярностью у нас в стране и традиционно составляли важный раздел к введению в этнографию арабских стран для студентов Восточного факультета ЛГУ/СПбГУ.

Позже, уже десять лет спустя, очередной конгресс Е. С. А. И. вновь проходил на востоке объединенной Германии — в университете Лейпцига, готовившемся тогда отметить свое 600-летие. Город Гёте и Шиллера радушно открыл двери перед европейскими ориенталистами.

Круг участников подобных встреч постоянно расширялся, росло и число российских университетов, включавшихся в деятельность Е. С. А. И.: наряду с учеными из МГУ, СПбГУ, в них принимали участие ученые из Казани, Махачкалы, других научных центров нашей страны.

В 2010 г. свой 25-й конгресс Е. С. А. И. проводил в университете «Ориенталиа» в Неаполе. Это был последний его форум, состоявшийся накануне «арабской весны». Бурные события в арабском и мусульманском мире все больше привлекали к себе внимание мировой общественности и, конечно, специалистов по истории и культуре народов этого неспокойного региона.

Фактически в разгар бурной «арабской смуты» проходил и следующий, 26-й конгресс Е. С. А. И. в швейцарском Базеле. Расположенный в сердце Европы, у границ с Францией и Германией, на швейцарском берегу Рейна, университет Базеля с его уникальным собранием рукописей и литературы по арабо-мусульманской культуре представляет собой один из главных центров европейской арабистики. Здесь, в частности, работал над главным трудом своей жизни, посвященным «мусульманскому ренессансу», хорошо известный российскому читателю профессор Адам Мец (1869–1917).

События в Тунисе, Ливии, Египте, Сирии и т. д. вряд ли существенно повлияли на характер последних встреч в рамках Е. С. А. И. Безусловно, в сдержанности и консервативности его научных диспутов и подходов во многом заключалось здоровое зерно мудрости, которое позволяло ученым из разных стран и политических систем сохранять баланс интересов и оценок в обсуждении, казалось бы, столь взрывоопасных, обоюдоострых проблем современного ислама и арабского Востока.

Состоявшийся в Хельсинки 2–6 июня 2014 г. 27-й конгресс Е. С. А. И. подтвердил его верность избранному некогда «генеральному курсу»: строгому следованию принципам и традициям классического европейского востоковедения. В ходе торжественного открытия конгресса в главном здании Хельсинкского университета, на улице Фабианкату 4, президент организации профессор Себастиан Гюнтер из университета Геттингена (Германия) приветствовал участников встречи, подчеркнув ее значимость для современной науки и культуры.

В конгрессе приняли участие более 100 ученых из практически всех стран Европы. В течение трех дней, 3–5 июня, состоялось 8 рабочих заседаний 4 секций конгресса, где были представлены доклады по самым разным аспектам современных арабистических и исламоведческих исследований.

Как представитель Петербургской/Ленинградской школы отечественного востоковедения, одной из старейших на континенте и изначально теснейшим образом связанной с востоковедными школами Европы, автор этих строк хотел бы особенно отметить участие российских ученых. Весьма внушительной, что уже стало традицией в последние годы, была на конгрессе делегация москвичей, включавшая семь ученых из ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, а также из ВШЭ и других столичных вузов.

Гости из Санкт-Петербурга, хотя и расположенного совсем недалеко от столицы Суоми, были не столь многочисленны. Все они — сотрудники кафедры истории стран Ближнего Вос-

тока СПбГУ (к сожалению, в последний момент из-за болезни вынужден был отказаться от поездки на конгресс доктор исторических наук, доцент И. В. Герасимов).

В первый день заседаний конгресса с докладом выступила кандидат исторических наук, доцент М. Ю. Илюшина. Увлеченно занимающаяся в последние годы изучением рукописного наследия по истории арабского Востока (Египта и Сирии) в мамлюкскую эпоху, на перекрестке Средних веков и Нового времени, М. Ю. Илюшина выступила с ярко иллюстрированной презентацией, посвященной рукописям из собрания Восточного отдела научной библиотеки СПбГУ (“Manuscripts dated to the Mamluk period in the collection of St. Petersburg State University Library”). Приятно было в очередной раз услышать высокую оценку научного сообщения М. Ю. Илюшиной из уст маститых европейских ученых.

Уже на завершающем этапе конгресса автор этих строк в свою очередь выступил с докладом о месте «андалусийских исследований» в научном наследии выдающегося отечественного ученого, отца-основателя современной российской арабистики академика И. Ю. Крачковского (1883–1951), выпускника Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, в течение ряда лет возглавлявшего кафедру арабской филологии.

Знакомство с уникальной арабо-мусульманской культурой страны Ал-Андалус, обширные контакты с ведущими испанскими арабистами в 1930-е годы продолжали вдохновлять ученого на новые изыскания в области «андалусоведения», которые он не прекращал даже холодной зимой блокадного 1942 г. Научному подвигу российского арабиста, его интересу к наследию арабского историографа Ахмеда ал-Маккари (ум. 1631) и было посвящено данное сообщение: “Ghusn al-Andalus al-ratib...” — “a Fresh Branch of Al-Andalus” in the works of I. Krachkovski...” («Свежее благоухание ветви Ал-Андалуса» в работах И. Ю. Крачковского»).

Итоги 27-го конгресса европейских арабистов и исламоведов были подведены на состоявшейся 5 июня его генеральной ассамблее, где обсуждались вопросы приема новых членов Е. С. А. И., а также порядка выдвижения кандидатов в почетные члены организации. Новым президентом ее почти единогласно был избран профессор отделения арабистики и исламоведения департамента мировых культур Хельсинкского университета, многолетний участник форумов Е. С. А. И. Йакко Хэмен-Анттила.

Очередной, 28-й конгресс Европейского союза арабистов и исламоведов решено провести в 2016 г. на Сицилии, в университете Палермо. В 2018 г. следующий конгресс предполагается впервые организовать в Москве.

Контактная информация

Дьяков Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; nick-d@mail.ru

IN MEMORIAM

*В. В. Рыбин*ПАМЯТИ ЕВГЕНИИ МИХАЙЛОВНЫ ПИНУС
(1914–1984)

В 2014 г. Восточный факультет, кафедра японоведения отмечают важную для японоведов России дату — 7 мая Евгении Михайловне Пинус исполнилось бы 100 лет. В 1914 г. она родилась в Вологде. В 1939 г. окончила филологический факультет ЛГУ по специальности «Японская филология» и с этого же года начала преподавать японский язык и литературу Японии. Уже в первый послевоенный год (1946) 25 апреля Евгения Михайловна защитила кандидатскую диссертацию и стала кандидатом филологических наук.

В период работы над кандидатской диссертацией Е. М. Пинус интересовало творчество известного японского писателя Токутоми Рока (1868–1927), по образному выражению Евгении Михайловны — художника природы. Темой диссертационного исследования, естественно, и стала «Пейзажная лирика Токутоми». Творчество Токутоми не было ею предано забвению и в последующие годы: в 1978 г. увидела свет книга «Токутоми Рока. Избранное» в ее переводе с японского языка. Это издание свидетельствует о глубоком проникновении Е. М. Пинус в творчество японского писателя и в его мироощущение, в его философские воззрения и поэтику прозаического языка автора, вписавшего свою неповторимую страницу в историю японской литературы. Книгу предваряет замечательная вступительная статья «Токутоми Рока — художник природы», написанная профессором Пинус мастерски и со знанием дела. Высокой оценки заслуживает тонкое понимание и чувство японского языка во всех его нюансах, переданных изысканно-правильным, красивым русским языком, о сохранении чистоты которого Евгения Михайловна заботилась повседневно. И вступительную статью, и сам перевод отличают скрупулезность, отточенность и стилистическая безупречность — они являют собой прекрасный образец и литературоведческого анализа, и мастерства переводчика литературных произведений писателей Страны восходящего солнца.

Благодаря исследовательской и переводческой деятельности Евгении Михайловны с творчеством Токутоми Рока смогли познакомиться многочисленные отечественные читатели: книга была издана тиражом 50 тыс. экземпляров.

Переводами литературных произведений с японского языка Е. М. Пинус стала заниматься еще с 1938 г. Дебютом ее переводческой деятельности стал перевод «Фабричной ячейки» Кобаяси Такидзи в книге «Такидзи Кобаяси. Рассказы», переизданной в 1957 г. Впоследствии из-под пера Евгении Михайловны вышли переводы известных японских писателей разных направлений и эпох. Достаточно упомянуть таких авторов, как Токунага Сунао (1899–1958), Нома Хиро-си (1915–1991), Абэ Кобо (1924–1993) и др.

Особую страницу в японистической жизни профессора Пинус занимают целеустремленное и серьезное изучение еще с 1950-х годов писателя другой эпохи, другого стиля и творческих

концепций по сравнению с Токутоми Рока и другими упомянутыми выше писателями. Объектом ее исследования стал Ихара Сайкаку (1642–1693), по выражению Евгении Михайловны — бытописатель японской городской жизни и певец свободного человеческого чувства. В результате проделанной работы в 1959 г. ей удалось опубликовать книгу «Ихара Сайкаку. Новеллы» с ее же предисловием. Переводы произведений этого автора, выполненные Евгенией Михайловной, выходили и в 1975 г. А переиздание книги 1959 г., вышедшее в 2000 г. тиражом в 10 тыс. экземпляров, разошлось довольно быстро. Не будет преувеличением сказать, что Е. М. Пинус совместно с В. Н. Марковой впервые познакомила россиян с творчеством Сайкаку, ставшим принципиально новым явлением в истории японской литературы.

Научные интересы Е. М. Пинус были очень широкими — от средневековой до новейшей японской литературы. Со второй половины 60-х годов появляются первые работы Евгении Михайловны, связанные с древними японскими мифами: в 1961 г. в книге «Китай. Япония. История и филология: К 70-летию академика Н. И. Конрада» была опубликована ее статья «Древние мифы японского народа», в 1965 г. в книге «Филология и история стран зарубежной Азии и Африки» вышли тезисы под названием «Японский миф о рыбаке и охотнике: По древнейшему памятнику “Кодзики”, VIII в.», а в 1967 г. в книге «Историко-филологические исследования: К 70-летию акад. Н. И. Конрада» вышла ее небольшая статья «Японский миф о рыбаке и охотнике». Эти публикации были своего рода заявками на то, что их автор собирается исследовать и занимается сюжетами, связанными с японской мифологией. В 1972 г. Евгения Михайловна в сборнике «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока» публикует материал под названием «У истоков японской письменности» и в этом же году защищает докторскую диссертацию: «Кодзики — Записи о делах древности. Кн. 1. Мифы: Филологическое исследование» и публикует автореферат докторской диссертации. Можно сказать, что эта защита стала апофеозом и венцом исследовательской и переводческой деятельности Евгении Михайловны Пинус. К сожалению, в виде монографии книга «Кодзики — Записи о деяниях древности» была опубликована только в 1993 г. Санкт-Петербургским издательством «ШАР», почти через 10 лет после смерти Е. М. Пинус.

Кодзики и другими работами Евгении Михайловны, упомянутыми выше, палитра ее японистических филологических интересов не ограничивается. Так, например, профессор Пинус опубликовала ряд работ, связанных с русской литературой в Японии: «Горький и японская литература» (1951), «Гоголь и русская классическая литература в Японии» (1954), «М. Шолохов в Японии» (1956).

Как было упомянуто выше, с 1939 г. Е. М. Пинус начала преподавательскую деятельность: в течение многих лет преподавала японский язык, читала лекции по истории японской литературы, вела семинары по современной и классической литературе. Внесла она свой вклад и в издание учебной литературы: в 1970 г. опубликовала большой материал в учебнике «Литература Востока в средние века. Ч. 1», в том же году в соавторстве с И. Л. Иоффе написала Введение к разделу «Японская литература» в учебнике для вузов «Литература Востока в средние века», а как ведущий специалист и заведующий кафедрой японской филологии ЛГУ (эту должность Евгения Михайловна занимала в 1960–1982 гг.) она руководила созданием «Краткой истории литературы Японии» (Л., 1975).

Евгения Михайловна Пинус воспитала не одно поколение российских японистов, а также специалистов по Японии для Болгарии, Польши, Монголии, Германии, Вьетнама, Эстонии, Украины. Под ее руководством были написаны кандидатские диссертации аспирантами и соискателями ученой степени кандидата филологических наук. Так, в 1983 г. защитились И. В. Мельникова по теме «Становление жанра “емихон” в японской литературе XVIII века и произведение Такэбэ Аятари “Повесть Западных гор” /Нисияма Моногатари, 1768/» и Т. Н. Цоктоева, написавшая работу под названием «Фтабатэй Симэй — переводчик русской литературы (Переводы произведений И. С. Тургенева на японский язык)». В 1986 г. защитили диссертации ее аспирант из ДВГУ В. В. Курлапов, работавший над темой «Антивоенное творчество Куросима Дэндзи»,

и соискатель Н. В. Смирнова, посвятившая свою работу теме «Творчество Таяма Катай и японский натурализм».

Надеюсь, что эта статья напомнит о вкладе Евгении Михайловны Пинус в исследование японской литературы, о ее педагогической деятельности на Восточном факультете ЛГУ и станет знаком доброй памяти об Учителе в год 100-летия со дня ее рождения.

Контактная информация

Рыбин Виктор Викторович — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; gybinvic@hotmail.com

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»
в 2014 году

СЕРИЯ 13: ВОСТОКОВЕДЕНИЕ, АФРИКАНИСТИКА

	Вып.	Стр.
Россия и Восток		
<i>Малашевская М. Н.</i> Российско-японские переговоры на высшем уровне (1997–1998): новые тенденции в развитии двусторонних отношений	4	5–14
<i>Петухова Н. В.</i> Развитие китаеведения как науки в России в середине — второй половине XIX века.....	4	15–22
Языкознание		
<i>Передня А. Д.</i> Структура именных словоизменительных категорий в древнеуйгурском языке (субстантивные категории)	1	5–13
<i>Редькин О. И.</i> Формирование корпуса текстов и определение частотности слов в арабском языке: проблемы и решения	1	14–22
<i>Симатова С. А.</i> Частицы как способ выражения модальности в китайском языке.....	4	23–36
<i>Смирнова М. О.</i> Базовые термины тибетской грамматической традиции	1	23–34
<i>Сунь Шуфан, Шелов С. Д.</i> Номенклатурные наименования как элемент китайской научной лексики (на материале языкознания и литературоведения).....	3	5–16
<i>Энхбат Мунхцэцэг.</i> Части речи в толковом словаре «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» (1717)	4	37–43
История и источниковедение		
<i>Алескерова Н. Э.</i> Основные дочерние ответвления суфийского братства Халватийа в XV–XVI веках	2	5–15
<i>Гаджиева Д. Х.</i> «Аш-Шафийа фи-т-тасриф» Ибн ал-Хаджиба с иерархией комментариев в Дагестане	4	44–55
<i>Илюшина М. Ю.</i> Арабские источники по истории мамлюкского Египта в берлинской коллекции рукописей	1	35–43
<i>Илюшина М. Ю.</i> Поэтическая трилогия о правлении мамлюкских султанов.....	3	17–25
<i>Мокрушина А. А.</i> Сочинения, посвященные литературе и фольклору, из рукописной коллекции А. К. Казем-Бека	3	26–34
<i>Орно Е. С.</i> Рама IV Монгкут (1851–1868) и начало модернизации Сиама	1	44–54
<i>Редькин О. И., Берникова О. А.</i> Проблемы оцифровки и каталогизации арабографических рукописей.....	4	56–64
<i>Солощева М. А.</i> Ссылка Далай-ламы VII 1728–1735 годов: причины и последствия.....	1	55–62
<i>Суцеский А. Г.</i> Надписи из Вадии эль-Холь: опыт исторического описания проблемы .	1	63–70
<i>Харатишвили Г. С.</i> Кавказоведение в Санкт-Петербургском университете и его преподаватели (Часть 1).....	3	35–46
<i>Харатишвили Г. С.</i> Кавказоведение в Санкт-Петербургском университете и его преподаватели (Часть 2).....	4	65–74
<i>Янковская А. А.</i> Средневековые арабские источники по малайско-индонезийскому региону	3	47–53
<i>Яфия Юсиф Джамиль.</i> Рукописи, посвященные лингвистике, из коллекции восточных рукописей А. К. Казем-Бека	3	54–72
Периодизация литературы народов Азии и Африки		
<i>Гурьева А. А.</i> К вопросу о периодизации истории традиционной корейской литературы	2	16–27
<i>Емельянов В. В.</i> Гимны царям I династии Исина как источник датировки шумерских литературных текстов	2	28–38
<i>Усеинова С. Р.</i> Проблемы определения и периодизации арабской религиозной поэзии ...	2	39–52

Литературоведение

Войтишек Е. Э., Бочкарева Д. С. Фольклорные мотивы в творчестве Чи Цзыцзянь (на материале романа «Правый берег реки Аргунь»)	4	75–83
Джафаров В. А., Ибрагимова С. А. Писатели-женщины, представители арабской махджарской литературы	2	53–62
Еловков Д. И. Санскритоязычная литература Камбоджи	2	63–73
Завьялова Е. Е. Эффект мерцания в новелле Хусрава Бабахани «Русалка»	4	84–88
Кузнецова Ю. А. Традиция антиутопии в драме Гао Синцзяня «Другой берег»	4	89–99
Куприянова Ю. А. Образ новой женщины Китая середины XX века в произведениях Чжан Айлин	4	100–107
Ляхович А. В. Произведение «Шейх Умар» Абубакара Тафава Балева в контексте религиозной литературы хауса	3	73–80
Пелевин М. С. Метафоры и образные сравнения в языке афганской племенной хроники	1	71–81
Родионова О. П. Издание русской и советской детской литературы в Китае в новейшее время	1	82–93
Старикова Е. О. Художественный мир вьетнамской народной песни и влияние китайской традиции	2	74–83
Суворов М. Н. «Большая» проза ОАЭ на этапе становления (70–80-е годы XX века)	1	94–104
Тептюк П. С. Мотив обманной свадьбы в средневековых арабских макамах	4	108–112
Цветкова С. О. Песенная техника проповеди Миры Баи: подступы к исследованию	3	81–89
Цолин Д. В. Синтаксис поэтической строки в еврейской литургической поэзии на арамейском языке IV–VIII веков	3	90–111

Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки

Борисова А. А. Некоторые особенности возникновения новых школ японских традиционных искусств, возглавляемых изэмото	1	105–110
Веселова Л. С. Роль неформальных отношений (гуаньси) в социальной жизни КНР после 1949 года: историография вопроса	3	112–122
Завьялова О. Ю. Понятие mǎgǒu в пословицах манден	1	111–116
Козырева Н. В. Этнолингвистический состав населения Месопотамии в начале II тысячелетия до н. э.	2	84–95
Колотов В. Н. Технологии гипноза в миссионерской практике иезуитов во Вьетнаме XVII века (Часть 1)	1	117–133
Колотов В. Н. Технологии гипноза в миссионерской практике иезуитов во Вьетнаме XVII века (Часть 2)	2	96–112
Колотов В. Н. Технологии гипноза в миссионерской практике иезуитов во Вьетнаме XVII века (Часть 3)	3	123–136
Лемешко Ю. Г. Философско-эстетическое осмысление народной картины «И туань хэ ци» регионального центра Таохуау	4	113–120
Погудина Ю. Ю. Появление феномена «город-призрак» в процессе урбанизации Китая ..	2	113–120
Степанова А. С. Гравюры «Ниппон» и их прототипы в творчестве Кавахара Кэйга: праздники, обряды	2	121–135

Международные отношения, политика и экономика стран Азии и Африки

Малашевская М. Н. Концепция истории японской дипломатии 1945–2003 годов в работах Того Кадзухико	3	137–147
Николаев П. П. Индийский фактор как ключевой аспект китайско-бутанских и китайско-сиккимских отношений (1949–1962)	4	121–127

Обзоры и рецензии

Дубровина М. Э. Рецензия на книгу: Аврутина Аполлинария Сергеевна. Древнетюркские рунические памятники: Система письма и фонологическая реконструкция. — М.: Едиториал УРСС, 2011. — 136 с.	1	134–136
Колотов В. Н. В чем секрет экономического роста Вьетнама? Рецензия на монографию Мазырин В. М. Вьетнамская экономика сегодня. Итоги 25 лет рыночной трансформации (1986–2010 гг.). — М.: ИД «Форум», 2013. — 384 с.	2	136–138

Хроника научной жизни

<i>Герасимов И. В., Дьяков Н. Н.</i> Наука и образование в современном Судане (об экспедиционной поездке востоковедов СПбГУ. Январь—февраль 2014 года)	3	148–151
<i>Дьяков Н. Н.</i> Арабистика и исламоведение в современной Европе. О XXVII Конгрессе Европейского союза арабистов и исламоведов в Хельсинки.....	4	128–130
<i>Желтов А. Ю.</i> Петербургская лингвистическая экспедиция в Нигерию	3	152–154
<i>Завьялова О. Ю.</i> Отчет об экспедиции в Гвинею (03.02.2014–03.03.2014 г.)	3	155–156

In memoriam

<i>Рыбин В. В.</i> Памяти Евгении Михайловны Пинус (1914–1984)	4	131–133
--	---	---------